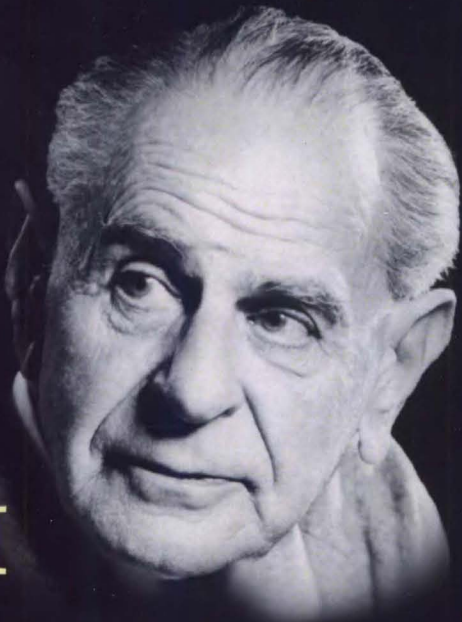

Karl R. Popper

ALLES LEBEN IST
PROBLEMLÖSEN

Über Erkenntnis,
Geschichte
und Politik

GEDANKEN ÜBER
GESCHICHTE
UND POLITIK

Карл Поппер

ВСЯ ЖИЗНЬ —

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ

О познании,
истории и политике

2

МЫСЛИ
ОБ ИСТОРИИ
И ПОЛИТИКЕ

URSS

Karl R. Popper

Alles Leben ist Problemlösen.

Über Erkenntnis, Geschichte und Politik

GEDANKEN ÜBER GESCHICHTE UND POLITIK

Карл Поппер

ВСЯ ЖИЗНЬ — РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ

**О познании, истории
и политике**

Часть 2

**МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ
И ПОЛИТИКЕ**

Перевод с немецкого

URSS

МОСКВА

Поппер Карл Раймунд

Вся жизнь — решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. 2: Мысли об истории и политике. Пер. с нем. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 232 с.

Настоящая книга включает ряд избранных работ влиятельнейшего мыслителя XX века К. Р. Поппера, посвященных ключевым философским проблемам, занимавшим его в разные годы жизни.

Книга состоит из двух частей. Вторая часть, представленная в настоящем издании, содержит мысли об истории и политике: здесь ставятся вопросы о мире и возможности войны в наше время, свободе, ответственности и смысле истории, демократии и открытом обществе.

Первая часть, выходящая одновременно со второй в нашем издательстве, сконцентрирована вокруг вопросов естествознания: в ней приводятся рассуждения автора о философии науки, теории познания, границах научного познания, проблемах взаимодействия биологии, химии и физики.

Для всех собранных в издании работ характерны ясность мысли и простота изложения, всегда высоко ценившиеся автором. Подборка статей и подача материала определялись самим Поппером и его ближайшими коллегами в последний год его жизни. Большая часть текстов публикуется на русском языке впервые.

Эта книга, таким образом — своего рода философское завещание автора и последнее недостающее звено в издании его работ на русском языке. Это лучший путеводитель по философской системе Поппера, составленный им самим из наиболее чистых, выстраданных за долгие годы жизни идей.

Перевод И. З. Шишкова

Формат 60×90/16. Печ. л. 14,5. Зак. № АО-2176.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, проспект Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-5642-3

(ЛЕНАНД)

ISBN 978-5-453-00160-6

(УРСС)

© 2008, University of Klagenfurt.

Karl Popper Library.

All rights reserved

© 2018, УРСС

24221 ID 241261

9 785971 056423

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Содержание

Предисловие	4
1. К теме свободы	12
2. Об историографии и смысле истории	34
3. О теории демократии	71
4. Замечания к теории и практике демократического государства	81
5. Свобода и интеллектуальная ответственность	110
6. Вся жизнь — решение проблем	129
7. Против цинизма в интерпретации истории	141
8. «Войны ведутся ради мира»	162
9. Мысли о крахе коммунизма: попытка понять прошлое и обрисовать будущее	179
10. О необходимости мира	204
Именной указатель	214
Предметный указатель	218

Предисловие

Этот сборник статей и речей можно рассматривать как продолжение моей книги «В поисках лучшего мира» («Auf der Suche nach einer besseren Welt»), которая также вышла в свет в Мюнхене в издательстве «Piper». Обе книги включают в себя статьи, одна часть из которых сконцентрирована вокруг естествознания, другая — вокруг истории или политики. Название этой книги («Вся жизнь — решение проблем») является также названием ее 12-й главы второй части¹⁾ — главы, оказавшей существенное влияние на хоть и краткое, но значимое «Резюме в качестве предисловия», которым открывается тот более ранний сборник работ.

Предисловию к настоящему сборнику я также попытался придать большее значение, чем обычно выпадает на долю предисловий.

Отбор глав — коллективная работа моей ассистентки Мелитты Мью (Melitta Mew)²⁾ и доктора Клауса Штадлера (Klaus Stadler) из издательства «Piper». Я глубоко благодарен им обоим.

---

¹⁾ В русском переводе это глава 6 книги 2: *Поппер К. Р. Вся жизнь — решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. 2: Мысли об истории и политике.* М.: URSS, 2019. — *Прим. ред. перев.*

²⁾ Мью Мелитта — бывший секретарь, а ныне глава Фонда Карла Поппера. — *Прим. перев.*

I

«Вопросы познания природы» — так называется первая часть настоящей книги. Речь здесь идет преимущественно о биологии и о непостижимом богатстве форм жизни.

Чем глубже мы проникаем в какую-либо из многочисленных сфер биологии — с какой бы то ни было стороны, — тем непостижимее оказывается богатство форм биологических структур на каждом уровне и тем поразительнее их гармоническая согласованность.

Последняя глава первой части посвящена Иоганну Кеплеру — великому искателю гармоний в физическом творении Бога и великому открывателю трех кеплеровских законов, которые в высшей степени абстрактно, но в то же время в высшей степени гармонично определяют движения планет. Из трех духовных исполинов — Галилея, его современника Кеплера и следующего за ними Ньютона, — которые вместе и наряду с другими создали наше естествознание, Кеплер является, возможно, самым великим. Он был, судя по всему, наиболее открытым, привлекательным и скромным. Все трое были страстными искателями и неутомимыми тружениками; все трое упорно работали; часто такая работа приносила много разочарований, но они были щедро вознаграждены огромным счастьем первооткрывателя, который видит мир в новом свете: иначе, прекраснее, гармоничнее и лучше, чем кто-либо до них, — и которые потому понимали, что в их упорной работе им благоволила удача, почти незаслуженно, ибо все так просто могло бы пойти совсем не так.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Кеплер был единственным из этих трех исполинов, который не только прошел через все это, но и старательно и откровенно записал. И он, как никто другой, понимал, что именно идеи древнегреческих мыслителей, от Фалеса до Аристотеля, Аристарха³⁾ и Птолемея⁴⁾, вдохновляли Коперника, служившего для Кеплера образцом, на смелые мысли.

Огромная скромность помогала ему — более, чем другим двоим, — снова и снова осознавать свои ошибки — ошибки, для преодоления которых требовались немыслимые усилия, — и учиться на них. Каждый из этих трех исполинов мысли находился по-своему глубоко в плену у предрассудков. (Слово «предрассудки» нам следует использовать здесь с величайшей осторожностью, памятуя о том, как мало мы знаем, и понимая, что и мы сами, не осознавая того, опутаны различными предрассудками.) Галилей находился под влиянием глубокой веры в естественное круговое движение — веры, которую Кеплер в результате продолжительной борьбы сумел преодолеть и в себе, и в астрономии. Ньютон написал фундаментальный труд о традиционной (преимущественно библейской) истории человечества, даты которой он скорректировал, руководствуясь принципами, основанными на определенных предрассудках. А Кеплер был не только астрономом, но и астрологом — и потому был отвергнут Галилеем, а равно и многими другими.

---

³⁾ Аристарх Самосский (около 320–250/230 до н. э.) — древнегреческий астроном, математик и философ, впервые предложивший гелиоцентрическую систему мира и разработавший научный метод определения расстояний до Солнца и Луны и их размеров. — *Прим. перев.*

⁴⁾ Клавдий Птолемей (около 100–170) — позднееллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ. — *Прим. перев.*

Однако Кеплер преодолел догматические формы своего астро-логического предрассудка — он был самокритичным астрологом. Он учил, что судьба, предначертанная звездами, не является неизбежной, но может быть преодолена нашей нравственной волей. Это значительная уступка критикам астрологии. Пожалуй, из этих троих исполинов он был наименее догматичным в своем предрассудке.

II

Второй раздел этой книги, «Мысли об истории и политике», составлен из случайно подобранных работ. Здесь нет никаких советов или рецептов — уж тем более непогрешимых, — но поднимается вопрос об ответственности.

Разумеется, я — за демократию, но не в том значении, какое подразумевают большинство ее сторонников. Уинстон Черчилль как-то заметил: «Демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех прочих»⁵⁾. У нас нет лучшего выхода, нежели при-держиваться решения большинства. Правительство большинства *от-ветственно*, коалиционное правительство ответственно в гораздо меньшей степени, а правительство меньшинства — еще меньше.

«Демократия» в значении «власти народа» почти никогда не существовала, а если даже и существовала, то была безответствен-ной диктатурой произвола. Правительство может и должно быть ответственным перед народом. Власть народа не способна на это; она безответственна.

---

⁵⁾ См. об этом с. 119, 124 — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Стало быть, я — за демократически избранное конституционное правительство, а это нечто существенно иное, чем власть народа. И я за ответственное правительство — правительство, которое несет ответственность в первую очередь перед своими избирателями, но, что, может быть, еще важнее, морально ответственно перед человечеством.

Никогда прежде такие количества такого страшного оружия не были сосредоточены в столь многочисленных безответственных руках — в тысячи раз больше, чем после двух мировых войн. Наши ведущие политики несут ответственность перед нами за эту ситуацию и за то, что мирятся с ней. Мы должны поставить это всем им в вину.

Большинство наших политических лидеров были бы рады изменить положение дел. Однако они унаследовали от своих предшественников мировую ситуацию, которая постоянно ухудшается из-за гонки вооружений, подхлестываемой сумасбродными руководителями, и, похоже, смирились с ней — пусть и неохотно. Любое вмешательство в нее представляется делом рискованным и сложным. Вот почему об этом стараются по возможности не говорить.

После войн речь зашла о разоружении. Западные демократии значительно продвинулись в деле разоружения. Но лишь они одни. В основу Лиги наций, а позднее, после Второй мировой войны, и ООН была положена превосходная идея — идея о том, что моральное и военное превосходство обязывает их обеспечивать мир, вплоть до того момента, когда прочие осознают и усвоят свой долг.

Ни у кого не вызывает сомнений, что мы на грани того, чтобы отступить от этой позиции. Мы не объясняем это избирателям: мы опасаемся жертвовать этим. Мы избегаем пускаться в авантюру, называя авантюрой то, что является нашим долгом.

III

Пытаясь размышлять о нашей европейской и американской истории, я прихожу к заключению, которое созвучно уже не раз процитированному мною выводу английского историка Г. А. Л. Фишера (H. A. L. Fisher)⁶⁾:

Факт прогресса ясно и щедро запечатлен на страницах истории. Однако прогресс не является законом природы. То, что достигнуто одним поколением, может быть утрачено следующим.

С каждым из трех суждений Фишера, высказанных здесь, можно и нужно согласиться. Однако в чем состоит тот «прогресс», о котором, как справедливо замечает Фишер, свидетельствует нам история, но который ненадежен и может быть утрачен?

Ответ на этот вопрос столь же очевиден, сколь и важен: прогресс, который подразумевает Фишер и который мы все имеем в виду, — это этический, нравственный прогресс. Он направлен

---

⁶⁾ Фишер Герберт Альберт Лоренс (1865–1940) — английский историк, педагог и либеральный политик. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

на достижение мира на земле, о котором возвестил еще Новый Завет: на то, чтобы насилие во всех его проявлениях исчезло в государствах — как во внутренних, так и во внешних отношениях. Это прогресс в сторону цивилизованного человеческого общества, прогресс в сторону верховенства закона, к единению всех государств на принципах господства права с целью сохранить мир.

Это — согласно Канту — наша нравственная задача: задача, над решением которой должны работать все люди доброй воли, цель, которую мы должны поставить истории. С появлением ядерного оружия эта цель стала целью *необходимой*.

Эта цель не только перспективна (ибо в настоящее время цивилизованные государства являются и самыми могущественными) — она также необходима. Наличие ядерного оружия делает ее непрременной целью любого, кто готов вступить за дальнейшее существование человечества и цивилизации. Ибо альтернативой этому может быть только их уничтожение.

Такая постановка цели изначально проистекает из римского права эпохи Августа и Нового Завета: *Et in terra pax hominibus bonae voluntatis* — «И мир на земле для всех людей доброй воли». (Что можно было бы перевести также: «И мира на земле достичь всеми людьми доброй воли».)

Из преступлений Первой мировой войны, приведших к пакту Келлога, и преступлений Второй мировой войны, приведших к созданию ООН, возникло достаточно мощное политическое движение всех людей доброй воли.

Но «то, что достигнуто одним поколением, может быть утрачено следующим», говорит Фишер.

Оно утрачено. И мы должны возродить утраченное. Мы должны помнить о нашем долге. И мы должны напоминать нашим политикам, что их смерть (или их отставка) не снимает с них ответственность.

Кенли, 12 июля 1994 г.

К. Р. П.

1

К теме свободы

Доклад, прочитанный в Альпбахе 25 августа 1958 г. Впервые опубликован в издании: Die Philosophie und die Wissenschaften. Simon Moser zum 65. Geburtstag. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1967.

I

Мы очень мало знаем об истории заселения Австрийских, Швейцарских и Французских Альп, происходившего еще в доисторические времена. Но, очевидно, мы можем мысленно себе представить, как могло случиться так, что люди, занимавшиеся земледелием и животноводством, обживались в диких и непроходимых частях высокогорных Альп, где они могли бы владеть в лучшем случае трудную, скудную и подвергавшуюся опасности жизнь. Пожалуй, вероятнее всего, эти люди взобрались на горы потому, что они предпочли такое сомнительное существование в дикой местности покорению могущественным соседом. Несмотря на небезопасность и риск, они выбрали свободу. Я часто и охотно обыгрываю ту мысль, что швейцарские и тирольские традиции свободы восходят в том числе и к этим дням доисторического заселения Швейцарии.

Во всяком случае, вызывает интерес и производит впечатление тот факт, что Англия и Швейцария, две старейшие демократии в современной Европе, сегодня так похожи друг на друга в своей любви к свободе и в своей готовности отстаивать свободу. Это кажется странным, так как по некоторым другим чертам, в частности по своему политическому происхождению, две эти демократии принципиально различаются. Английская демократия обязана своим возникновением гордости и чувству независимости высшей аристократии, а своим дальнейшим развитием — протестантскому способу мышления, личной совести и религиозной терпимости как следствиям больших религиозных и политических конфликтов, вызванных пуританской революцией. Швейцарская же демократия возникла не из гордости, чувства независимости и индивидуализма высшей аристократии, а из гордости, чувства независимости и индивидуализма высокогорных крестьян.

Это полное различие исторических начал и традиций приводит к совершенно различным традиционным институтам и совершенно различным системам традиционных ценностей. То, что швейцарец или тиролец ожидает от жизни или на что надеется, как я полагаю, в целом принципиально отличается от того, что ожидает от жизни или на что надеется англичанин. Различие этих систем ценностей зиждется, пожалуй, отчасти на различии систем воспитания. Крайне интересно, что различие систем воспитания, в свою очередь, кроется в тех глубоких исторических и социальных контрастах, на которые я указал. Воспитание в Англии было вплоть до нынешнего столетия привилегией аристократии и землевладельцев-сквайров (помещиков) — стало быть, не горожан и буржуазии,

Часть 2. Мысли об истории и политике

а живших в деревне семей крупных землевладельцев. Эти семьи были носителями культуры, из них выходили также независимые и академические ученые (часто дилетанты оказывались весьма влиятельными и оригинальными исследователями), представители высших профессий — политики, духовенство, судьи, офицеры. В противоположность этому носителями высокой культуры на континенте были горожане, большей частью они — выходцы из городской буржуазии. Воспитание и культура не наследовались, а вырабатывались сами по себе. Воспитание и культура не были символом наследуемого социального положения семьи, а были средством и символом восхождения по социальной лестнице, самоосвобождения посредством знания. Этим также объясняется, почему успешная борьба против бедности в Англии была одним из способов продолжения религиозной борьбы на ином уровне — борьбы, в которой призыв аристократии и буржуазии к религиозной совести играл решающую роль. В то же время борьба против бедности и нищеты в Швейцарии, так же как и в Австрии, была инспирирована идеей самоосвобождения посредством знания, идеей благородного воспитания Песталоцци¹⁾.

Несмотря на все эти глубочайшие различия, обе страны, Англия и Швейцария, знали, что существуют ценности, которые должны быть защищены любой ценой. К этим ценностям относится прежде всего личная независимость, личная свобода. Обе страны знали, что за свободу следует бороться, и ее надо отстаивать даже тогда, когда вероятность успеха представляется ничтожно малой. Когда в 1940 г.

---

¹⁾ Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) — швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX века. — *Прим. перев.*

Англия одна боролась за свободу, Черчилль²⁾ не обещал англичанам победу. «Я не могу обещать вам ничего лучшего, — говорил он, — чем кровь и слезы». И это были слова, придавшие смелость Англии в дальнейшей борьбе.

В Швейцарии также традиционно сохранялась решимость вести борьбу — борьбу против несомненно могущественного противника, каким была сначала династия Габсбургов³⁾, а позже — Третий рейх, благодаря чему сохранилась независимость швейцарцев во время Второй мировой войны.

II

Я опасаясь, что соблазнюсь великолепными, чарующими окрестностями нашего любимого Альпбаха, этой чудной гармонией природы и человеческих рук, любовью к родине и человеческим усердием, и мое вступительное слово покажется несколько сентиментальным и романтическим. А потому я чувствую себя обязанным сразу же нейтрализовать это сентиментальное и романтическое вступительное слово вторым вступлением, в котором я выступлю против романтики — в частности, против романтики в философии. Это второе вступление мне хотелось бы начать с признания.

---

²⁾ Черчилль Уинстон (1874–1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.; военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии, лауреат Нобелевской премии по литературе. — *Прим. перев.*

³⁾ Габсбурги — одна из наиболее могущественных династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени. Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 г.). — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Прежде всего для меня очень важно, чтобы к сказанному мною далее не отнеслись с доверием. Напротив, мне хотелось бы, чтобы к этому отнеслись с большим сомнением. Я не являюсь, как многие мои коллеги философы, лидером, прокладывающим новые пути; я — не провозвестник нового направления в философии. Я довольно-таки старомодный философ, верящий в совершенно устаревшую философию. Это философия давнего прошлого, эпохи рационализма и Просвещения. Как один из последних поборников рационализма и Просвещения я верю в самоосвобождение людей посредством знания — равно как когда-то верил в него Кант, последний великий философ Просвещения, или Песталоцци, боровшийся с бедностью посредством знания. Стало быть, мне хотелось бы совершенно ясно сказать, что я здесь представляю воззрения, которые уже примерно 150 лет назад устарели и были признаны совершенно неудачными, ведь Просвещение уже незадолго до 1800 г. было разоблачено романтиками как просветительская болтовня (или как «пустое просветительство» — намек на мусор⁴⁾). Но, к сожалению, я настолько отсталый, что все еще придерживаюсь этой устаревшей философии. С позиции своей отсталости я не могу не видеть в философии романтиков, и особенно в философии трех великих вождей немецкого идеализма — Фихте, Шеллинга и Гегеля, — интеллектуальную и нравственную катастрофу — величайшую интеллектуальную и нравственную катастрофу, постигшую немецких и европейских интеллектуалов. Эта катастрофа, эта интеллектуальная и моральная цепная реакция, как я полагаю, имела разрушительное и отупляющее воздействие, аналогичное распространению

---

⁴⁾ Нем. «Aufklärlicht» — пустое, показное просветительство; «Kehricht» — сор, мусор. — Прим. перев.

огромного атомного облака. Она произвела то, что много лет назад Конрад Хайден (Konrad Heiden)⁵⁾ назвал в своей книге о Гитлере «эпохой интеллектуальной и моральной недобросовестности».

Это — дух времени и порожденное духом времени движение, которое, пожалуй, никому не позволит бездействовать — и менее всего запоздалому поборнику Просвещения, каковым являюсь я; тому, кому очень хорошо знакома сила моды или духа времени, но кто тем не менее не готов уступить ей. В отличие от великих романтических и современных авторитетов я не считаю, что задача философа — выразить дух времени. Я считаю (как, впрочем, и Ницше), что философ должен постоянно проверять самого себя на предмет того, не начал ли он в конце концов уступать духу времени, который угрожает его духовной независимости. Я полностью согласен с Гуго фон Гофмансталем (Hugo von Hofmannsthal)⁶⁾, который говорит в своей «Книге о друге» («Buch der Freunde»): «Философия — это судья духа времени; скверно, если вместо этого она его выражает».

III

Я воспринимаю себя как рационалиста и просветителя, хоть это признание и направлено против меня. Однако, чтобы придать смысл этому утверждению, мне следует, хотя бы вкратце, что я понимаю под рационализмом и Просвещением.

---

⁵⁾ Хайден Конрад (1901–1966) — влиятельный немецкий и американский журналист, историк Веймарской республики, автор одной из первых биографий А. Гитлера (1936–1937). — *Прим. перев.*

⁶⁾ Гофмансталь Гуго фон (1874–1929) — австрийский писатель, поэт, драматург, выразитель идей декадентства в австрийской литературе конца XIX – начала XX века. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Когда я говорю о рационализме, то имею в виду *не* философскую теорию, например теорию Декарта, и даже *не* крайне неразумную мысль, что человек есть чисто разумное существо. Когда я говорю о разуме или рационализме, то разумею под этим не что иное, как убеждение в том, что мы можем *учиться* посредством критики собственных ошибок и заблуждений, включая критику других людей, а также самокритику. Рационалист — это всего лишь человек, которому важнее учиться, чем оставаться правым, который готов учиться у других не в силу того, что он просто принимает чужое мнение, а в силу того, что он охотно позволяет другим критиковать свои идеи и охотно критикует идеи других. Акцент здесь делается на идею критики, или, точнее, *критической дискуссии*. Стало быть, подлинный рационалист не считает, что он сам или кто-то еще обладает истиной. Также он не считает, что чистая (голая) критика как таковая уже содействует нам в новых идеях. Однако он верит в то, что только рациональная критическая дискуссия может позволить отделить в области идей зерна от плевел. Пожалуй, он знает, что допущение или непринятие идеи никогда не является чисто рациональным делом. Но он верит, что только критическая дискуссия может способствовать тому, чтобы мы увидели идею с разных сторон и оценили ее правильно.

Эта симпатия к критической дискуссии имеет также и свою человеческую сторону. Безусловно, рационалист знает очень хорошо, что человеческие отношения не исчерпываются критической дискуссией. Напротив, он знает, что рациональная, критическая дискуссия является большой редкостью в нашей жизни. И тем не менее он полагает, что установка на взаимные уступки («give and take»),

как это называется по-английски), то есть точка зрения, лежащая в основе критической дискуссии, имеет огромное чисто человеческое значение. Ведь рационалист знает, что своим разумом он обязан другим людям. Он знает, что разумная, критическая установка может быть только результатом критики других и что только через критику других можно прийти к самокритике.

Пожалуй, рационалистическую установку можно было бы выразить следующим образом: возможно, я не прав, а ты прав, но в любом случае мы оба можем надеяться, что после нашей дискуссии что-то прояснится. И в любом случае мы оба можем учиться друг у друга, пока не забываем, что это не очень зависит от того, кто остается правым, тем более когда мы приближаемся к истине. Только с этой целью мы отстаиваем свою позицию в дискуссии столь усердно, сколь это возможно.

Это и есть вкратце все, что я думаю о рационализме. Но когда я говорю о Просвещении, то подразумеваю нечто большее. В этом случае я думаю прежде всего об идее самоосвобождения знанием — о той идее, которая была инспирирована Кантом и Песталоцци; я думаю о долге каждого интеллектуала помочь другим освободиться духовно и понять критическую установку — долге, о котором интеллектуалы в большинстве своем забыли начиная с Фихте, Шеллинга и Гегеля. К сожалению, среди интеллектуалов слишком широко распространено только желание импонировать другим и, как говорит Шопенгауэр, не поучать их, а обманывать. Они выступают как вожди, как пророки, отчасти потому, что от них ожидают пророчества — их ждут как провозвестников неизведанных тайн жизни, мира и человека, истории и бытия. Здесь, как это часто

бывает, постоянный спрос, к сожалению, порождает предложение. Вождей и пророков ищут. И неудивительно, что их находят. Однако «взрослые люди не нуждаются в вождях», как однажды сказал Г. Дж. Уэллс ⁷⁾, и взрослые также должны *знать*, что они не нуждаются в вождях. А что касается пророчества, то я считаю, что долг каждого интеллектуала — самым недвусмысленным образом дистанцироваться от него.

IV

Каков внешний признак, различающий две эти установки — просветителя и пророка-самозванца? Это язык. Просветитель говорит настолько просто, насколько это только возможно. Он хочет быть понятым. В этом отношении среди нас философов непревзойденным мастером, видимо, является Бертран Рассел ⁸⁾: даже тогда, когда с ним нельзя согласиться, следует им восхищаться. Он всегда говорит ясно, просто и непосредственно.

Почему простота языка просветителей представляет для нас интерес? Потому что истинный просветитель, истинный рационалист никогда не хочет быть уверенным. Да он, в сущности, никогда и не будет уверенным: он всегда осознает, что может заблуждаться.

---

⁷⁾ Уэллс Герберт Джордж (1866–1946) — английский писатель и публицист, представитель критического реализма, сторонник фабианского социализма. — *Прим. перев.*

⁸⁾ Рассел Бертран (1872–1970) — британский философ, общественный деятель и математик, один из основателей английского неореализма, а также неопозитивизма, лауреат Нобелевской премии по литературе. — *Прим. перев.*

Однако он в первую очередь обращает внимание на независимость, на духовную независимость других в своем желании убедить их в важных вещах. Скорее всего, он желает вызвать возражение, а лучше всего разумную и строгую критику. Он желает не убедить, а встряхнуть, пробудить, призвать к открытой выработке мнения. Последняя для него очень ценна; ценна не только потому, что посредством открытой выработки мнений мы все можем приближаться к истине, но и потому, что он (просветитель) уважает открытую выработку мнений как таковую. Он уважает ее даже тогда, когда развиваемое им мнение как таковое оказывается в сущности ошибочным.

Одной из причин того, почему просветитель никогда не желает уверять и убеждать, является следующее. Он знает, что за пределами узкой области логики и, возможно, математики ничего нельзя доказать. Можно, пожалуй, выдвинуть аргументы и можно критически исследовать мнения. Однако за рамками элементарной части математики наша аргументация никогда не является настоящей и полной. Мы должны всегда оценивать причины, мы должны всегда решать, какие причины имеют больший вес: причины, которые говорят в пользу мнения или, наоборот, против него. Так что выработка мнения не в последнюю очередь всегда включает в себя элемент открытого решения. А такое открытое решение делает мнение с человеческой точки зрения очень ценным.

Столь уважительное отношение к открытому личному мнению Просвещение переняло от Джона Локка⁹⁾ и развило дальше.

---

⁹⁾ Локк Джон (1632–1704) — британский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Несомненно, оно является прямым следствием английской и континентальной религиозных войн. Эти войны породили в конечном счете идею религиозной терпимости, которая никоим образом не является чисто негативной идеей, как это очень часто утверждается (например, Арнольдом Тойнби¹⁰⁾). Она выражает не только усталость от борьбы и точку зрения, согласно которой бессмысленно насильно навязывать посредством террора конформизм религиозных убеждений. Напротив, религиозная терпимость возникает из позитивного знания о том, что навязанное насилием религиозное единогласие не стоит ровным счетом ничего, что только свободно принимаемая религиозная вера может быть ценностью. Эта точка зрения имеет своим следствием требование уважать каждую достойную веру, а тем самым и свое мнение, и мнение других. Она приводит, говоря словами Канта, последнего великого философа Просвещения, к признанию достоинства человеческой личности.

Под положением о достоинстве личности Кант понимал требование уважать каждого человека и его убеждения. Кант связал это правило с принципом Гиллеля¹¹⁾, который англичане справедливо называют золотым правилом и который в приближенном переводе звучит весьма банально: «Не делай другим того, чего не желаешь для себя». Кант тесно связал этот принцип с идеей свободы — свободы

---

¹⁰⁾ Тойнби Арнольд Джозеф (1889–1975) — британский историк, философ истории, культуролог и социолог. — *Прим. перев.*

¹¹⁾ Гиллель (сер. I в. до н. э. — нач. I в. н. э.) — раввин периода позднего Второго Храма, родился в Вавилонии. Согласно поздней талмудической традиции, принадлежит к роду Давидидов. — *Прим. перев.*

мысли, которой требовал шиллеровский маркиз Поза от короля Филиппа¹²⁾. Свободы мысли, которую Спиноза пытался обосновать как неотчуждаемую свободу: тиран, вероятно, всегда пытается выхватить ее у нас, но он никогда не сможет ее у нас отобрать.

Я думаю, что в этом пункте мы уже не можем согласиться со Спинозой. Возможно, правильно, что свободу мысли никогда нельзя полностью подавить. Но ее можно по меньшей мере подавлять в течение длительного времени. Ведь без свободного обмена мнениями не может существовать никакой действительной свободы мысли. Мы нуждаемся в других, чтобы на них апробировать наши мысли, чтобы определить, обоснованы ли они. Критическая дискуссия — основа свободного мышления отдельного человека. А это означает, что без политической свободы невозможна свобода мысли. В свою очередь, это означает, что политическая свобода является предпосылкой свободного применения разума каждым отдельным человеком.

Я попытался вкратце объяснить, что понимаю под рационализмом и Просвещением. Одновременно я постарался кратко пояснить, почему в моем понимании рационализм, равно как и Просвещение), нуждаются в свободе мысли, религиозной свободе, в уважении честного мнения других, в конечном счете в политической свободе. Но я совершенно далек от утверждения, что только рационализм любит свободу или может обосновать требование свободы. Напротив, я убежден, что существуют другие точки зрения, и в частности религиозные установки, требующие свободы совести

---

¹²⁾ Маркиз Поза, король Филипп II — герои драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос». — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

и исходя из этого требования также добивающиеся уважения мнения других и обоснования политической свободы. И если ранее я, возможно, с некоторой иронией предостерегал от своего устарелого рационализма, то теперь мне хотелось бы повторить это предостережение со всей серьезностью: да, я рационалист, но я никого не хочу наставлять на путь истины. Я также не хочу во имя свободы злоупотреблять возможностью обратить кого-нибудь в рационалиста. Но мне хотелось бы вызвать возражение у других; мне хотелось бы, если это возможно, побудить других видеть вещи в новом свете — тем самым каждый смог бы принять *свое* собственное решение, участвуя, насколько это возможно, в открытой выработке мнений.

Каждый рационалист должен, вслед за Кантом, сказать: философии нельзя научиться, самое большее — можно научиться философствованию, то есть критической установке.

V

Откуда возникает это философствование, эта критическая установка? Безусловно, мы не знаем этого с достоверностью. Но, по всей видимости, это нечто весьма исключительное, и таким образом, если отвлечься от других значений, оно претендует на значение исключительности. Насколько нам известно, оно возникло в Древней Греции и изобретено Фалесом из Милета, основателем ионийской школы натурфилософии.

Школы существовали уже среди весьма примитивных народов. Задача школы состоит всегда в том, чтобы сохранить и передать учение основателя школы. Если член школы пытается изменить учение, то его изгоняют как еретика, и в школе возникает раскол. Стало быть, школы размножаются путем раскола. Но, разумеется, традиционное учение школы иногда должно все же приспосабливаться к новым внешним обстоятельствам, например к новым добытым знаниям, ставшим всеобщим достоянием. В таких случаях изменение официального учения школы осуществляется почти всегда скрытым образом, путем реинтерпретации старого учения, так что впоследствии можно сказать, будто в учении ничего не изменилось: новое преобразованное учение (ведь не признается, что оно изменено) приписывается учителю, основателю школы. «Сам учитель это сказал», — такие слова мы постоянно слышим в школе пифагорейцев.

Вот почему обыкновенно невозможно или по меньшей мере крайне трудно реконструировать историю идей такой школы: в самой сути этого метода заложено приписывать все идеи основателю. Насколько мне известно, единственная традиция, отступающая от этой застывшей схемы, — это традиция ионийской школы Фалеса, которая со временем стала традицией греческой философии и, после возрождения этой философии в эпоху Ренессанса, в конечном счете традицией европейской науки.

Попытаемся представить себе на мгновение, что значит по-рывать с догматической традицией *одного* незапятнанного учения школы и ставить на ее место традицию критической дискуссии, множества учений, плюрализма, различных конкурирующих учений, которые тем не менее все пытаются приблизиться к истине.

Часть 2. Мысли об истории и политике

То, что именно Фалес совершил этот поистине эпохальный шаг, нам ясно из того факта, что в ионийской школе, единственной среди всех школ, ученики пытались совершенно открыто улучшить учение учителя. Это становится понятным только в том случае, если представить себе, что Фалес говорил своим ученикам: «Это — мое учение. Так я мыслю себе вещи. Попытайтесь его улучшить».

Тем самым Фалес заложил новую традицию — можно сказать, двухступенчатую традицию. Во-первых, его собственное учение передавалось через традицию школы, а также через отклоняющиеся от традиции учения каждого нового поколения учеников. Во-вторых, традиция поддерживалась тем, что ученики подвергали критике своего учителя и пытались улучшить его идеи. Стало быть, в этой школе изменение, преодоление учения принималось за успех, и такое преобразование связывалось с оглашением имени того, кто его осуществил. Тем самым впервые становится возможной действительная история идей.

Двухступенчатая традиция, которую я здесь описал, характерна для нашей современной науки. Она является одним из важнейших элементов нашего западного мира. Насколько мне известно, она была введена лишь единожды. Спустя примерно два или три столетия она была утеряна, но была заново открыта спустя полтора тысячелетия, в эпоху Ренессанса, — по существу, Галилео Галилеем. Стало быть, она могла быть основательно разрушена и забыта. И она могла полностью развиться только там, где существовала политическая свобода.

Хотя рационализм, как я его здесь описал, является и в Европе все еще очень большой редкостью и, пожалуй, едва ли может рассматриваться как одна из характерных религий Европы, хотя идеи

рационализма обсуждаются в наши дни почти всеми интеллектуалами лишь с величайшим презрением, тем не менее рационализм Фалеса является идеей и традицией, без которой наша европейская цивилизация вовсе бы не существовала. Ведь ничто так не характерно для нашей европейской цивилизации, как тот факт, что она есть нарочито научная цивилизация. Она — единственная цивилизация, которая создала естествознание и в которой именно наука играет решающую роль. Однако это естествознание есть непосредственный продукт рационализма; оно — продукт рационализма древнегреческой философии.

VI

До сих пор я представлял себя только как одного из рационалистов и просветителей и пытался объяснить, что я имею в виду, когда говорю о рационализме и Просвещении. Я также пытался вкратце объяснить, что рационализм и Просвещение постулируют политическую свободу. Однако было бы смешно отождествлять любовь к свободе с рационализмом или Просвещением или даже рассматривать их в тесной связи.

Ведь желание свободы есть нечто совершенно примитивное, мы обнаруживаем его уже у животных — даже у домашних животных — и у маленьких детей, хотя и в различной степени. Но в политической сфере свобода становится проблемой, так как неограниченная свобода каждого отдельного человека, безусловно, невозможна из-за совместного проживания людей. Если я могу позволить себе делать все, что хочу, то я также вправе ущемлять свободу других.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Кант решал этот вопрос, выдвигая перед государством требование ограничивать свободу отдельного человека настолько и только настолько, насколько это необходимо для совместного проживания людей, при этом такое необходимое ограничение свободы должно касаться, по возможности, в равной мере всех граждан. Этот подлинный кантовский принцип показывает, что проблема политической свободы может быть решена, по меньшей мере абстрактно. Однако у нас нет критерия политической свободы, так как часто в отдельных случаях мы не можем установить, действительно ли необходимо определенное ограничение свободы и не является ли оно бременем, налагаемым в равной степени на всех граждан. Поэтому мы нуждаемся в другом, легче применимом критерии. В качестве такового я предлагаю следующий: *государство политически свободно, когда его политические институты практически доступны для его граждан без того, чтобы это влекло кровопролитие при смене правительства в случае, когда большинство желает его смены*. Или, выражаясь кратко: мы свободны, если наши правители могут обойтись без кровопролития.

Здесь мы имеем дело с критерием, позволяющим нам отличить политическую свободу от политической не-свободы, или, если хотите, отличить демократию от тирании.

Безусловно, в данном случае от слов «демократия» и «тирания» вообще ничего не зависит. Если, например, кому-то нужно назвать некоторые несвободные государства «демократиями», а устройство Англии или Швейцарии «тиранией», то я не стану спорить о том, правильно ли или ошибочно применяются эти названия, а просто скажу: «Если бы мне нужно было воспользоваться Вашей

терминологией, то мне следовало бы признать себя противником демократии и сторонником тирании». Таким путем можно избежать спора о словах: речь ведь идет не о словах, а о действительной оценке.

Данный мной выше критерий политической свободы является простым, но, конечно, несколько грубым инструментом. Прежде всего он нам ничего не говорит о столь важном вопросе, как защита меньшинства, например религиозного, языкового или этнического меньшинства.

VII

Всем, что я до сих пор говорил, я пытался определить границы, внутри которых мы можем теперь обсуждать некоторые весьма актуальные вопросы сегодняшнего положения свободы и свободного западного мира. Центральный вопрос, который мы хотим здесь поставить, мне хотелось бы сформулировать так:

Что принесла нам свобода? Благо (добро) или зло? Что взяло верх? Как видится баланс добра и зла?

Я нахожу эти вопросы чрезвычайно интересными и хочу попытаться сформулировать свой ответ по возможности строгим и точным образом в ряде тезисов.

Мой *первый тезис* следующий. Я утверждаю, что наш мир, мир западных демократий, хотя и не является лучшим из всех мыслимых или логически возможных политических миров, все-таки является лучшим из всех политических миров, которые известны в истории. В этом отношении я, стало быть, необузданный оптимист.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Чтобы объяснить и обосновать этот свой оптимистический первый тезис, мне хотелось бы прежде всего сказать, что, восхваляя наше время, я никоим образом не связываю его ни с высшим стечением обстоятельств, ни с экономическим чудом, хотя, безусловно, немалое значение имеет тот факт, что в нашем обществе от голода страдает меньше людей, чем когда-либо раньше. Я подразумеваю нечто совершенно другое. Чтобы прояснить это «контрастным способом», мне хотелось бы сослаться на замечание бывшего епископа Брэдфорда (Bishop of Bradford), который в 1942 г. проклял наш западный мир как мир Сатаны и призвал всех верующих служителей христианской религии содействовать уничтожению этого порождения дьявола и победе сталинского коммунизма. С тех пор сатанизм самого Сталина признавался самими коммунистами. На короткий, но крайне насыщенный событиями период сатанизм Сталина стал важнейшей составляющей генеральной линии партии, если даже не программой партии. И тем не менее все еще имеются верующие люди, а в Англии даже глубоко верующие, истинные христиане, которые думают так же, как бывший епископ Брэдфорд.

Чтобы теперь строго сформулировать свой первый оптимистический тезис, мне достаточно будет сказать, что исходя из той же самой точки зрения, с позиции которой епископ осудил наш западный мир как создание дьявола, я характеризую наш мир как лучший из всех миров, известных в истории.

У епископа речь шла прежде всего о чисто человеческих ценностях — о том, что Кант называл человеческим достоинством, и о готовности оказать человеческую помощь. Они, как он полагал, были подвергнуты опасности на Западе и гарантированы в России.

Но мне кажется, что из-за своего идеализма он неправильно истолковал факты. Никогда раньше не существовало общества, в котором так ничтожно мало было бы угнетенных, униженных и оскорбленных, как у нас. Никогда прежде не было так много тех, кто готов жертвовать, чтобы облегчить голод и нищету других.

Таким образом, я считаю, что мы на Западе не имеем никаких оснований стыдиться перед Востоком. Но этим я не хочу сказать, что мы не должны подвергать критике наши устройства. Напротив, хотя наш мир лучше всех предыдущих миров, все же в нем еще встречается много скверного. И все свои достижения мы можем в любой момент потерять: эта опасность крайне велика и, пожалуй, сохранится навсегда. Отсюда я перехожу к своему *второму тезису*.

Хотя я считаю наш политический мир лучшим из всех миров, которые известны нам из истории, мы должны все-таки остерегаться приписывать этот факт демократии или свободе. Свобода — это не поставщик, приносящий нам домой жизненные блага. Демократия ничего не создает — включая и экономическое чудо. Ошибочно и крайне опасно рекламировать свободу рассказами о том, что люди будут обеспечены всеми благами, если они сперва станут свободными. Как обычно бывает в жизни, вопрос о благополучии или милости, рассматриваемый на некотором относительно небольшом срезе, есть, по-видимому, преимущественно также и вопрос о деловитости, усердии и других добродетелях. О демократии или свободе в лучшем случае можно сказать, что под влиянием нашей личной деловитости от них тоже немного зависит наше благополучие. Тем самым я подхожу к своему *третьему тезису*.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Мы можем выбирать политическую свободу не потому, что нам обещают комфортную жизнь, а потому, что она сама есть предельная (абсолютная) ценность, несводимая к ценности материальной. Мы должны делать выбор в ее пользу, как когда-то Демокрит, который сказал:

Я предпочитаю бедную жизнь при демократии богатству при тирании.

И еще:

Бедность при демократии лучше всех богатств при аристократии или единовластии, так как свобода лучше, чем рабство.

В своем *четвертом тезисе* мне хотелось бы продвинуться вперед еще на один шаг. Свобода, демократия и наша вера в них могут стать для нас катастрофой. Неверно, что вера в свободу всегда приводит к победе. Нам следует быть готовыми к тому, что она (вера) может вести к поражению; если мы выбираем свободу, мы должны быть готовы погибнуть вместе с ней. Поляки боролись за свободу, как никакая другая страна. Чешский народ в 1938 г. был готов бороться за свою свободу: в народе не было малодушия, решалась его судьба. Венгерская революция 1956 г. — дело молодых людей, которые ничего не теряли, кроме своих цепей, — одновременно победила и провалилась.

Борьба за свободу может потерпеть поражение и другим путем: она может вырождаться в терроризм, как случилось во Французской и Русской революциях. Она может вести к крайней степени рабства.

1. К теме свободы

Демократия, свобода не гарантируют тысячелетнее царство. Нет, мы выбираем политическую свободу не потому, что она обещает нам то или иное благо. Мы выбираем ее потому, что она делает возможной единственную достойную людей форму совместной жизни, единственную форму, в которой мы можем быть полностью ответственными сами за себя. Реализуем ли мы эту возможность, зависит от многих обстоятельств — но в первую очередь от нас самих.

2

Об историографии и смысле истории

Опубликовано в издании: Geist und Gesicht der Gegenwart. Gesehen durch das Spektrum Alpbach / Hrsg. O. Molden. Zürich: Europa Verlag, 1962. Этот текст большей частью состоит из формулировок последней главы книги: Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. Bd. II. 7. Aufl. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1992. S. 304–328. Русский перевод: Понтер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 299–322.

Невозможно написать историю, не определив свою позицию по основным проблемам общества, политики и нравственности. Такая позиция всегда будет содержать существенный личностный элемент. Это не значит, что содержание исторического труда полностью или даже частично представляет собой только личное мнение. Произведение историка должно быть истинным, объективным, и где бы он ни высказывал свою личную точку зрения на моральные и политические явления, ему следует всегда разъяснять, что его точка зрения, предложения и решения не носят того же характера, что и его утверждения об исторических фактах. Однако

отбор затрагиваемых фактов есть всегда в высшей степени предмет личного решения, во всяком случае в гораздо большей мере, чем, скажем, в случае написания естественно-научного труда, после того как уже определена его тема.

В некотором смысле это различие заключается лишь в степени. Даже естествознание не есть *только* «масса фактов». Оно есть по меньшей мере собрание фактов и как таковое зависит от интересов коллекционера-исследователя, от его точки зрения. В науке точка зрения исследователя обычно детерминируется научной теорией. А это значит, что из бесконечного многообразия фактов и их аспектов мы выбираем лишь те, которые представляют для нас интерес, поскольку они связаны с определенной научной теорией, которую мы более или менее ясно себе представляем заранее. Одна известная школа теоретиков науки из этих рассуждений сделала вывод, что наука всегда движется по кругу и что мы всегда гоняемся лишь за своими собственными хвостами, как выражался Эддингтон, поскольку из нашего фактуального опыта мы можем извлечь лишь то, что сами вложили в него в виде наших теорий. Однако этот аргумент несостоятелен. В то время как вполне верно, что мы выбираем лишь факты, имеющие отношение к некоторой заранее сконструированной теории, неверно, что мы выбираем только те факты, которые подтверждают или повторяют эту теорию в ее исходном виде.

Метод науки, напротив, состоит в том, чтобы обнаруживать факты, которые могут опровергнуть теорию. Этот процесс мы называем проверкой теории: мы проверяем, не содержит ли теория ошибку. Таким образом, несмотря на то что факты подбираются

Часть 2. Мысли об истории и политике

с точки зрения теории и подтверждают ее до тех пор, пока теория выдерживает проверки этими фактами, все же она есть нечто большее, чем простое повторение ранее построенных теорий. Факты подтверждают теорию только в том случае, если они являются результатами неудачных попыток опровергнуть теоретические прогнозы, что убедительно свидетельствует в пользу теории. Поэтому я полагаю, что именно возможность опровержения, или фальсификации, теории определяет возможность ее проверки, а тем самым ее научность. То обстоятельство, что все проверки теории являются попытками опровержения прогнозов, полученных с ее помощью, можно считать ключом к научному методу. Эта точка зрения на научный метод подтверждается историей науки, показывающей нам, что научные теории часто опровергаются экспериментами и что опровержение теорий есть движущая сила научного прогресса. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что наука движется по кругу.

Вместе с тем данное утверждение содержит в себе и зерно истины, а именно: все научные описания фактов в значительной степени избирательны, они всегда зависят от соответствующих теорий. Эту ситуацию можно лучше всего прояснить, сравнив науку с прожектором («прожекторная теория науки», как я ее обычно именую, в противоположность «бадеиной теории сознания»). Что высветит прожектор, зависит от его расположения, от того, куда мы его направляем, от его яркости, цвета и так далее; безусловно, это зависит также от освещаемых им вещей. Схожим образом научная теория существенно зависит от нашей точки зрения, от наших интересов, а они, как правило, связаны с теорией или гипотезой, которую мы

хотим проверить. Но она также зависит и от описываемых фактов. Теорию или гипотезу можно лучше всего представить как кристаллизацию определенной точки зрения. Действительно, если мы пытаемся сформулировать некоторую свою точку зрения, то предлагаемая формулировка, как правило, выступает в виде рабочей гипотезы, то есть предварительного допущения, функция которого состоит в том, чтобы помогать нам в отборе и упорядочивании фактов. Но нам следовало бы уяснить себе, что не может существовать никакой теории или гипотезы, которая в этом смысле не была бы и не оставалась рабочей гипотезой. Ведь ни одна теория не окончательна, но каждая теория помогает нам упорядочивать и выбирать факты. Селективный (избирательный) характер каждого описания делает его в определенном смысле «относительным» — относительным, разумеется, только в том смысле, что мы могли бы предположить не такое, а другое описание, если наша исходная точка зрения была бы другой. Принятая нами точка зрения может также влиять на нашу *веру* в истинность того или иного описания, но она не может влиять на вопрос об истинности или ложности этого описания как такового. В этом смысле истина *не* является относительной.

Причина избирательности всех наших описаний заключается, грубо говоря, в бесконечном богатстве и разнообразии возможных фактуальных аспектов нашего мира. Для описания этого бесконечного богатства мы располагаем лишь конечным числом последовательностей слов. Поэтому мы можем описывать мир сколь угодно долго, но наше описание всегда будет оставаться неполным, избирательным, и к тому же в него всегда будет включена лишь небольшая часть того множества фактов, которое в принципе может быть опи-

сано. Это свидетельствует не только о том, что невозможно избежать избирательной точки зрения, но и о том, что даже нежелательно пытаться это делать. Ведь если бы мы попытались так поступить, мы получили бы не более «объективное» описание, а просто массу совершенно несвязанных между собой утверждений. Поэтому некоторая исходная точка зрения совершенно необходима, а наивные попытки обойтись без нее могут привести лишь к самообману и не-критическому применению какой-то неосознанной точки зрения.

Все сказанное в высшей степени верно в случае *исторического описания* с его «неисчерпаемым предметом исследования», как назвал это Шопенгауэр. Таким образом, как в истории, так и в прочих науках мы не можем избежать принятия той или иной исходной точки зрения, а вера в то, что мы можем это сделать, неизбежно ведет к самообману и утрате критического взгляда на вещи. Разумеется, это не означает, что нам дозволяется фальсифицировать все, что бы мы ни пожелали, или что мы можем пренебрежительно относиться к вопросам истинности. Каждое историческое описание фактов является либо истинным, либо ложным, независимо от того, насколько трудно нам решить вопрос о его истинности или ложности.

Положение истории до некоторой степени сходно с положением естественных наук, например физики. Но если мы сравниваем ту роль, которую играет «точка зрения» в истории, с ее ролью в физике, то обнаруживаем между ними большое различие. Как мы видели, «точка зрения» в физике выступает обычно в форме физической теории, которую можно проверить посредством поиска новых фактов. Для истории же эта проблема не столь проста.

* * *

Рассмотрим более подробно прежде всего роль теорий в естествознании, например в физике. Здесь теории работают над различными связанными между собой проблемами. Они помогают нам унифицировать науку, а также объяснять и предсказывать события.

В связи с проблемой объяснения и предсказания я позволю себе процитировать одну из моих работ¹⁾: «„Каузально объяснить“ некоторое событие — значит дедуктивно вывести описывающее это событие высказывание (оно будет называться *предсказанием*), используя в качестве посылок некоторые *универсальные законы* вместе с определенными сингулярными высказываниями, которые можно назвать *исходными условиями*. Например, мы „каузально объясним“ разрыв некоторой нити, если установим, что эта нить может выдерживать груз в 1 кг, а к ней был подвешен груз в 2 кг. Это объяснение содержит две различные составляющие части:

(i) Принимается некоторая гипотеза, имеющая характер всеобщего закона природы. В данном примере она такова: „Каждый раз, когда нить подвергается натяжению, которое превышает определенный максимум, она рвется“.

(ii) В качестве допущений принимаются сингулярные высказывания (исходные условия), относящиеся только к данному исследуемому событию. В нашем примере два таких высказывания: „Максимальный груз, который может выдержать данная нить, составляет 1 кг“ и „Груз, подвешенный к этой нити, равняется 2 кг“.

---

¹⁾ См.: Logik der Forschung. Tübingen, 1981. S. 31 f.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Из универсальных законов (i) с помощью исходных условий (ii) можно вывести следующее сингулярное высказывание:

(iii): „Эта нить порвется“. Мы называем этот вывод (iii) сингулярным *предсказанием*.

Исходные условия (или, точнее, описываемые ими ситуации) обычно именуют „причиной“ рассматриваемого события, а предсказание (или, точнее, описываемое в предсказании событие) — „следствием“: например, мы говорим, что подвешивание груза в 2 кг к нити, способной выдержать груз только в 1 кг, есть причина разрыва этой нити».

Такой анализ причинного объяснения позволяет уяснить следующее. Во-первых, никогда нельзя говорить о причине и следствии в абсолютном смысле. Напротив, одно событие есть *причина* другого события, являющегося его *следствием*, в соответствии с некоторым универсальным законом. Универсальные же законы в целом настолько тривиальны (в том числе и в нашем примере), что мы, как правило, применяем их как нечто само собой разумеющееся, вместо того чтобы приложить к ним какие-то серьезные сознательные усилия. Во-вторых, мы видим, что применение теории с целью предсказания определенного события оказывается лишь другим аспектом ее использования с целью *объяснения* этого события. Кроме того, наш анализ показывает, как можно *проверять* теории: мы проверяем теорию, сравнивая предсказанные ею события с действительно наблюдаемыми событиями. Применяем ли мы теорию для предсказания, объяснения или проверки, зависит от того, что нас интересует, и от того, какие высказывания мы принимаем в качестве допущений.

2. Об историографии и смысле истории

Таким образом, в так называемых теоретических, или *обобщающих науках* (таких, как физика, биология, социология и т. д.) мы интересуемся главным образом универсальными законами или гипотезами. Поскольку мы хотим знать, являются ли они истинными, и поскольку мы никогда не можем непосредственно убедиться в их истинности, мы принимаем метод исключения ложных гипотез. Наш интерес к специфическим событиям, например к экспериментам, которые описываются исходными условиями и предсказаниями, до некоторой степени ограничен. Мы интересуемся ими главным образом постольку, поскольку они являются средствами для достижения конкретных целей — средствами, с помощью которых можно проверить универсальные законы, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как имеющие самостоятельный интерес и как средство унификации нашего знания.

В прикладных науках наши интересы имеют иную направленность. Инженер, использующий физику для того, чтобы построить мост, интересуется преимущественно конкретным предсказанием: может ли мост (описанный определенным образом с помощью тех или иных исходных условий) выдержать определенный груз. Универсальные законы являются для него средством решения поставленной задачи и принимаются как данность.

Таким образом, теоретические обобщающие науки интересуются *проверкой* универсальных гипотез (законов), а прикладные — *предсказанием* конкретных событий. Однако возникает вопрос: что собой представляет *объяснение специфического, или конкретного, события*? Если мы хотим объяснить, например, такое событие, как дорожное происшествие, то обычно неявно принимаем в качестве

Часть 2. Мысли об истории и политике

допущений множество весьма тривиальных универсальных законов (например, что кость ломается при соответствующей нагрузке и т. д.) и интересуемся преимущественно исходными условиями или причиной, которые вместе с этими тривиальными универсальными законами могли бы объяснить событие, о котором идет речь. Как правило, мы принимаем некоторые из этих условий гипотетически. Затем мы пытаемся отыскать данные для того, чтобы выяснить, являются ли эти гипотетически принятые условия истинными или нет; то есть мы проверяем эти конкретные гипотезы, выводя из них (с помощью других и обычно в равной степени тривиальных универсальных законов) новые предсказания, которые согласуются с наблюдаемыми фактами.

Только в очень редких случаях мы испытываем сомнение в универсальных законах, применяемых в такого рода объяснении. С этим мы сталкиваемся только тогда, когда наблюдаем некоторое новое и необычное для нас событие, например неожиданную химическую реакцию. Если такое событие содействует разработке и проверке новой гипотезы, то оно представляет интерес прежде всего с точки зрения некоторой обобщающей науки. Но если мы интересуемся конкретным событием и его объяснением, то, как правило, принимаем как данность все множество необходимых нам универсальных законов.

Те науки, которые интересуются конкретными, специфическими событиями и их объяснением, мы можем, в отличие от обобщающих наук, именовать *историческими науками*.

Такой взгляд на историю объясняет, почему есть так много историков, утверждающих, что их интересуют именно конкретные

(отдельные) события, а не так называемые «исторические законы». С нашей точки зрения, никаких исторических законов не может быть вовсе. Законы или обобщения относятся к некоторой другой сфере интересов, явно отличной от интереса к отдельным событиям и их причинному объяснению, характерного для истории. Кто интересуется законами, тот должен обращаться к обобщающим наукам (например, к социологии). Исходя из нашего представления легко также объяснить, почему историю так часто понимают как описание совокупности событий прошлого в таком виде, в каком они действительно происходили. При таком понимании истории — даже несмотря на то, что против него позже будут выдвинуты некоторые возражения, — довольно четко проявляется противоположность специфических интересов исследователей истории и тех, кто занимается обобщающими науками. Наша точка зрения также объясняет, почему в истории чаще, чем в обобщающих науках, мы сталкиваемся с проблемой «неисчерпаемости предмета исследования». Теории или универсальные законы привносят в обобщающие науки как единство, так и некоторую «точку зрения». Для каждой обобщающей науки они формируют круг проблем, интересов, а также определяют узловые моменты научных исследований, логических конструкций и способов изложения. Но в истории нет таких унифицирующих теорий: имеется применяемое нами множество тривиальных универсальных законов, которые принимаются просто как данность; эти законы не представляют никакого интереса для историка и никак не могут ему помочь в упорядочении имеющегося в его распоряжении материала. Например, если мы объясняем первый раздел Польши в 1772 г. ссылкой на то, что Польша никак не могла

Часть 2. Мысли об истории и политике

противостоять объединенным силам России, Пруссии и Австрии, то мы неявно принимаем некоторый тривиальный универсальный закон, приблизительно такой: «Если из двух армий, которые примерно одинаково вооружены и имеют приблизительно одинаковых полководцев, одна имеет подавляющее превосходство в живой силе, то другая никогда не сможет ее победить». Мы можем назвать такой закон законом социологии военной власти, но он слишком тривиален, чтобы представлять собой серьезную проблему для социологов или вызывать их интерес. А если мы объясняем решение Цезаря перейти Рубикон, например, его амбициями и энергичностью, то мы также применяем некоторые весьма тривиальные психологические обобщения, которые едва ли привлекли бы внимание самих психологов. (В действительности большинство исторических объяснений неявно применяют не столько тривиальные социологические и психологические законы, сколько логику ситуаций, описанную мной подробно в другом месте; то есть помимо исходных условий, описывающих личные интересы, цели и другие ситуационные факторы (такие как информация, доступная заинтересованному в ней лицу), исторические объяснения неявно предполагают в первом приближении общий тривиальный закон, согласно которому здравомыслящие люди действуют, как правило, более или менее разумно и целесообразно.)

* * *

Итак, мы видим, что применяемые в историческом объяснении законы не предоставляют для исторического описания никаких селективных и унифицирующих принципов, никакой определенной «точки зрения». Однако такая точка зрения вполне возможна

2. Об историографии и смысле истории

в очень узком смысле, если не рассматривать историю вообще, а ограничиться историей *чего-либо* (например, историей политической власти, экономических отношений, технологии или математики). Но при этом, скорее всего, нам понадобятся дополнительные принципы отбора, то есть *точки зрения, являющиеся в то же время центрами сосредоточения интересов*. Некоторые из них уже содержатся в принятых нами ранее идеях, сходных в определенной степени с универсальными законами. Таковыми, например, могут быть идеи, согласно которым большое значение для истории имеют характер «великого человека», или национальный характер, или определенные этические представления, экономические условия и т. п. Теперь нам важно понять, что многие «исторические теории» (возможно, их лучше было бы называть «квазитеориями») значительно отличаются по своему характеру от научных теорий, поскольку в истории (включая исторические естественные науки, такие как историческая геология) количество фактов, которыми мы располагаем, часто строго ограничено, и их нельзя воспроизвести или создать по собственному желанию. Кроме того, они собраны в соответствии с уже имеющейся у нас точкой зрения: так называемые исторические «источники» воспроизводят только те факты, которые представляли достаточный интерес, так что они часто содержат лишь факты, соответствующие заранее сконструированной теории. А если мы не располагаем никакими дополнительными фактами, то проверить ту или иную историческую теорию чаще всего просто невозможно. Следовательно, такие непроверяемые теории можно справедливо обвинить в цикличности — как раз в том смысле, в каком это обвинение несправедливо предъявлялось научным

Часть 2. Мысли об истории и политике

теориям. Такие исторические теории я буду называть, в отличие от научных теорий, *«историческими концепциями» (взглядами) или «историческими интерпретациями».*

Исторические концепции важны потому, что они выражают некоторую точку зрения. Но мы выяснили, что та или иная точка зрения всегда присутствует в историческом исследовании и что в истории крайне редко встречается теория, которую можно проверить и которая, стало быть, имеет научный характер. Поэтому не следует считать, что некоторая историческая концепция может оказаться истинной или подтвержденной, даже установив, что она согласуется со всеми нашими историческими источниками. Мы не должны упускать из виду ее цикличность, а также то обстоятельство, что всегда найдется ряд других (возможно, несовместимых между собой) исторических интерпретаций, согласующихся с теми же историческими источниками, и что крайне редко мы можем получить в свое распоряжение новые данные, способные сыграть роль решающего эксперимента, как это бывает в физике. Историки часто не признают, что может существовать другая интерпретация, соответствующая фактам так же хорошо, как их собственная. Но следует иметь в виду, что даже в физике с ее более богатым и надежным фактическим материалом всегда *необходимы* новые решающие эксперименты, поскольку каждый из прежних экспериментов согласуется только с одной из конкурирующих и несовместимых теорий (мне вспоминается эксперимент с измерением отклонения видимого положения звезд в условиях полного солнечного затмения, который был необходим для решения спора между теориями гравитации Ньютона и Эйнштейна). Поэтому мы тем более должны

отказаться от наивной веры в то, что некоторое множество исторических фактов может быть когда-либо интерпретировано одним-единственным способом.

Конечно, это не означает, что все интерпретации или исторические концепции равноценны. Во-первых, всегда найдутся интерпретации, не согласующиеся с общепризнанными фактами. Во-вторых, имеются интерпретации, нуждающиеся в некотором количестве более или менее правдоподобных вспомогательных гипотез для того, чтобы избежать фальсификации с помощью исторических данных. В-третьих, существуют интерпретации, в рамках которых некоторые факты не согласуются между собой, между тем как эти же факты вполне согласуются и тем самым «объясняются» посредством другой интерпретации. Следовательно, значительный прогресс возможен даже в области исторических интерпретаций. Кроме того, наряду с более или менее универсальными «точками зрения» и упомянутыми выше конкретными или единичными историческими гипотезами могут приниматься промежуточные допущения разного типа, которые при объяснении исторических событий играют роль гипотетических исходных условий, а не роль универсальных законов. Такие допущения довольно часто можно успешно проверить, и следовательно, их можно сравнить с научными теориями. Однако некоторые из этих специфических гипотез очень схожи с теми универсальными квазитеориями, которые я называю интерпретациями или историческими концепциями — они могут быть отнесены к тому же классу теорий и обозначены как «конкретные интерпретации». Фактические свидетельства в пользу таких конкретных интерпретаций достаточно часто носят в точности такой же циклический характер,

Часть 2. Мысли об истории и политике

как и фактические свидетельства в пользу некоторой универсальной «точки зрения». И действительно, нередко случается, что наш единственный источник об определенном событии содержит как раз ту информацию, которая хорошо согласуется с нашей собственной конкретной интерпретацией. Поэтому большинство наших конкретных интерпретаций фактов будут цикличными в том смысле, что они должны соответствовать интерпретациям, которые использовались при первоначальном отборе фактов. Однако если мы можем дать нашему фактическому материалу интерпретацию, радикально отличную от интерпретации наших источников (дело обстоит именно так, например, в моей интерпретации трудов Платона), то наша интерпретация, возможно, приобретает некоторое сходство с научной гипотезой. Однако следует всегда иметь в виду, что сам факт того, что определенная интерпретация легко применима и объясняет все, что мы знаем, является очень сомнительным аргументом в ее пользу. Ведь теорию мы можем проверить только в том случае, если у нас есть возможность найти для нее контрпример. (Это обстоятельство почти всегда упускают из виду приверженцы различных «философий открытия», особенно психоаналитики, социоаналитики и историко-аналитики; они часто соблазняются той легкостью, с какой их теории можно повсюду применять.)

Ранее я уже говорил, что интерпретации могут быть несовместимыми; но они не будут таковыми, если мы понимаем их только как кристаллизацию *точек зрения*. Например, интерпретация, согласно которой человечество неуклонно прогрессирует (в направлении открытого общества или какой-то другой цели), несовместима с интерпретацией, согласно которой оно неуклонно регрессирует.

2. Об историографии и смысле истории

Однако точка зрения историка, для которого история человечества есть история прогресса, необязательно несовместима с точкой зрения историка, понимающего ее как историю регресса; то есть можно согласиться с тем, что есть история человеческого прогресса на пути к свободе (содержащая, например, рассказ о борьбе с рабством), а с другой стороны, есть история человеческого регресса и угнетения (сообщающая, например, о таких событиях, как угнетение цветных рас белой расой). Обе истории могут быть написаны, и они необязательно должны противоречить друг другу; возможно даже, что они дополняют друг друга, подобно двум взглядам с разных точек зрения на один и тот же ландшафт.

Это соображение весьма важно. Поскольку у каждого поколения есть свои трудности, проблемы, а стало быть, и свои интересы и взгляды, то каждое поколение вправе рассматривать историю по-своему, интерпретировать ее со своей точки зрения, дополняющей точку зрения предшествующих поколений. В конечном счете мы изучаем историю для того, чтобы удовлетворить свои интересы, а также для того, чтобы по возможности понять при этом свои собственные проблемы. Однако ни одной из двух этих целей история не достигнет, если, находясь под влиянием бесплодной идеи объективности, мы не решимся представить исторические проблемы со своей точки зрения. Не следует думать, что если мы осознанно и критически применяем свою точку зрения к некоторой проблеме, то наша интерпретация будет уступать точке зрения историка, наивно полагающего, что он ничего не интерпретирует, а достиг некоторого уровня объективности, позволяющего ему представить прошлое таким, каким оно в действительности было.

Часть 2. Мысли об истории и политике

(В этом кроется причина того, почему я полагаю, что даже такие, по-видимому, очень субъективные соображения, как представленные здесь, вполне оправданы именно потому, что они согласуются с историческим методом.) Главное — осознавать свою точку зрения и быть критичным, то есть по возможности избегать неосознанных и, следовательно, некритических пристрастий при изложении фактов. В любом другом отношении интерпретация должна говорить сама за себя. Ее достоинство заключается в ее плодотворности — в ее способности раскрывать факты истории, а также освещать проблемы сегодняшнего дня.

Итак, не может быть истории «прошлого» в том виде, в каком оно действительно имело место. Возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной. Каждое поколение вправе создавать свои собственные интерпретации. И оно не только имеет право, но в каком-то смысле даже обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности. Нам не просто хотелось бы знать, как связаны наши беды с прошлым: мы настоятельно нуждаемся в этом знании. Нам хотелось бы видеть путь, двигаясь по которому, мы могли бы найти решения для выбранных нами основных задач. И если эта потребность не может быть удовлетворена в разумной и критической форме, тогда она порождает историцистские интерпретации. Под ее давлением историцист заменяет рациональные вопросы: «Что мы должны выбрать в качестве своих наиболее неотложных проблем, как они возникают и как можно их решить?» — иррациональными и только внешне ссылающимися на факты вопросами: «Каким путем мы идем? Каким направлениям и тенденциям следует наше время? Какова, в сущности, роль, предназначенная нам историей?»

2. Об историографии и смысле истории

Однако могу ли я отказывать историцистам в праве интерпретировать историю по-своему? Разве я не утверждал только что, что каждый имеет такое право? Ответ на этот вопрос состоит в том, что историцистские интерпретации являются интерпретациями особого рода. Как я уже говорил, те интерпретации, которые необходимы и оправданы и одну из которых мы обязательно принимаем, можно сравнить с прожектором. Этот прожектор мы направляем на свое прошлое и надеемся увидеть настоящее в его отраженном свете. В противоположность этому историцистская интерпретация сравнима с прожектором, направленным на нас самих. Свет этого прожектора мешает — даже отнимает возможность — увидеть то, что происходит вокруг нас, и парализует наши действия. Эту метафору можно пояснить так: историцист не осознает, что мы сами отбираем и упорядочиваем исторические факты, а верит в то, что «сама история», или «история человечества», в соответствии с присущими ей законами определяет наши проблемы, наше будущее и даже наши точки зрения. Вместо того чтобы осознать, что историческая интерпретация должна удовлетворять потребность решать практические проблемы, с которыми мы сталкиваемся, историцист верит в то, что в нашем интересе к исторической интерпретации выражается глубокая интуиция, что, рассматривая историю, мы можем раскрыть тайну, сущность человеческой судьбы. Историцизм характеризуется поиском пути к преобразованию человечества, он желает найти, как это называет Джон Макмюррей (John Macmurray)²⁾, ключ

---

²⁾ Макмюррей Джон (1891–1976) — шотландский религиозный философ, представитель персонализма, профессор Эдинбургского университета. — *Прим. перев.*

к истории ³⁾, или открыть смысл истории. Однако существует ли такой ключ? *Имеет ли всемирная история смысл?*

Мне не хотелось бы здесь вдаваться в проблему значения слова «смысл», поскольку я предполагаю, что большинство людей достаточно ясно понимают, что они имеют в виду, когда говорят о «смысле истории» или «смысле жизни». И в том смысле, в котором обычно ставится вопрос о смысле истории, я отвечаю на поставленный вопрос так: *всемирная история не имеет никакого смысла.*

Для того чтобы обосновать это свое мнение, мне следует сначала высказаться по поводу самого понятия «история», которое имеется в виду, когда задаются вопросом о ее смысле. До сих пор я сам говорил об истории так, как будто не требуется никаких пояснений. Но теперь этого уже не следует делать, поскольку я хочу разъяснить, что «*истории*» в том понимании, в каком о ней говорят большинство людей, *просто не существует*; именно это по меньшей мере является одной из причин того, почему я утверждаю, что она не имеет никакого смысла.

Как большинство людей используют термин «история»? (Я имею в виду то понимание термина «история», которое используется, когда говорят, например, о книге *по истории* Европы, но не о том, что нечто *является историей* Европы.) Люди знакомятся с таким пониманием истории в школе и в университете. Они читают книги по истории. Они узнают, что понимается в таких книгах под словами «всемирная история» или «история человечества», и они привыкают смотреть на историю как на более или менее определенный ряд

---

³⁾ См. с. 59–60.

фактов. Последовательность этих фактов, как они считают, и составляет историю человечества.

Однако мы уже видели, что область фактов бесконечно огромна, а значит, нам следует выбирать. В соответствии с нашими интересами мы могли бы, например, исследовать историю языка, или историю кулинарных традиций, или историю сыпного тифа (как, например, это сделал Ганс Цинсер (Hans Zinsser)⁴⁾ в своей книге «Rats, Lice and History»⁵⁾). Разумеется, ни одно из этих исследований (как и все они вместе взятые) не является историей человечества. И когда говорят об истории человечества, то вспоминают скорее историю Египетского, Вавилонского, Персидского, Македонского, Римского государств и т. д. вплоть до наших дней. Другими словами, когда говорят об *истории человечества*, то на самом деле имеют в виду (и изучают в школе) *историю политической власти*.

На самом деле нет единой истории человечества, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных со всевозможными аспектами человеческой жизни, и одна из них — история политической власти. Ее возводят обычно в ранг мировой истории. Но это оскорбление всего человечества и морали. Такой подход вряд ли лучше, чем намерение выдать за историю человечества историю воровства, грабежей или смертельных отравлений, поскольку *история политической власти есть не что иное, как история национальных*

---

⁴⁾ Цинсер Ганс (1878–1940) — американский микробиолог, иммунолог, бактериолог. В 1915 г. в составе санитарной комиссии американского Красного Креста посетил Сербию, где изучал сыпной тиф, что получило отражение в его научно-популярной книге «Крысы, вши и история». — *Прим. перев.*

⁵⁾ Boston, 1935. Немецкое издание: Ratten, Läuse und die Weltgeschichte. Stuttgart; Lahr, 1949.

Часть 2. Мысли об истории и политике

и международных преступлений и массовых убийств (включая некоторые попытки их предотвращения). Такой истории обучают в школах и при этом превозносят как ее героев некоторых величайших преступников.

Но действительно ли не существует всеобщей истории как реальной истории человечества? Такой истории не может быть. Таков должен быть ответ на этот вопрос каждого гуманно настроенного человека и особенно каждого христианина. Реальной историей человечества, если бы таковая была, должна была бы стать история всех людей. Она должна была бы быть историей всех человеческих надежд, борений и страданий, поскольку ни один человек не более значим, чем любой другой. Такая реальная история не может быть написана. Мы должны от чего-то абстрагироваться, должны чем-то пренебрегать и осуществлять отбор. Но тем самым мы приходим к множеству историй — и среди них к той истории международных преступлений и массовых убийств, которая выдается за историю человечества, за «мировую историю».

Но почему же из всего множества различных историй выбирается именно история власти, а не, например, история религии или поэзии? На это есть разные причины. Одна из них состоит в том, что власть влияет на нас всех, а поэзия лишь на немногих. Другая причина заключается в том, что люди склонны боготворить власть. Однако обожествление власти — одна из худших форм идолопоклонства и пережиток эпохи рабства. Обожествление власти порождено страхом — чувством, которое мы справедливо презираем. Третьей причиной превращения политической власти в центр интересов историка является то, что обладающие властью люди,

как правило, хотят, чтобы их боготворили, и располагают соответствующими средствами для осуществления своих желаний. Многие историки писали по поручению и под надзором императоров, генералов, диктаторов.

Я понимаю, что эта моя точка зрения встретит самые серьезные возражения со стороны многих людей, включая некоторых апологетов христианства, поскольку мнение о том, что Бог являет себя в истории, нередко считается частью христианской догматики, хотя в Новом Завете вряд ли можно найти этому подтверждение. То же самое относится и к мнению о том, что история имеет смысл и ее смысл есть цель Бога. В соответствии с такими утверждениями историцизм, очевидно, оказывается необходимым элементом религии. Но я все же утверждаю, что такой взгляд является чистым идолопоклонством и суеверием не только с точки зрения рационалиста и гуманиста, но и с христианской точки зрения.

Что же кроется за этим теистическим историцизмом? Вслед за Гегелем он рассматривает историю — политическую историю — как театр, сцену, как шекспировскую пьесу. А зрители видят в шекспировских героях или «великих исторических личностей», или народ, или, возможно, даже в целом все человечество как таковое. И когда их спрашивают: «Кто написал эту пьесу?» — они считают, что дают благочестивый ответ, если говорят: «Бог». Однако они заблуждаются. Их ответ — это чистое богохульство, поскольку пьеса написана (и это им известно) не Богом, а историком под надзором генералов и диктаторов.

Я не отрицаю, что интерпретация истории с христианской точки зрения так же оправдана, как и с любой другой. Следовало бы

Часть 2. Мысли об истории и политике

с уверенностью признать, что многими целями и идеалами нашей западной культуры, например идеалами свободы и равенства, мы обязаны влиянию христианства. В то же время единственной рациональной, равно как и единственной христианской, установкой относительно даже истории свободы является то, что мы сами ответственны за нее — в том же самом смысле, в каком мы ответственны за свои поступки в жизни, и что только наша совесть, а не мирской успех может быть нашим судьей. Учение, согласно которому Бог являет себя и Свой Суд в истории, неотличимо от учения, согласно которому мирской успех есть верховный судья и конечное оправдание наших действий. Суть такого учения сводится к тому же самому, что и учение, согласно которому история всех рассудит, то есть *право на стороне будущей власти* — учение, названное мной «моральным футуризмом». Разумеется, будет богохульством утверждать, что Бог являет себя в том, что обычно называют «историей», то есть в истории международных преступлений и массовых убийств. И это утверждение сохраняет свою силу, даже если мы апеллируем вместо властителей прошлого к *будущим* властителям и массовым убийцам как к нашим судьям. То, что действительно происходит в человеческой жизни, вряд ли имеет что-то общее с этой жестокой и одновременно детской наивной шалостью. Жизнь отдельного, забытого, неизвестного человека: его горести, его радости, его страдания и его смерть — вот реальное содержание человеческого опыта на протяжении всех веков.

Если бы история могла рассказать об этом, я, конечно, не утверждал бы, что видеть в ней перст Божий — это богохульство. Однако такой истории нет и быть не может. И то, что собой представляет так

называемая «история», а именно история великих и всемогущих, есть в лучшем случае пустая комедия, опера-буфф, исполненная властителями (сравнимая с гомеровской оперой-буфф о мелочных ссорах по поводу страданий и борений олимпийских богов). Один из самых плохих наших инстинктов — идолопоклонническое боготворение власти — приводит нас к вере в реальность подобной истории. И в этой даже не созданной, а сфабрикованной человеком «истории» некоторые христиане осмеливаются видеть перст Божий! Они осмеливаются понимать и знать Его волю, когда пытаются подсунуть Ему свои жалкие, ничтожные исторические интерпретации. «Напротив, — пишет теолог Карл Барт (Karl Barth)⁶ в своем *Credo*, — нам следует начать с допущения... что все, о чем мы думаем, что знаем, когда говорим „Бог“, не постигает и не исчерпывает Его, а выражает всего лишь один из нами самими задуманных и созданных идолов, будь то „дух“, „природа“, „судьба“ или „идея“...» (Это вполне соответствует той установке, в рамках которой Барт характеризует «неопротестантское учение о явлении Бога в истории» как «недопустимое» и как «вторжение в царственный храм Христа».) С христианской точки зрения в основе такой доктрины лежит не только человеческая самонадеянность, но и антихристианская установка, поскольку христианство учит, что мирской успех не столь важен. Христос «страдал при Понтии Пилате». Я снова цитирую Барта: «Как Понтий Пилат попал в Священное Писание? На это можно дать простой ответ: вопрос связан с датированием событий». Таким образом, человек, имевший успех и обладавший в свое

---

⁶ Барт Карл (1886–1968) — швейцарский кальвинистский теолог, один из основателей так называемой диалектической теологии. — Прим. перев.

Часть 2. Мысли об истории и политике

время политической властью, играет здесь, в Священном Писании, чисто техническую роль, указывая, когда произошли определенные события. Какие же это были события? Эти события были не чем иным, как страданиями человека. Барт отмечает, что слово «страдает» относится ко всей жизни Христа, а не только к его смерти. Он говорит:

Иисус *страдает*. Следовательно, он не побеждает, он не торжествует победу. Он не имеет никакого успеха... Он не достигает ничего, кроме... своего распятия. То же самое можно сказать о его взаимоотношениях с народом и своими учениками.

Этими цитатами из работ Барта мне хотелось показать, что культ исторического успеха оказывается несовместимым с духом христианства не только с моей «рационалистической» и «гуманистической» точки зрения. Для христианства важны не исторические деяния сильных римских завоевателей, а (выражаясь словами Кьеркегора ⁷⁾) «все то, что завещали миру несколько рыбаков». И тем не менее все теистические интерпретации истории пытаются увидеть в ней (как она представлена в исторических источниках, то есть в форме истории власти и исторических успехов) проявление Божественной воли.

На эти возражения против «учения о явлении Бога в истории», по-видимому, следует ответить, что Христос достиг своего успеха *после* своей смерти, что его безуспешная жизнь на земле

---

⁷⁾ Кьеркегор Сёрен (1813–1855) — датский философ, протестантский теолог и писатель. — Прим. перев.

явилась человечеству величайшей победой его духа, что доказательство и оправдание его успеха — это плоды его учения, подтвердившие библейское пророчество: «Есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними». Другими словами, это был исторический успех христианской церкви, посредством которого провозгласила себя воля Бога. Однако это крайне опасный способ защиты. Ведь молчаливое допущение того, что мирской успех церкви можно рассматривать в качестве аргумента в пользу христианства, вскрывает недостаток веры. У ранних христиан не было мирских аргументов такого рода. (Они верили, что совесть должна судить власть, а не наоборот.) Кто утверждает, что в истории успеха христианского учения проявляется воля Бога, тому следует спросить себя, действительно ли этот успех был успехом христианского духа и не торжествовал ли дух христианства скорее в то время, когда церковь преследовалась, нежели тогда, когда она восторжествовала. Какая церковь олицетворяет этот дух в наиболее чистом виде — церковь мучеников или победоносная церковь инквизиции?

Многие согласны и даже настойчиво подчеркивают, что миссия Христа — в смирении, но при этом считают также, что в этом состоит и миссия историцизма, исторического пророчества. Одним из видных представителей этой точки зрения является Джон Макмюррей, который в своей книге «Ключ к истории» («The Clue to History»)⁸⁾ находит сущность христианского учения в историческом пророчестве и для которого основатель этого учения является первооткрывателем историко-диалектического закона «человеческой природы».

---

⁸⁾ London, 1938.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Макмюррей утверждает, что согласно этому закону политическая история с неизбежностью должна породить «социалистическое всеобщее благополучие». «Фундаментальный закон человеческой природы не может быть нарушен... Смиренные наследуют землю». Однако такой историцизм, который ставит на место надежды уверенность, должен вести к моральному футуризму. «Закон *не может* быть нарушен». Следовательно, мы чисто психологически можем быть уверены в том, что, как бы мы ни действовали, мы все равно придем к одному и тому же результату, что даже фашизм ведет в итоге к социалистическому всеобщему благосостоянию, так что конечный результат никак не зависит от нашего морального решения и нет никаких оснований беспокоиться о нашей личной ответственности. Когда нам говорят, что на научных основаниях мы можем быть *уверены*, что «последние будут первыми, а первые — последними», то что же это, если не подмена совести историческим пророчеством? Не сближается ли эта теория с риском для себя (вопреки замыслам ее автора) с предостережением: «Вовремя примкни к смиренным, одерживающим победу, ибо, согласно неумолимым научным законам человеческой природы, это самый верный способ достигнуть вершины!» Такой ключ к истории предполагает, что все мы — поклонники успеха; это означает, что смиренные будут оправданы, поскольку они будут на стороне победителей. Эта теория переводит марксизм на язык психологии человеческой природы и религиозного пророчества. Эта интерпретация косвенным образом усматривает величайшую заслугу христианства в том, что его основатель был, по общему признанию, лучшим из всех предшественников Гегеля.

2. Об историографии и смысле истории

Было бы ошибочно считать, будто я настаиваю на том, что нам не следует боготворить успех, что он не может быть нашим судьей, что мы не должны быть ослеплены им — особенно когда я пытаюсь показать, что моя точка зрения в этом отношении совпадает с истинным христианством. Эти замечания не имеют целью защитить немирское направление. Я не знаю, верно ли, что христианство «не от мира сего», но одно верно: оно учит тому, что единственный путь доказать свою веру — это оказывать практическую (и мирскую) помощь страждущим и нуждающимся. Вполне возможно совместить позицию крайней сдержанности и даже презрения к таким мирским успехам, как власть, почести и богатство, с попытками делать добро в этом мире, стремиться к намеченным целям, с чистыми намерениями достигать их не ради успеха или оправдания историей, а ради самого себя.

В критике Гегеля Кьеркегором мы обнаруживаем убедительное подтверждение некоторым из этих взглядов, и особенно утверждению о несовместимости историцизма с христианством. Хотя Кьеркегор никогда не выходил полностью за рамки гегелевской традиции, в которой он воспитывался, вряд ли кто-нибудь лучше него понимал суть гегелевского историцизма.

Были и до Гегеля философы, — так писал Кьеркегор, — которые пытались объяснить человеческое бытие, историю. И провидение могло лишь улыбаться, глядя на их попытки. Однако оно, по-видимому, не смеялось в открытую, ибо этим философам были все же свойственны человечность, честность и серьезность.

Но Гегель! (О, позвольте мне думать по-гречески!) Как хохотали боги! Вот противный профессор, который прозрел необходимость во всем и смог сказать о целом: его суть боги!

Обращаясь к нападкам атеиста Шопенгауэра на христианского апологета Гегеля, Кьеркегор продолжает: «Чтение Шопенгауэра доставило мне невыразимое удовольствие. То, что он говорит, в целом верно, и при этом — так немцам и надо — он настолько груб, насколько только может быть немец». Однако собственные выражения Кьеркегора почти столь же грубы, как и слова Шопенгауэра. Ведь он пишет о гегельянстве: «Из-за его полного разложения его остроумная суть пахнет пантеистической гнилью», а также говорит о нем как о «плесени помпезности», «интеллектуальном сладострастии» и «постыдном величии продажности».

И действительно, наше интеллектуальное, равно как и нравственное воспитание является развращенным. Оно развращено поклонением лоснящейся внешности и остроумной сути, восхищением тем, как говорится о вещах, вместо того чтобы обращать внимание на то, что говорится и что делается. Оно развращено романтической идеей величия, разыгрываемого на подмостках истории, где мы играем свои роли. Мы воспитаны так, чтобы, действуя, не упускать из виду того, что творится вдалеке.

Стоящая перед человеком проблема здоровой оценки его собственной значимости, соотносящейся со значимостью других индивидов, серьезно осложняется основанными на понятиях славы и судьбы этиками, моралью, увековечивающей систему воспитания, которая все еще зиждется на классиках мировой истории и на их романтических представлениях о власти, а также на их романтической родовой морали, восходящей к Гераклиту. Это воспитание развращено влиянием системы морали, основанной, по сути, на обожествлении власти. Вместо здорового сочетания индивидуализма

и альтруизма — то есть вместо того, чтобы принять позицию при-
близительно такого рода: «Только человеческие индивидуальности
имеют действительное значение, но из этого не следует, что моя
позиция имеет очень важное значение», — принимается как дан-
ность романтическое сочетание эгоизма и коллективизма. То есть
романтически преувеличиваются значимость «самости», своей эмо-
циональной жизни и своего «самовыражения» и вместе с тем про-
тиворечие между «личностью» и группой, коллективом. Теперь та-
кой коллектив занимает место других индивидов, других людей,
но не допускает никаких разумных личных отношений. «Господ-
ствуй или подчиняйся» — таков, по сути, девиз этой позиции; либо
будь великим человеком, героем, борясь с судьбой и заслуживая
славу («Чем ниже падение, тем больше славы», — так говорил Ге-
раклит), либо растворяйся в «толпе», подчинись руководству и по-
жертвуй собой ради высшей цели твоего коллектива. В этом пре-
увеличенном акценте на важности противоречий между самостью
(собственным Я) и коллективом есть невротический и истерический
элемент, и я не сомневаюсь в том, что в этой истерической реак-
ции на тяготы нашей цивилизации заключен секрет сильной эмо-
циональной притягательности этики обожествления героев, этики
господства и подчинения.

В основе всего этого лежит реальная трудность. Совершенно
ясно, что если политику следует ограничиться борьбой со злом
и не следует бороться за «позитивные» и «высшие» ценности, напри-
мер счастье, учитель находится в принципиально ином положении.
Хотя ему и не следует пытаться *навязывать* ученикам свою шкалу
«высших» ценностей, все же ему следует стараться *стимулировать*

Часть 2. Мысли об истории и политике

их интерес к этим ценностям. Он должен заботиться о душах своих учеников. (Когда Сократ говорил своим друзьям, что они должны заботиться о своих душах, он, очевидно, заботился о них.) Таким образом, воспитание включает в себя некий, если можно так выразиться, романтический или эстетический элемент, которого не должно быть в политике. Но сказанное, будучи в принципе верным, вряд ли применимо к нашей системе воспитания, поскольку описываемая здесь система предполагает отношения дружбы между учителем и учеником, при которых каждый из двух участников волен ее продолжать или прервать. (Сократ выбирал своих собеседников, а они выбирали его.) Уже число учеников делает это невозможным в наших школах. Соответственно, все попытки приобщить учеников к высшим ценностям не просто оказываются безуспешными; можно утверждать, что они, более того, даже обращаются *во вред* — следовательно, они приводят скорее к неким более приземленным, конкретным вещам, чем к желаемым идеалам. Следует осознать, что принцип, согласно которому мы не смеем навредить тем людям, кто нам доверился, должен быть для воспитания столь же основополагающим, как и для медицины. Поэтому девиз «Не навреди» (то есть «Дай молодым людям то, в чем они неотложно нуждаются, чтобы стать независимыми от нас и способными делать свой выбор») мог бы стать в высшей степени важной целью, до реализации которой еще довольно далеко, несмотря на то что она кажется скромной. Вместо этого за образец принимаются «высшие», типично романтические, а в действительности нелепые цели, такие как, например, «всестороннее развитие личности».

2. Об историографии и смысле истории

Именно под влиянием таких романтических идей индивидуализм, как это было уже у Платона, все еще отождествляется с эгоизмом, а альтруизм — с коллективизмом (то есть индивидуальный эгоизм заменяется групповым эгоизмом). Но это мешает даже ясно сформулировать основную проблему педагогики, а именно: как достичь адекватной оценки значимости собственной личности относительно значимости других индивидов. Так как интуиция подсказывает, что нам следует выбирать находящуюся вне нас цель, которой мы можем себя посвятить и во имя которой можно жертвовать, то делается вывод, что такой целью должен стать коллектив с его «исторической миссией». Следовательно, нам говорят, что мы должны приносить жертвы, и одновременно нас уверяют в том, что таким путем мы совершаем похвальное действие: жертвуя, мы обретаем славу и почести. Мы становимся «ведущими актерами», героями на подмостках истории. За малый риск мы получаем большую награду. Это — сомнительная мораль того времени, когда считалось, что только ничтожное меньшинство людей действительно что-то значит, и никому не было дела до простого народа. Это мораль тех людей, которые, будучи политическими или интеллектуальными аристократами, имеют шанс попасть в учебники истории. Однако такая мораль не может быть моралью тех, кто отстаивает справедливость и равноправие. Историческая слава, как правило, незаслуженна, и ее могут удостоиваться лишь немногие. Бесчисленное множество достойных и даже достойнейших людей всегда остаются забытыми.

Возможно, следовало бы согласиться с тем, что гераклитовская этика — согласно которой высшей наградой является та, которую

Часть 2. Мысли об истории и политике

может дать только будущее поколение, — менее хороша, чем учение, призывающее нас уже сейчас высматривать себе награды. Но все же это не то, что нам нужно. Нам нужна этика, отвергающая вообще успех и награды. И такую мораль не нужно изобретать, она не нова. Эту мораль проповедовало христианство, по крайней мере в свой ранний период. И этой морали вновь учит современное индустриальное и научное сообщество. К счастью, оказывается, что сегодня романтическая историцистская мораль славы находится в упадке. Об этом свидетельствует почитание Неизвестного солдата. Мы начинаем осознавать, что жертва имеет такой же, а может быть, и больший смысл, если она безымянна. И наше этическое воспитание должно следовать этому принципу. Мы должны учиться делать свою работу, приносить жертвы во имя этой работы, а не во имя славы или во избежание порицания. (То, что мы все нуждаемся в некотором ободрении, надежде, награде и даже порицании — это совершенно другое дело.) Мы должны находить себе оправдание в нашей работе, в том, что мы сами делаем, а не в фиктивном «смысле истории».

Мой тезис гласит: история не имеет смысла. Но из данного утверждения не следует, что мы ничего не можем с этим сделать, что мы должны признать историю политической власти или вынуждены воспринимать ее как жестокую шутку. Ведь мы можем интерпретировать ее исходя из тех проблем политической власти, которые пытаемся решить в наше время. Мы можем интерпретировать историю политической власти с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума и права, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение войны. Хотя история не имеет

2. Об историографии и смысле истории

конечной цели, тем не менее мы можем навязать ей свои цели; и *хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей некоторый смысл*. (Уже Теодор Лессинг⁹⁾ говорил об «истории как об осмыслении бессмысленного», хотя и в несколько ином значении.)

Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой природы и соглашения. Ни природа, ни история не могут нам сказать, что мы должны делать. Факты, будь это факты природы или истории, не могут решить за нас, какую цель нам выбрать. Именно мы привносим цель и смысл в природу и историю. Люди не равны, но мы можем решиться бороться за равные права. Человеческие институты, например государство, нерациональны, но мы можем решиться бороться, чтобы сделать их рациональными. Мы сами, как и наш язык, в общем и целом скорее эмоциональны, чем рациональны, но мы можем попытаться стать немного рациональнее и научиться применять наш язык не как инструмент самовыражения (как сказали бы наши романтические теоретики воспитания), а как средство рационального взаимопонимания. История сама по себе — я имею здесь в виду, конечно, историю политической власти, а не рассказ о несуществующей истории развития человечества — не имеет ни цели, ни смысла, но мы можем решиться придать ей и то и другое. Мы можем сделать это, вступив в борьбу за открытое общество с его врагами, и мы можем соответствующим образом ее интерпретировать. В конечном счете то же самое можно сказать и о «смысле жизни». В наших силах решить, в чем должен заключаться смысл нашей жизни, чтобы определить наши цели.

---

⁹⁾ Лессинг Теодор (1872–1933) — немецко-еврейский философ и публицист. — Прим. перев.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Я считаю, что этот дуализм фактов и решений является основополагающим. Факты как таковые не имеют смысла. Они могут приобрести некоторый смысл только благодаря нашим решениям. Историцизм оказывается всего лишь одной из многих попыток преодолеть этот дуализм. Он возникает из страха: он страшится мнения, что мы должны сами нести ответственность за принятые нами этические нормы. Но как мне кажется, такого рода опыт, возникший из страха, есть не что иное, как то, что обычно именуется суевением. Ведь историцизм полагает, что мы можем пожинать там, где ничего не посеяли. Он пытается убедить нас в том, что все будет и должно быть хорошо, если мы пойдем в ногу с историей, что с нашей стороны не требуется никаких принципиальных решений. И он пытается переложить нашу ответственность на историю и тем самым на разворачивающуюся вне нас игру демонических сил, а наши действия он пытается обосновать скрытыми устремлениями этих сил, могущих явиться нам лишь в мистическом вдохновении и интуиции. И таким образом он низводит нас и наши действия до уровня морали человека, вдохновленного гороскопом и мечтами и пытающегося вытянуть свой счастливый лотерейный билет. Подобно карточной игре, историцизм рождается из нашего разочарования в рациональности и ответственности своих действий. Он представляет собой вырожденную надежду и вырожденную веру человека, попытку подменить надежду и веру, основанные на нашем моральном энтузиазме и презрении к успеху, некоей уверенностью, вытекающей из псевдонауки. И неважно, есть ли это псевдонаука о звездах, о «человеческой природе» или о нашей исторической судьбе.

2. Об историографии и смысле истории

Я утверждаю, что историцизм не только несостоятелен с рациональной точки зрения, но и противоречит всякой религии, апеллирующей к совести. Ведь такая религия должна согласовываться с рационалистическим взглядом на историю в том отношении, что безграничная ответственность за наши действия и их последствия для хода истории возлагается на нас самих. Да, мы нуждаемся в надежде, действовать или жить без надежды выше наших сил. Но *мы не нуждаемся в большем*, и большего нам не должно быть обещано. Нам не нужна уверенность. В частности, религия не должна подменять мечты на осуществление желаний. Она не должна быть похожа ни на лотерейный билет, ни на полис страховой компании. Историцистский элемент в религии есть элемент идолопоклонства и суеверия.

Этот акцент на дуализме фактов и решений определяет и нашу позицию относительно таких идей, как «прогресс». Если мы полагаем, что история прогрессирует или что мы сами вынуждены прогрессировать, то мы совершаем ту же самую ошибку, что и те, кто верит, что история имеет смысл, который в ней может быть открыт, а не придан ей. Ведь прогрессировать — значит двигаться к некоторой цели, существующей для нас как человеческих существ. Для «истории» это невозможно. Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы. Мы можем это делать, защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода, а вместе с ней и прогресс. Мы достигнем в этом определенных успехов, если лучше осознаем тот факт, что прогресс зависит от нас, от нашей бдительности, от наших усилий, от ясности наших целей и реализма наших решений.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Вместо того чтобы вставать в позу пророков, мы должны стать творцами своей судьбы. Мы должны учиться выполнять поставленные перед нами задачи столь хорошо, насколько это возможно, и выявлять свои ошибки. Отбросив идею о том, что история власти нас рассудит, и избавившись от беспокойства по поводу того, оправдает ли нас история или нет, нам, возможно, удастся дожить до того дня, когда обуздают исторические силы. Возможно, именно таким путем мы сможем, наконец, оправдать историю: она действительно нуждается в таком оправдании.

3

О теории демократии

Опубликовано в: Der Spiegel. № 32. 3. August 1987. S. 54–55.

Сферой моих самых больших интересов является природа — и, следовательно, естествознание (космология). С июля 1919 г. я отрекся от марксизма и интересовался политикой и политической теорией только как гражданин и демократ. Однако усилившиеся в 20-е и начале 30-х годов тоталитарные движения левых и правых, включая захват Гитлером власти в Германии, подтолкнули меня к тому, чтобы задуматься над проблемой демократии.

Несмотря на то что в моей книге «Открытое общество и его враги» нет ни одного слова о Гитлере и нацизме, она задумывалась как мой вклад в войну против Гитлера: в книге излагается теория демократии и дается защита демократии от прежних и новых нападок ее врагов. Она была опубликована в 1945 г. и все еще переиздается. Однако то, что я принимаю в ней за самый важный пункт, как мне кажется, очень редко верно понимается.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Как всем известно, слово «демократия» в переводе означает «народовластие», или «суверенитет народа», в противоположность «аристократии» (власти наилучших, или благородных) и «монархии» (власти одного). Однако этимология слова ничего не говорит по существу, поскольку нигде никогда не существовало народовластия: везде правили правительства (и, к сожалению, бюрократия, то есть чиновники, которые могут лишь с трудом или вовсе не могут нести ответственность). Впрочем, Великобритания, Дания, Норвегия и Швеция являются монархиями и вместе с тем очень хорошими примерами демократии (может быть, за исключением Швеции, где безответственная правящая бюрократия установила ныне диктаторскую власть) — в прямую противоположность ГДР, которая сама себя именует демократией, но, к сожалению, несправедливо.

Так в чем действительно здесь дело?

Существуют, собственно, только две формы государства: такая, при которой правительство может обойтись без кровопролития путем голосования, и такая, при которой это невозможно. Дело именно в этом, а не в том, как эти формы государства именуют. Обычно первую форму называют «демократией», а вторую форму — «диктатурой» или «тиранией». Но речь идет не о том, чтобы спорить о словах (как это происходит в ГДР). Решающей является только сменяемость правительства без кровопролития.

Для такой сменяемости существуют различные методы. Лучший метод — это голосование. Новые выборы или вотум недоверия избранному парламенту могут привести к смене правительства. Именно так обстоит дело. Поэтому неверно, когда внимание

акцентируется на других вопросах (как это делали философы от Платона до Маркса и даже после него): «Кто должен править? Народ (чернь) или немногие наилучшие? (Добрые) рабочие или (злые) капиталисты? Большинство или меньшинство? Левые партии, или правые, или центристские?» Все эти вопросы поставлены неверно. Ведь дело не в том, кто правит, пока можно отделаться от правительства без кровопролития. Любое правительство, которое постоянно могут ругать, имеет сильный стимул вести себя так, чтобы им были довольны. И этот стимул упраздняется, когда правительство узнает, что от него не так легко можно отделаться.

Чтобы показать важность этой простой теории на практике, мне хотелось бы ее применить к проблеме пропорционального избирательного права. Если я здесь подвергаю критике избирательное право, которое так хорошо закрепилось в испытанной временем конституции ФРГ, то я должен рассматривать ее лишь как попытку начать дискуссию по поводу мнения, которое, насколько мне известно, редко ставилось под сомнение. Статьи конституции не следует легкомысленно изменять, но полезно критически их обсуждать, хотя бы для того, чтобы привносить в нее живую струю и сознавать ее значение.

В демократиях западноевропейского континента распространено избирательное право, принципиально отличающееся от того избирательного права, которое имеет силу, например, в Великобритании и в США и основано на идее местного представительства. В Великобритании каждый избирательный округ делегирует одного представителя в парламент — того, кто получает наибольшее количество голосов. Официально не принимается к сведению, какая

партия его делегирует, принадлежит ли он или нет к какой-либо партии. Его обязанность — представлять компетентно и по совести интересы тех, кто живет в его избирательном округе, независимо от того, принадлежат ли они или нет к какой-либо партии. Безусловно, существуют партии, играющие огромную роль в формировании правительства. Однако если представитель избирательного округа считает, что в интересах его избирательного округа (а может быть, даже и всего народа) следует голосовать против своей партии или даже выйти из ее рядов, то он обязан это сделать. Уинстон Черчилль, выдающийся государственный и политический деятель нашего столетия, никогда не был чьим-то последователем, и он дважды менял партию. Совершенно иначе обстоит положение дел в континентальной Европе. Распределение мандатов согласно соотношению голосов при пропорциональных выборах означает, что каждая партия получает такое представительство в парламенте — например, в бундестаге, — что число депутатов от различных партий наиболее близко соответствует отданным за партии голосам.

Таким образом, партии признаны частью устройства государства и закреплены в основном праве. И отдельный депутат избирается совершенно официально как представитель своей партии. Поэтому он не может при определенных обстоятельствах быть обязанным голосовать против своей партии. Совершенно наоборот, он морально связан со своей партией, ибо он избирался как ее представитель. (Если он не может больше сознательно мириться с этим, у него есть моральная обязанность уйти с поста, даже если конституция от него такого не требует.)

Безусловно, я знаю, что партии необходимы: до сих пор никто не придумал демократической системы, которая бы обходилась без

них, хотя политические партии сами по себе — не слишком приятное явление. Все наши демократии являют собой не народные правительства, а партийные, то есть правительства партийных руководителей. Ведь чем больше партия, тем меньше в ней единодушие, тем менее она демократична, тем меньше она оказывает влияния на своих избирателей, партийное руководство, партийную программу. Ошибочно считать, что избранный согласно пропорциональной избирательной системе бундестаг или парламент будет наилучшим отражением волеизъявления народа. Он представляет не народ и его мнения, а исключительно влияние партий (и пропаганды) на население в день выборов. Парламент мешает тому, чтобы день выборов стал тем, чем он мог бы и должен был бы быть, — днем народного суда над деятельностью правительства.

Итак, не существует теории народовластия — действенной теории, которая притязала бы на пропорциональную избирательную систему. Потому мы вынуждены спросить: как сказывается пропорциональная избирательная система на практике: во-первых, на формировании правительства, во-вторых, на решающей важной возможности роспуска правительства?

1. Чем больше партий, тем труднее формирование правительства. Это, во-первых, эмпирический факт, и во-вторых, довод разума: если бы существовали только две партии, то формировать правительство было бы легко. Однако пропорциональная избирательная система позволяет небольшим партиям оказывать значительное влияние — часто даже решающее — на формирование правительства и тем самым даже на политические решения правительства.

Каждый с этим согласится и каждый знает, что пропорциональная избирательная система увеличивает число партий. Но до тех пор пока считают, что «сущность» демократии состоит в народовластии, нам как демократам следует смириться с этими трудностями, поскольку в таком случае пропорциональная избирательная система оказывается «сущностной».

2. Пропорциональная избирательная система и, следовательно, большое количество партий приводят к еще более отрицательным последствиям в том важном случае, когда речь идет об отставке правительства по воле народа. Во-первых, народ знает, что существует большое количество партий, и потому вряд ли ожидает, что одна из них завоюет абсолютное большинство. Поэтому, если ситуация развивается так, как ожидается, то воля народа направлена не против какой-то определенной партии. Никакую из них не отвергают и никакую не порицают.

Во-вторых, при пропорциональной системе не следует ожидать, что день выборов будет днем народной оценки правительства. Последнее иногда оказывается правительством меньшинства и потому бывает не в состоянии сделать то, что считает правильным для себя, и вынуждено идти на уступки. Или оно оказывается коалиционным правительством, в котором ни одна правящая партия не несет полную ответственность.

Так привыкают к тому, что ни одна политическая партия и ни один руководитель партии не берут на себя ответственность за решения правительства. И то, что определенная партия теряет около 5 или 10 % своих голосов, не рассматривается как обвинительный приговор, по меньшей мере избирателями и правящей партией: это указывает лишь на некоторые временные трудности с популярностью.

В-третьих, даже тогда, когда большинство избирателей хочет отставки сильного правительства большинства, им не удастся этого безусловно добиться. Поскольку даже если какая-либо партия, имевшая до сих пор абсолютное большинство (так что она могла бы нести ответственность), теряет свое большинство, то в условиях пропорциональной избирательной системы она все еще остается с очень высокой степенью вероятности влиятельной партией. Поэтому она может при поддержке самой незначительной партии сформировать коалиционное правительство. Таким способом отставной лидер большой партии будет продолжать править — вопреки решению большинства и на основе решения небольшой партии, которая может быть далека от того, чтобы представлять «волю народа». Безусловно, такая маленькая партия может отправить правительство в отставку без новых выборов, без нового поручения со стороны избирателей и сформировать вместе с оппозиционными партиями новое правительство — вопреки идее, лежащей в основе пропорциональной избирательной системы, — идее, согласно которой влиятельность партии должна зависеть от числа ее избирателей.

Такого рода явления обычны. Они очевидны там, где много партий, и там, где коалиции являются правилом.

Совершенно верно, что нечто аналогичное может происходить и в стране, где не существует никакой пропорциональной избирательной системы. Однако в таких странах — например, в Великобритании или США — прослеживается тенденция противостояния в основном двух больших партий, конкурирующих друг с другом.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Мне представляется, что форма демократии, которая делает возможной двухпартийную систему, есть наилучшая форма демократии, так как она ведет к постоянной самокритике партий. Если одна из двух больших партий в ходе выборов терпит справедливое поражение, то обычно дело доходит до радикальной реформы внутри партии. Это следствие конкуренции и недвусмысленного осуждающего мнения избирателей, которое нельзя не заметить. Так партии благодаря этой системе вынуждены время от времени учиться на своих ошибках или идти ко дну из-за них. Мои замечания в адрес пропорциональной избирательной системы не означают, что я даю совет всем демократиям отказаться от нее. Я лишь хочу направить дискуссии на эту тему в новое русло. Наивной и несостоятельной является мысль о том, что из идеи демократии можно логически вывести моральное преимущество пропорциональной избирательной системы и что континентальная система в силу пропорциональной избирательной структуры оказывается лучше, справедливее и демократичнее, чем англосаксонская система.

* * *

Вывод: точка зрения, согласно которой пропорциональная избирательная система является более демократичной, чем британская или американская, не выдерживает критики, так как она должна сослаться на устаревшую теорию демократии как народовластия (которая, в свою очередь, восходит к так называемой теории суверенного государства). С нравственной точки зрения эта теория бьет мимо цели и даже несостоятельна. Она предвосхищена теорией насильственной отставки большинства.

Этот моральный аргумент, пожалуй, даже важнее, чем практический аргумент, заключающийся в том, что нет необходимости более чем в двух полностью ответственных и конкурирующих партиях, чтобы дать избирателям право своим выбором судить правительство. Пропорциональная избирательная система создает опасность того, что выборное решение большинства недооценивается и тем самым принижается также и его влияние на поражение партий на выборах — благотворное влияние, в котором так нуждается демократия. Для очевидного решения большинства важно, чтобы была по возможности хорошая и сильная оппозиция. В противном случае избиратели часто вынуждены оставлять править плохое правительство, поскольку у них есть основание полагать: «Ничего лучшего не добьешься».

Не противоречит ли моя защита двухпартийной системы идее открытого общества? Не вытекает ли из толерантности в отношении множества мнений и теорий (то есть плюрализма, характерного для открытого общества и поиска истины) также и необходимость множества партий? Мой ответ таков: функция политической партии — формировать правительство или в качестве оппозиции критически контролировать его деятельность. К критическому наблюдению за деятельностью правительства относится контроль его толерантности в отношении различных мнений, идеологий и религий (в той мере, в какой сами они толерантны, так как идеологии, отстаивающие нетолерантность, теряют свое право на толерантность). Некоторые идеологии пытаются — успешно или безуспешно — доминировать над партией или основать новую партию. Таким путем осуществляется сменяемость между мнениями, идеологиями,

Часть 2. Мысли об истории и политике

религиями, с одной стороны, и большими конкурирующими партиями — с другой. Но, как мне кажется, политически неудачной (несостоятельной) является мысль о том, что множество идеологий или мировоззрений находит свое отражение во множестве партий. И не только с политической, но и с мировоззренческой точки зрения, поскольку вряд ли возможна тесная связь политики партии с чистотой учения.

4

Замечания к теории и практике демократического государства

Доклад, прочитанный 9 июня 1988 г. в Мюнхене.

I. Литература, наука, демократия: существует ли между ними связь?

В Афинах начиная примерно с 530 г. до н. э. работал рынок, которого никогда и нигде (по крайней мере в Европе) прежде не существовало, — открытый книжный рынок, площадь, на которой предлагались рукописи и выставлялись на продажу книги в форме папирусных свертков. Первыми книгами, выставленными здесь на продажу, были две величественные поэмы Гомера — «Илиада» и «Одиссея».

По сообщению Цицерона, жившего на 500 лет позже, в Афинах в то время правил тиран Писистрат¹⁾, которому мы обязаны

---

¹⁾ Писистрат, сын Гиппократ (ок. 602–527 до н. э.) — афинский тиран в 560–527 гг. до н. э. (с перерывами). Писистрат происходил из знатной семьи, родственной древним афинским царям. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

записью гомеровских поэм. Писистрат был великим реформатором. Между прочим, в Афинах он положил начало драматическим постановкам — учреждению, которое мы называем театром. Может быть — и даже по всей вероятности, — он сам был первым издателем Гомера, введшим материал для письма — египетский папирус — и покупавшим многих образованных невольников, которым могли диктовать для записи тексты Гомера. Он был богатым человеком, подарившим афинянам праздничные представления и множество важных культурных нововведений. Немного позже жили и другие афиняне, предприниматели, ставшие издателями. Очевидно, они привлекали к себе внимание благодаря тому, что спрос на сочинения Гомера был огромен: каждый учился чтению и читал Гомера. За поразительно короткое время его произведения стали библией и букварем Афин. Вскоре были опубликованы и другие книги. Следует заметить, что без книжного рынка не может быть публикаций. Наличие манускрипта (так же, как сегодня — напечатанной книги) никоим образом не отменяет фактора спроса и предложения на него на книжном рынке. Мы по праву рассматриваем в качестве первой публикации манускрипта его первое предложение на книжном рынке. В Европе долгое время (я его оцениваю примерно в 200 лет) книжный рынок существовал только в Афинах. Вероятно, Коринф и Фивы были первыми городами, рынки которых последовали примеру Афин.

Безусловно, поэты появились намного раньше, как и их записи. Но только в Афинах впервые могла развиваться литература (ибо она предполагает институт публикации), появились и писатели, в том числе историки, политологи, философы, естествоиспытатели, ма-

4. Замечания к теории и практике демократического государства

тематики. Лишь немногие из этих писателей родились в Афинах, как, например, Фукидид. Но Афины с неимоверной силой привлекали их. Среди чужих авторов, пришедших в Афины и опубликовавших там свои сочинения, были физик и философ Анаксагор и его младший современник Геродот, первый великий историк. Оба прибыли в Афины из Малой Азии в качестве политических беженцев. Я предполагаю, что Геродот не планировал публиковать свой очень объемный исторический труд, как, пожалуй, и Анаксагор — свою краткую историю природы. Если это действительно так, значит, позиция этих писателей в отношении впервые и на короткое время изобретенной практики публикации еще не определилась: ее значение в то время, пожалуй, еще никто не осознавал.

II. От первой опубликованной книги в Европе к революции Гутенберга²⁾

Я предполагаю, что культурное чудо, произошедшее в Афинах в V в. до н. э., большей частью объясняется становлением афинского книжного рынка; пожалуй, этим открытием объясняется также и афинская демократия.

Безусловно, никак нельзя доказать предположение о том, что изгнание тирана Гиппия³⁾ из Афин в 510 г. до н. э. и утверждение

---

²⁾ Гутенберг Иоганн (1397/1400–1468) — немецкий книгопечатник, основоположник книгопечатания в Европе. — *Прим. перев.*

³⁾ Гиппий (570-е – 490 до н. э.) — тиран Афин в 527–510 гг. до н. э. Он был старшим сыном Писистрата и, как утверждает традиция, наиболее серьезным из них и самым способным к политике. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

демократии связаны с открытием книжного рынка. Однако многое говорит в пользу этого. Быстро распространившиеся в Афинах навыки чтения и письма, огромная популярность Гомера и, как следствие, великих афинских трагических драматургов, художников и скульпторов, множество новых идей, которые стали обсуждаться в это время, интеллектуальный подъем — все это факты в пользу данного предположения. Однако мы также должны принять, что установление демократии не зависело от всех этих вещей, хотя каждая из них и была сильно обусловлена изобретением книжного рынка — огромный успех молодой афинской демократии в освободительной войне против могущественной Персидской империи точно не был от них зависим. Этот успех можно понять только в свете нового самосознания, открывшего афинянам уникальное и созданное ими самими культурное достояние, а также вызванного этим восхищения и понимания не превзойденной за все времена красоты и ясности в искусстве и поэзии.

В любом случае примечательно, что изобретение Гутенберга в XV в. и вызванное книгопечатанием значительное расширение книжного рынка привели к аналогичной культурной революции — к гуманизму. Благодаря возрождению античной литературы оживились все виды искусства. Возникло новое естествознание. В Англии Реформация привела к двум революциям — кровавым революциям 1648–1649 гг. и 1688 г., с которых началось поступательное демократическое развитие английского парламента. Здесь в любом случае явно прослеживается связь.

III. Достижения и злодеяния афинской демократии

Афинское чудо родилось в результате значительных культурных, политических и военных событий V – начала IV вв. до н. э., последовавших за открытием книжного рынка. Эти крупные события сопровождались одновременным быстрым развитием в буквальном смысле беспримечной и образцовой литературы — образцовой для будущей Европы. Эти крупные события включали две почти 30-летние войны. В результате первой войны Афины были разрушены, но одержали победу. Во второй войне они потерпели сокрушительное поражение. Ниже я привожу краткий хронологический ряд некоторых важнейших событий:

- 507 Основание демократии в Афинах.
- 493 Подготовка к войне, создание флота при Фемистокле.
- 490 Марафонское сражение.
- 480 Захват и разрушение Афин персами. Сопrotивление флота. Сражение при Саламине.
- 479 Сражения при Платеях и Микале. Предложение помощи Афинам островами Ионийской Греции, что привело к созданию Делосского морского союза и так называемой Афинской империи. Упрочение, возрождение Афин.
- с 462 Эпоха Перикла. Акрополь. Храм Парфенон.
- с 431 Пелопоннесская война.
- 429 Смерть Перикла от чумы; продолжение войны, которая становится все ужаснее.
- 413 Сицилийская катастрофа. Уничтожение афинского флота и армии.

411 Крах афинской демократии.

404 Победа Спарты над Афинами и введение зависимого от Спарты воинствующего и антидемократического марионеточного правительства, которое за восемь месяцев своего правления убило больше афинских граждан, чем их погибло в последнее, самое ужасное десятилетие войны.

Так обычно завершается описание истории второй почти 30-летней войны, и может легко сложиться впечатление, что это был также и конец афинской демократии. Но это ошибочное впечатление. Это не было концом демократии.

Спустя восемь месяцев правительство тридцати тиранов потерпело поражение от группы демократических афинян в битве при Пирее, в результате чего был заключен мир между Спартой и афинской демократией. Так демократия пережила страшные времена войны и государственную измену правящих кругов. С тех пор и в дальнейшем на протяжении более чем полувека даже противники афинской демократии рассматривали ее как непобедимую.

Однако демократические Афины допускали ужасные ошибки. Не только тактические и стратегические ошибки — они совершили преступление против человечества, разрушив островной город Мелос, нападение на который, по-видимому, было совершено без какой-либо провокации с его стороны. Все мужчины были убиты, а все женщины и дети проданы на рабском рынке⁴⁾. Сопоставимо ли ложное обвинение в процессе над Сократом (в политическом процессе, обвинителем в котором выступил партийный лидер) с этим чудовищным преступлением? Фукидид, будучи сам

---

⁴⁾ См. также с. 118.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

афинским военачальником, подробно об этом сообщает и представляет это так, как это было в действительности: циничное, бесчеловечное, непростительное решение большинства, которое, пожалуй, прекрасно осознавало, что оно делало, и, по общему мнению, должно было искупить свою вину за это чудовищное преступление. Было и многих других похожих ошибок.

Этому преступлению нет никакого прощения. Но, к счастью, принимались и иные решения, о которых нам также сообщает Фукидид. Митилена разорвала свой союзнический договор с Афинами и выступила против них; в результате она была завоевана Афинами. Афиняне послали корабль с приказом командующего казнить всех митиленцев. Но на следующий день афиняне покаялись. Как сообщает Фукидид, было созвано новое народное собрание, на котором с защитительной речью за снисхождение выступил Диодот. Его предложение было поддержано лишь незначительным большинством голосов. Но тут же вслед за первым был выслан второй корабль, и команда с такой силой гребла днем и ночью без отдыха, что успела отменить первый приказ. Так Митилена была спасена от разрушения, пишет Фукидид.

IV. Демократия никогда не была народовластием, не может и не должна им быть

Как видим, демократия ставит перед нами большие проблемы. Они имели место с самого начала и все еще сохраняются. Важнейшие и труднейшие из них — моральные проблемы.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Одна из проблем, которая все еще вызывает замешательство и представляется моральной, в действительности есть проблема только вербальная (словесная): «демократия» в переводе означает «народовластие», и потому столь многие считают, что этот термин имеет значение для теории форм государства, которые мы именуем так сегодня на Западе.

Греки применяли различные названия для различных форм государственного правления, очевидно, потому, что хотели рассудить, какие возможные формы правления являются хорошими и плохими, наилучшими и наихудшими. Так, они ввели пять терминов для обозначения государственного устройства в соответствии с моральными качествами правителей. В дальнейшем этой идеей воспользовался Платон, который свел ее в следующую систему.

1 + 2 *Монархия* — правление одного добродетельного человека, а ее извращенная форма — *тирания*, правление одного порочного человека.

3 + 4 *Аристократия* — правление нескольких добродетельных людей, а ее извращенная форма — *олигархия*, правление нескольких недобродетельных людей.

5 *Демократия* — правление народа, многих, толпы. Согласно Платону, здесь существует только одна форма, и наихудшая, так как среди многих всегда имеется много дурного.

Теперь очень важно найти ту постановку вопроса, которая лежит в основе этой системы. Считается, что Платон исходил из следующих наивных вопросов:

Кто должен править государством?

Кто должен осуществлять власть?

4. Замечания к теории и практике демократического государства

Эти наивные вопросы напрашивались относительно такой небольшой государственности, как город-государство Афины, где все важнейшие высокопоставленные лица знали друг друга. Следует заметить, что эти вопросы, пожалуй, неявно и сегодня еще лежат в основе политических дискуссий. Маркс и Ленин, Муссолини и Гитлер, а также большинство демократических политиков всегда, хотя часто и неосознанно, стремились к этой в высшей степени личностной постановке вопроса. И когда они формулировали общие правила, то в своих ответах на вопрос «Кто должен править?» обычно следовали ответу Платона: «Должен править лучший». Очевидно, что ответ давался с нравственной точки зрения. Маркс и Ленин отвечали: «Должны править пролетарии» (а не капиталисты, как теперь). И они действительно должны править государством: они должны установить диктатуру! Здесь моральный элемент скрыт, но, безусловно, речь идет о хороших пролетариях: править должны они, а не злодеи-капиталисты.

О Гитлере вряд ли есть необходимость говорить. Его ответ прост: «Я». Ясно, что он, как и его предшественники, считал вопрос «Кто должен править?» основополагающим.

Примерно 50 лет назад я предложил отвергнуть платоновский вопрос «Кто должен править?» как ошибочный и навсегда закрытый. Он является мнимой проблемой, ведущей к смехотворным мнимым решениям, нуждающимся, видимо, в моральном оправдании. Что касается морали, то крайне безнравственно считать своих политических противников морально несостоятельными или дурными (а свою собственную партию — хорошей). Это вызывает ненависть, что всегда плохо. Это ведет к точке зрения, акцентирующей внимание на власти тех, кто правит, вместо того чтобы работать над тем, как можно ограничить власть.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Ведь с самого начала мы, кажется, интересовались сравнением *форм* правления, а не так называемыми хорошими или плохими личностями, классами, расами и, возможно, даже религиями!

Потому я предлагаю заменить платоновский вопрос «Кто должен править?» совершенно другим, а именно: существуют ли формы правления, которые отвергаются по моральным соображениям? И наоборот: существуют ли формы правления, позволяющие нам избавиться от неприемлемого или даже некомпетентного правительства, которое приносит один только вред?

Я утверждаю, что эти вопросы на самом деле имплицитно лежат в основе нашей так называемой демократии; они являются принципиально иными, чем платоновский вопрос, кто должен править. Они лежат в основе даже афинской демократии, равно как и наших современных западных демократий.

Мы, называющие себя демократами, с моральной точки зрения рассматриваем диктатуру или тиранию как зло; не как необходимость претерпевать неприятное, а как нечто морально невыносимое, поскольку оно безответственно. Когда мы претерпеваем зло, мы чувствуем, что совершаем что-то плохое. Но мы вынуждены его претерпевать. Таково было положение заговорщиков 20 июля 1944 г.⁵⁾ Они пытались вырваться из ужасной моральной ситуации, в которой оказались из-за демократического решения в отноше-

---

⁵⁾ 20 июля 1944 г. состоялось неудачное покушение на жизнь Гитлера, ставшее кульминацией заговора германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, ставивших целью государственный переворот и свержение нацистского правительства. Следствием поражения заговора стала казнь большинства его участников. — *Прим. перев.*

4. Замечания к теории и практике демократического государства

нии закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, принятого в марте 1933 г. Диктатура навязала нам ситуацию, за которую мы не могли нести ответственность, но в общем и не могли ничего изменить. Это было с человеческой точки зрения невыносимо. Поэтому наш моральный долг — сделать все, чтобы предотвратить саму возможность такой ситуации.

Это возможно сделать посредством так называемых форм демократического государства, и это единственный путь их возможного морального оправдания. Таким образом, демократии являются не народовластием, а институтами, направленными в первую очередь против диктатуры. Они не допускают никакого правления, сходного с диктатурой, никакой аккумуляции власти, а пытаются ограничить государственную власть. Решающим моментом является то, что при таком понимании демократия открывает возможность избавиться от правительства без кровопролития, если оно не соблюдает свои права и обязанности, а также если мы оцениваем его политику как плохую или неудачную.

Таким образом, речь идет не о власти и не о вопросе, *кто* властвует, а о правлении и о вопросе, *как* правят; прежде всего о том, чтобы правительство не переусердствовало в своем правлении. Итак, лучше задаваться вопросом: «*Как управляют государством?*»

Такой была неявная, но вполне доказуемая точка зрения, стоявшая в основе афинской демократии. Такова все еще и наша точка зрения, или таковой она должна стать. Мы не хотим ни власти, ни правления тех, кого обычно причисляют к народу, будь это военные, крестьяне, рабочие или служащие (а также журналисты, радио- или телеведущие), священники, ученые, террористы или подростки. Мы не хотим их опасаться, да и не должны опасаться. Мы хотим

и должны, если это необходимо, защитить себя своевременно от их притязаний. Это цель наших западных форм правления, которые мы по вербальному недоразумению или по привычке называем «демократиями» и в которых мы стремимся защитить свою личную свободу от всех форм власти, за одним исключением — за исключением суверенитета, власти закона.

V. Центральный пункт:

**правительство должно уметь
уходить в отставку без кровопролития
(путем голосования, например в парламенте)**

Таким образом, я отстаиваю точку зрения, согласно которой преимущество демократической формы правления заключается в том, что она позволяет *отправлять* правительство в отставку без кровопролития, передавая таким путем бразды правления новому правительству. По-видимому, относительно неважно, как происходит отставка — путем новых выборов или через парламент — если есть решение большинства: либо избирателей, либо их представителей или судей государственной или конституционной судебной палаты. Ничто так убедительно не подтверждает демократический характер США, как отставка Ричарда Никсона, которая была фактически низложением, отстранением от должности ⁶⁾.

---

⁶⁾ Ричард Никсон стал единственным в истории США президентом, прижизненно сложившим свои полномочия и подавшим в отставку в результате политического скандала, известного как «Уотергейт». — *Прим. перев.*

4. Замечания к теории и практике демократического государства

При смене правительства важнейшей оказывается эта отрицательная власть — угроза отстранения от должности. Корреляция с положительной властью — назначением правительства или премьера — оказывается относительно невысокой. К сожалению, такое мнение еще не стало общепринятым. В известной мере опасным является чрезмерное акцентирование внимания на новом назначении: назначение правительства может расцениваться как предоставление разрешения избирателями, узаконенное от имени народа и путем «волеизъявления народа». Но что мы знаем и что знает народ? Какие ошибки — и даже какое преступление — совершит завтра выбранное им правительство?

Мы можем задним числом дать оценку правительству или политику и, может быть, снова отдадим свой голос за них, и их вновь переизберут. Очевидно, они с самого начала должны заслужить наше доверие. Но мы ничего не знаем, мы ничего не можем знать, мы не знаем их. И мы не можем наперед полагаться на то, что они не злоупотребят нашим доверием.

По сообщению Фукидида, Перикл⁷⁾ сформулировал эту мысль простейшим образом:

Хотя лишь немногие из нас способны строить или проводить политику, все мы способны оценивать ту или иную политику.

Я считаю эту лаконичную формулировку основополагающей и хотел бы к ней обратиться. Необходимо подчеркнуть, что в ней

---

⁷⁾ Перикл (495–429 до н. э.) — афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, знаменитый оратор и полководец. — Прим. перев.

отвергнута идея власти народа, как, впрочем, даже и идея выражения народной инициативы. Она заменена совершенно другой идеей — *идеей оценки народом*. Я еще раз процитирую Перикла: «Хотя лишь немногие из нас способны строить или проводить политику, все мы способны оценивать ту или иную политику»⁸⁾.

Перикл — или, может быть, это был Фукидид (можно предположить, что оба придерживались этого мнения)? — со всей лаконичностью высказался здесь о том, почему народ не может править, даже если для этого нет никаких препятствий. Идеи, особенно новые, могут создаваться только отдельными людьми. Их, видимо, можно прояснить и улучшить в ходе совместной работы с некоторыми немногими другими людьми. Пожалуй, многие могут впоследствии увидеть — особенно если они пережили те последствия, к которым эти идеи привели, — были они хороши или нет. И такого рода оценки (решения по схеме «да—нет») могут давать некоторые значимые избиратели.

Отсюда можно сделать вывод, что такое выражение, как «народная инициатива», вводит в заблуждение и носит пропагандистский характер. Как правило, речь идет об инициативе немногих, которые в лучшем случае предоставляют народу возможность критической оценки. А потому в таких случаях важно, чтобы предлагаемые меры не выходили за рамки компетенции избирателя, дающего им оценку.

Прежде чем завершить обсуждение этих вопросов, мне хотелось бы еще раз обратить внимание на опасность, возникающую из-за того, что простым людям (в том числе подрастающему поко-

---

⁸⁾ См. также далее, с. 116.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

лению) внушают, что они живут в обществе народовластия — стало быть, внушают то, что неверно (и в принципе не может быть верным). И как только они это поймут, они будут не только недовольны, но и почувствуют себя обманутыми, ведь они ничего не знают о традиционной путанице со словами. Это может иметь скверные мировоззренческие и политические последствия и вести к терроризму. Фактически я сталкивался с такого рода случаями.

VI. Свобода и границы свободы: государства

Как видно, все мы в известной мере несем ответственность за правительство, хотя мы и не правим. Однако наша ответственность нуждается в свободе — во многих свободах: в свободе слова, свободе доступа к информации и свободе распространения информации, в свободе печати и многом другом. «Чрезмерное вмешательство» государства ведет к несвободе. Но существует также и «чрезмерность» свободы. К сожалению, имеет место злоупотребление свободой, аналогичное злоупотреблению государственной властью. Могут злоупотреблять свободой слова и свободой печати. Они могут использоваться, например, для распространения дезинформации и подстрекательства. И аналогичным способом государственная власть может злоупотреблять всяким ограничением свободы.

Мы нуждаемся в свободе, чтобы воспрепятствовать злоупотреблению государственной властью, но мы нуждаемся и в государстве, чтобы воспрепятствовать злоупотреблению свободой. Это проблема, которая, очевидно, никогда не может быть полностью решена

абстрактно и принципиально на основе законов. Для этого нужна некоторая государственная судебная палата и — более всего другого — некоторая добрая воля.

Мы согласны с тем, что данная проблема никогда не может быть полностью решена или, точнее, что она может быть решена целиком только при диктатуре с ее принципиальным всесилием государства, которое нам следует отвергнуть по моральным соображениям. Нам следует довольствоваться частичными решениями и компромиссами. И нам не следует соблазняться своим пристрастием к свободе и упускать из виду проблему злоупотребления ею.

VII. Томас Гоббс, Иммануил Кант, Вильгельм фон Гумбольдт, Джон Стюарт Милль

Эти проблемы рассматривались некоторыми мыслителями древности и Нового времени, которые пытались на основе всеобщих принципов обосновать необходимость государственной власти и определить ее границы.

Томас Гоббс полагал, что без государства каждый человек является потенциальным смертельным врагом для всех остальных («Человек человеку волк» — «Homo homini lupus est») и потому мы нуждаемся, насколько это возможно, в сильном государстве, чтобы обуздать преступления и насилие. Кант видел проблему совершенно иначе. Он также верил в необходимость государства и ограничения свободы, но он хотел свести их к минимуму. Он требовал «государственного строя, основанного на *наибольшей человеческой свободе*

4. Замечания к теории и практике демократического государства

согласно законам», в соответствии с которыми свобода каждого «могла бы сосуществовать со свободой других»⁹⁾. Он не хотел бы государства сильнее, чем это необходимо для обеспечения каждому гражданину наибольшей свободы, совместимой с тем, чтобы он ограничивал свободу других как можно меньше и не больше, чем они ограничивают его свободу. Неизбежное ограничение свободы Кант рассматривал как бремя, которое является необходимым следствием совместного проживания людей.

Кантовскую идею можно проиллюстрировать следующим анекдотом. Некий американец был обвинен в том, что он разбил некоему другому американцу нос. Он защищал себя тем, что он свободный гражданин и может размахивать кулаками, как ему заблагорассудится. Судья же наставлял его: «Ваша свобода размахивать кулаками имеет границы, которые можно изменить. А носы ваших сограждан почти всегда безграничны».

В одном из поздних произведений Канта — «О поговорке „Может, это и верно в теории, но не годится для практики“» («Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis», 1793) — мы находим развитую теорию государства и свободы. Кант во второй части этой работы, направленной против Гоббса, дает список «принципов чистого разума». Первый из них — «свобода [члена общества] как человека, принцип которой

---

⁹⁾ Точные слова Канта: «...свобода каждого совместима со свободой всех остальных...» См.: Kritik der reinen Vernunft, Elementarlehre. 2. T. 2. Abt. I. Buch. 1. Aufl. S. 316; 2. Aufl. S. 373. (Русский перевод: Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М.: ЧОПО, 1994. С. 285. — Ред. перев.) См. также трактат «К вечному миру» («Zum ewigen Frieden») и другие работы Канта.

в отношении устройства общества (*eines Gemeinwesens*¹⁰⁾) я выражаю в следующей формуле: никто не может¹¹⁾ принудить меня... быть счастливым, но каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим... Правление, основанное на принципе благоволения народу... то есть *правление отеческое (imperium paternale)*... такое правление есть величайший деспотизм...»¹²⁾ И хотя мои последние замечания (в адрес Ленина и Сталина, Муссолини и Гитлера¹³⁾) кажутся утрированными, я все же полностью согласен с Кантом¹⁴⁾. Ведь его утверждение — направленное против Гоббса — состоит в том, что мы желаем не всемогущего государства, которое столь благосклонно или столь доброжелательно оберегает вверенные в его руки жизни от посягательств людей-волков, а государства, сущностная задача которого — уважение и гарантирование наших прав.

Эта задача оставалась бы решающей и в том случае, если бы все люди, вопреки Гоббсу, относились друг к другу по-ангельски доброжелательно. Ведь слабые не имели бы никаких прав по отношению к сильным, которым они были бы обязаны за их терпимость к доброжелательности. Только существование правового государства может решить эту проблему и тем самым создать то, что Кант называл «достоинством личности».

---

¹⁰⁾ Кант пишет: «*eines Gemeinen Wesens*» (то есть в отношении «определенного устройства общества, общественного уклада»).

¹¹⁾ См. мою книгу: *Auf der Suche nach einer besseren Welt*. München: Piper, 1984. S. 169–170.

¹²⁾ Кант И. О поговорке «Может, это и верно в теории, но не годится для практики» // *Собрание сочинений* в 8 т. Т. 8. М.: ЦОРО, 1994. С. 176–177. — *Прим. перев.*

¹³⁾ См. с. 89.

¹⁴⁾ *Auf der Suche nach einer besseren Welt*. S. 169–170.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

В этом заключаются сильные стороны кантовской идеи государства и истинная причина его отказа от патернализма. Кантовские идеи позже развил Вильгельм фон Гумбольдт¹⁵⁾. Об этом важно сказать, так как многие полагают, что после Канта такие идеи не нашли никакого отклика в Германии, в частности в Пруссии и ее политически значимых кругах. Книга Гумбольдта называлась «*Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*»¹⁶⁾, она была опубликована в 1851 г., но фактически написана задолго до публикации.

Благодаря книге Гумбольдта идеи Канта дошли до Англии. Книга Джона Стюарта Милля «*On Liberty*» (1859)¹⁷⁾ была инспирирована Гумбольдтом, а тем самым и Кантом, в частности его нападками на патернализм. Она стала одной из самых влиятельных книг английского радикального либерального движения.

Кант, Гумбольдт и Милль старались обосновать необходимость государства таким образом, чтобы удерживать его в максимально узких границах. Их идея была такова: государство необходимо, но мы хотим от него как можно меньше, в противоположность идее тотального государства. Никакого патерналистского, авторитарного, бюрократического государства; коротко говоря, мы хотим минигосударства.

---

¹⁵⁾ Гумбольдт Вильгельм фон (1767–1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. — *Прим. перев.*

¹⁶⁾ Русский перевод: Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2012. — *Прим. перев.*

¹⁷⁾ Русский перевод: Милль Дж. Ст. О гражданской свободе. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2017. — *Прим. перев.*

VIII. Мини-государство или патерналистское государство? Их границы.

Мини-государство как регулятивный принцип

Мы нуждаемся в государстве, правовом государстве как в том кантовском смысле, что оно реализует наши человеческие права, так и в том (тоже кантовском) смысле, что оно создает и санкционирует право — юридическое право — ограничивать нашу свободу (конечно, как можно меньше и как можно справедливее). И это государство должно быть как можно менее патерналистским.

Однако я считаю, что всякое государство содержит патерналистский момент или даже много таких моментов, и они оказываются даже решающими.

Основная задача, которую мы ставим перед государством — то, что мы от него ожидаем в первую очередь, — заключается в том, чтобы оно признавало наше право на свободу и жизнь и, если необходимо, содействовало нам в защите нашего права на свободу и жизнь (при любых обстоятельствах). Однако эта задача уже по своей сути патерналистская! Даже то, что Кант именует «благоволением», играет здесь при самом первом шаге важную и неоспоримую роль. Если мы оказываемся в ситуации, в которой нужно защитить свои основные права, то мы можем апеллировать не к враждебности, не к равнодушию государства (государственных органов), а к благоволению! Ситуация в самом деле принимает патерналистский характер как с точки зрения государственного органа, *должностующего* быть благоволящим, так и с точки зрения гражданина, ищущего помощь у сильного.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

Верно, что право само по себе, в своей объективности, находится вне этих квазиличностных отношений. Однако право, реализуемое посредством государства и его законов, является делом людей, которые могут ошибаться. Стало быть, органы права суть люди, могущие ошибаться. И тот факт, что эти люди иногда недоброжелательны, что мы должны радоваться и даже быть благодарными им, отзываясь при этом пренебрежительно о слишком гуманном кантовском «благоволении» (чего доброго, ссылаясь на многолетний срок службы), — все это свидетельствует о том, что момент патернализма играет здесь разностороннюю роль. К сожалению, дело обстоит именно так — я признаю это с неохотой. Но, как мне кажется, это правда, и пренебрежение этой правдой привело в дискуссиях последних лет к логическим каверзам и даже смехотворным выводам.

Речь здесь идет о современных нападках на государства благополучия. Я считаю важными эти нападки и возобновленную благодаря им дискуссию. Но, как часто уже бывало прежде, именно теперь, к сожалению, нельзя слишком серьезно воспринимать модную философию. Она пытается показать, что теория государства благополучия, декларирующая свою моральность и человечность, на самом деле заключает в себе безнравственное посягательство на одно из важнейших человеческих прав — право на свободное самоопределение, право стать по-своему счастливым или несчастным, право, которое Кант защищал от патернализма (см. выше, раздел VII).

Новые радикальные нападки на патернализм обычно связывают с книгой Джона Стюарта Милля «On Liberty», в которой говорится:

Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивида только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества

Часть 2. Мысли об истории и политике

только в том случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей. Личное же благо самого индивида, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действия. Никто не имеет права принуждать индивида что-либо не делать на том основании, что от этого ему самому было бы лучше или что от этого он сделался бы счастливей, или, наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благоразумней или похвальней.

Эта цитата, которая, впрочем, в английском оригинале звучит не особенно хорошо, воспроизводит кантовский принцип, согласно которому каждый должен быть свободным в своем выборе стать счастливым или несчастным, и осуждает всякое патерналистское вмешательство как непозволительное — за исключением разве только случая, когда вмешательство мотивировано угрозой интересам третьего лица. Никто — ни родственник, ни друг и, безусловно, ни одно ведомство, ни один социальный институт (например, парламент), ни один функционер, ни один чиновник — не может присвоить себе право опекать взрослого человека и таким путем отнимать у него свободу, разве только если имеется угроза интересам третьего лица.

Прекрасно: кто стал бы возражать против этого миллевского принципа? Но что из него следует? Можно ли всерьез использовать миллевский принцип для защиты свободы действий?

Обратимся к часто дискутируемому примеру: имеет ли государство право повелевать гражданам пристегивать ремень безопасности

4. Замечания к теории и практике демократического государства

при езде на автомобиле в качестве пассажиров? Согласно миллевскому принципу, по-видимому, нет; нет даже и в том случае, если эксперты убеждены в том, что из соображений безопасности это следовало бы делать, что опасно ездить в качестве пассажиров автомобиля, не пристегиваясь.

Но постойте! Если все обстоит именно так, то не *обязано* ли государство воспрепятствовать пассажиру в качестве *третьего лица* попасть в такую опасную ситуацию? Не *обязано* ли государство запретить водителю трогаться с места, до тех пор пока его пассажир не решит — безусловно, совершенно добровольно! — пристегнуть себя ремнем безопасности?

Аналогичным часто обсуждаемым примером является запрет на курение. Ясно, что согласно миллевскому принципу никто не вправе исходя из собственных интересов запретить курение. А в интересах других? Если государственные эксперты говорят, что вредно — нет, даже опасно! — вдыхать дым других, то не *обязано* ли государство во всех ситуациях, в которых третье лицо оказалось бы в таком положении, запретить курение?

Подобным же образом обстоит дело с различными формами страхования, например со страхованием от несчастных случаев. Согласно миллевскому принципу, это было бы принуждением, правда, не потому, что страхователь принуждается к страхованию под угрозой наказания, а потому, что некоему третьему лицу, например работодателю, под угрозой наказания предлагают заняться страхованием — добровольно! — тех, кто прежде не страховался.

Еще один часто обсуждаемый случай — наркотики. Ясно, что, согласно миллевскому принципу, каждый здравомыслящий

Часть 2. Мысли об истории и политике

(совершеннолетний) человек (14-летний? 20-летний? 21-летний?) имеет законное право лишиться своей свободы из-за наркотиков и что государство не может ограничивать эту его свободу. Однако не обязано ли государство препятствовать другим, чтобы не возникала такая необычная опасная ситуация? Не обязано ли поэтому государство запретить продажу наркотиков, и притом под угрозой самого строгого наказания?

Я не хочу утверждать, что все ныне обсуждаемые случаи можно трактовать в соответствии с этим методом и с аналогичными результатами. Но, по-видимому, дело обстоит именно так. (Случай с водителем автомобиля, кажущийся сначала трудным, на самом деле разрешается совершенно просто: государство обязано под угрозой наказания требовать от каждого, кто предоставил третьему лицу автомобиль для перемещения (путем продажи или проката), как условие защиты водителя добровольного подписания документа, в котором третье лицо обязуется выплатить большую сумму денег, если это лицо забудет пристегнуть ремень безопасности перед началом движения.)

Я охотно признаю, что наши государственные органы поступали бы совершенно правильно (не с точки зрения своих собственных интересов, а с точки зрения наших интересов), если бы благодаря принятию этого метода запретов постоянно напоминали себе, что они не имеют права принуждать кого-либо к чему-либо «в своих собственных интересах». Но тем не менее даже в такой усовершенствованной форме они могли бы унять (почти?) все свои патерналистские инстинкты — даже теперь, действуя под знаменем защиты третьего лица.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

От государства благополучия (прагматичного государства) следует требовать управлять не для собственной безопасности, а всегда только для защиты третьих лиц. И по усмотрению каждого управлять совершенно свободно, но никак не пользоваться своими правами в корыстных целях для извлечения выгоды.

Миллевский принцип (который я выражаю примерно в следующей форме: каждый должен быть свободным в своем выборе стать счастливым или несчастным, покуда третьему лицу не причиняется вред, а государство несет ответственность за то, чтобы его граждане не оказывались непонятным образом в опасных ситуациях, которых можно было бы избежать и которые они сами не могут оценить) может внести лишь очень ничтожный вклад в весьма важную критику государства благополучия. А наш вполне правомерный интерес к мини-государству не имеет *ничего общего* с миллевским принципом, но имеет очень много общего с государством благополучия: он ведет к предположению о необходимости приватизировать социальное страхование.

В заключение мне хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что по-прежнему существует одна дедовская функция государства, которую я (как и многие другие) хотел бы расценивать как излишнюю, но, к сожалению, никак не могу считать ее таковой. Она все еще имеет весьма большое значение и никак не может быть передана в частные руки.

Я имею в виду защиту страны. Ясно, что это в любом смысле совершенно патерналистская функция. И ясно, что ее нынешнее значение с позиции любой антипатерналистской теории государства может представлять незначительный интерес для философии.

Наоборот, складывается впечатление, будто философия обнадеживает себя мыслью, что проблема защиты страны может быть устранена путем ее простого игнорирования. Однако она чрезвычайно важна и чрезвычайно ценна. Она представляет собой самую зловещую угрозу для мини-государства. Она напоминает нам иную, разумеется, во многом справедливую функцию, тесно связанную с защитой страны, — также крайне важную внешнюю политику. Обе имеют далеко идущие последствия, превращающие идею мини-государства в отдаленный утопический идеал, от которого, однако, не следует отказываться: мини-государство существует, пусть и только как регулятивный принцип.

Но мне хотелось бы упомянуть и еще об одном моменте: государство, берущее на себя обязанность защищать страну, должно контролировать готовность своих граждан к обороне и потому заботиться также и об их здоровье. Оно должно контролировать в известной мере даже и экономику, ибо оно должно быть готово к заготовке огромных ресурсов, транспортной техники, сигнализационной техники и многого другого.

IX. Права несовершеннолетних

К сожалению, и это тоже *в принципе и по моральным соображениям* невозможно без патернализма. Если государство признает право своих граждан защищаться силами полиции от разбойных нападений, то оно должно также признать право несовершеннолетних защищаться различными способами — при необходимости даже защищаться от родителей. И тем самым оно, конечно,

4. Замечания к теории и практике демократического государства

становится в принципе патерналистским. Так вместо проблемы «Мини-государство или патерналистское государство?» возникает проблема «Не требовать патернализма *больше*, чем это необходимо с моральной точки зрения». Вместо принципиального морального превосходства мини-государства над притязającym на моральность патерналистским государством мы возвращаемся к известной издавна антитезе между государством и свободой и к кантовскому антидиктаторскому правилу: не ограничивать свободу *больше*, чем это неизбежно.

Х. Возможность решения проблемы гражданской бюрократии. Военная бюрократия

Важнейшим пунктом в любой теории не-тиранического (то есть «демократического») государства является проблема бюрократии, так как наши бюрократии являются «недемократическими» (в моем понимании этого термина). Они знают несметное количество «жилетных» диктаторов, которые практически никогда не несли никакой ответственности за свои дела и упущения. Макс Вебер, величайший мыслитель, считал эту проблему неразрешимой и потому был в этом отношении пессимистом. Я считаю эту проблему в принципе легкорешаемой, если признать *наши* демократические принципы — и если всерьез захотеть ее решения. Однако я также считаю неразрешимой проблему *военной* бюрократии. Одна из многих причин этого кроется в опасности безгранично возрастающей и не контролируемой публично военной власти. Поэтому я, как оптимист, надеюсь и должен надеяться на мир между народами, несмотря на то что до него еще очень далеко — на «вечный мир» Иммануила Канта.

Но, говоря здесь об этом, я должен пояснить, что *в интересах мира* являюсь противником так называемого движения за мир. Мы должны учиться на собственном опыте, а ведь движение за мир с удвоенной силой поощряло агрессора. Кайзер Вильгельм II надеялся, что Англия, несмотря на свои гарантии в отношении Бельгии, не решится на войну по пацифистским соображениям; совершенно так же думал и Гитлер, несмотря на гарантии Англии в отношении Польши.

XI. Надежда молодежи

Наши западные демократии, прежде всего США — старейшая из западных демократий, являют собой беспримерный успех: в огромной работе, в больших трудовых усилиях, во многих добрых намерениях и прежде всего в различных творческих идеях во многих областях. Как результат: больше, чем прежде, счастливых людей живут свободной, прекрасной, лучшей и долгой жизнью.

Конечно, я знаю, что многое нужно улучшить. Пожалуй, самой важной проблемой является то, что наши «демократии» недостаточно четко отличаются от большинства диктатур. Однако никогда прежде не существовало в истории государств, в которых люди могли жить так свободно, государств, где люди имели бы возможность вести жизнь столь же полную или тем более лучшую жизнь, чем мы.

Я знаю, что немногие люди разделяют это мнение. Я знаю, что в нашем мире есть также и много мрачных сторон: преступники, жестокость, наркотики. Мы допускаем много ошибок. И хотя многие из нас учатся на своих ошибках, к сожалению, некоторые все же застревают в них.

4. Замечания к теории и практике демократического государства

Таков мир. Он ставит нам задачи. Мы можем быть им довольны и счастливы. Но это следует и обсуждать! А я почти никогда этого не слышал. Вместо этого ежедневно слышны стоны и жалобы по поводу якобы столь скверного мира, в котором мы обречены жить.

Я расцениваю распространение этой лжи как величайшее преступление, так как это представляет собой угрозу для молодых людей и попытку лишить их права на надежду и оптимизм. В отдельных случаях это ведет к самоубийству, или наркотикам, или терроризму.

XII. Оптимизм и опасность массмедиа

К счастью, истину легко проверить: истина в том, что мы на Западе живем в наилучшем мире из всех существовавших когда-либо. Нам нельзя больше замалчивать эту истину. Массмедиа, являющиеся в этом отношении величайшими грешниками, должны убедиться в том, что они причиняют тягостные несчастья. Они должны согласиться на сотрудничество.

Мы должны подвести массмедиа к тому, чтобы они узрели истину и говорили о ней. Мы также должны подвести их к тому, чтобы они узрели свою собственную опасность и, как все здоровые институты, развивали самокритику и предостерегали самих себя. Это новая для них задача. Вред, который они причиняют в настоящее время, огромен. Без их сотрудничества почти невозможно оставаться оптимистом.

5

Свобода и интеллектуальная ответственность

Доклад, прочитанный в Санкт-Галлене в июне 1989 г.

Будущее широко обозримо. Оно зависит от нас; от всех нас. Оно зависит от того, что мы и многие другие люди делаем и будем делать сегодня, завтра и послезавтра. А что мы делаем и что будем делать, зависит опять-таки от наших мыслей; от наших желаний, наших надежд, наших опасений. Это зависит от того, как мы видим мир, а мы оцениваем обозримые возможности будущего.

Это накладывает на нас всех большую ответственность. И она еще больше возрастет, если мы осознаем ту истину, что мы ничего не знаем — или знаем так мало, что у нас есть основание обозначать это ничтожное знание как «ничего», поскольку это ничто по сравнению с тем, что мы должны были бы знать, чтобы принимать правильные решения.

Первым, кто это осознал, был Сократ. Он говорил, что государственный деятель должен быть мудрым — достаточно мудрым, чтобы знать, что он ничего не знает. Платон также говорил, что государственный деятель, и прежде всего правитель, должен быть мудрым; но он имел в виду под этим нечто совершенно иное, чем Сократ. Он полагал, что философы должны быть правителями и что они должны посещать его (Платона) школу, чтобы обучаться платоновской диалектике — чему-то в высшей степени ученому и сложному; или — еще лучше — что многознающие и ученые философы, такие как он сам, должны стать правителями и править миром. Это предложение Платон вкладывает в уста Сократа, что приводит к некоторым недоразумениям. Философы были в восторге услышать, что они должны стать правителями и что огромное различие между сократовским и платоновским требованием к правителю растворилось в тумане философской диалектики. Потому мне хотелось бы еще раз пояснить это различие. Формула «Правитель должен быть мудрым» для Платона означает некоторое властное притязание ученых философов, а из этого следует властное притязание образованных, интеллектуалов, «элиты». В резком контрасте с платоновским суждением та же самая формула «Правитель должен быть мудрым» для Сократа означала, что правитель должен знать, как он мало знает, и потому в своих притязаниях он должен быть крайне скромным. Так он понимал свою огромную ответственность за войну и мир, и он знал, что может отвести беду. Он знал, как он мало знает. «Познай самого себя! — призывал Сократ. — Познай себя, и ты узнаешь, как мало ты знаешь!»¹⁾ Это сократовская установка,

---

¹⁾ См.: *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. III, IX (6).

сократовская мудрость. «Познай самого себя, и ты узнаешь о своем незнании!» И хотя платоник обычно не является правителем, он все-таки всезнающий партийный лидер. Несмотря на то что партия, которую он возглавляет, обыкновенно состоит только из него самого, тем не менее почти все партийные лидеры, и в частности лидеры агрессивных партий и лидеры успешных партий, напротив, являются платониками. Ведь они суть те наилучшие, лучше всех информированные и потому самые мудрые люди, которые, как учил Платон, должны быть нашими правителями.

«Кто должен править?» — это основной вопрос платоновской политической философии. Ответ Платона таков: «Лучшие и вместе с тем самые мудрые!» На первый взгляд этот ответ кажется неизбежным и, по-видимому, правильным. Но что если лучшие и самые мудрые не считают себя таковыми и потому отказываются от власти? Ведь это именно то, чего сократик мог бы ожидать от лучшего и мудрейшего! Сократик, пожалуй, стал бы также думать, что человек, который считает себя лучшим и мудрейшим, должен быть величайшим безумцем и потому непременно не может быть ни хорошим, ни мудрым ²⁾.

Очевидно, что вопрос «Кто должен править?» поставлен совершенно неправильно. И тем не менее его до сих пор постоянно ставили и давали на него ответ, схожий с платоновским. В течение долгого времени ответом было: правитель, избранный солдатами, держится за власть, поскольку только он может обладать ею. Позже это означало: монарх правит законно по божьей милости. Маркс по-прежнему задавался вопросом: кто должен обладать властью, *диктаторской*

---

²⁾ Ср. цитированный фрагмент у Ксенофонта.

властью? Пролетарии или капиталисты? Ответ: добрые, классово сознательные пролетарии. И точно не злые, себялюбивые капиталисты. И, разумеется, также не люмпен-пролетарии! Согласно Марксу, последние должны довольствоваться поруганием. (У нас они исчезают как класс.)

Большинство теоретиков демократии также все еще отвечают на платоновский вопрос: «Кто должен править?» Их теория состоит в том, что сам собой разумеющийся начиная со Средневековья ответ «законный монарх по божьей милости» следует заменить на ответ «народ по божьей милости», при этом словосочетание «божья милость» опускается или заменяется другими словами: «народ, по милости народа». Так это обозначалось уже в Риме: *vox populi vox Dei*; в переводе: глас народа — это глас божий.

Снова и снова мы встречаемся с платоновским вопросом «Кто должен править?», он все еще играет большую роль в политической теории, в теории законности и особенно в теории демократии. Утверждается, что правительство имеет право властвовать, если оно законно, то есть избрано, согласно статье конституции, большинством народа или его представителями. Но нам не следует забывать, что Гитлер пришел к власти законным путем и что закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, сделавший его диктатором, был принят парламентским большинством. Принцип законности недостаточен. Это и есть ответ на платоновский вопрос: «Кто должен править?» Нам следует изменить саму постановку вопроса.

Мы видим, что принцип народовластия также содержится в ответе на платоновский вопрос. Это опасный принцип. Диктатура большинства может быть ужасной для меньшинства.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Сорок четыре года назад я опубликовал книгу «Открытое общество и его враги». Написание этой книги задумывалось как мой вклад в изучение Второй мировой войну. В ней я предложил заменить платоновский вопрос «Кто должен править?» принципиально другим вопросом, а именно: «Как нам сформировать конституцию государства так, чтобы мы могли избавиться от правительства без кровопролития?»

В этом вопросе акцент делается не на способе *назначения* правительства, а на возможности его *отставки*.

К сожалению, слово «демократия», в значении «народовластие», несет в себе опасность. Каждый представитель народа знает, что он не властвует, и потому чувствует, что демократия — это сплошное надувательство, чистая фикция. В этом заключается ее опасность. Важно, что уже в школе нас учат тому, что начиная с афинской демократии термин «демократия» является традиционным термином для устройства, которое *предотвращает* диктатуру, «тиранию». Диктатура, тирания — худшее, что нас может ожидать (мы вновь видим это теперь в Китае). Диктатуру, тиранию нельзя сместить без кровопролития, но обыкновенно нельзя даже и с *кровопролитием*: диктаторы сегодня, кажется, всегда очень сильны, в чем мы могли убедиться на примере попытки мятежа против Гитлера 20 июля 1944 года³⁾.

Но любая диктатура безнравственна. С моральной точки зрения любая диктатура есть зло. Первостепенным для демократии является ее основной моральный принцип — принцип демократии как такой формы государства, при которой правительство может быть

---

³⁾ См. с. 90.

смещено без кровопролития. С моральной точки зрения диктатура есть зло, потому что она обрекает граждан на то, чтобы вопреки их самым ценным знаниям и вопреки совести содействовать злу, по меньшей мере своим молчанием. Она снимает с человека его ответственность, без которой он оказывается только получеловеком, сотой частью человека. Любую попытку нести человеческую ответственность диктатура превращает в попытку самоубийства.

С исторической точки зрения можно показать, что уже афинская демократия, по крайней мере эпохи Перикла и Фукидида, была не таким уж и народовластием, но скорее попыткой избежать тиранию любой ценой. Цена была высокой, может быть, даже очень высокой, и была выплачена окончательно только спустя почти 100 лет. Ценой был часто вызывающий недоразумение остракизм, посредством которого каждый гражданин, если он становился популярным, мог и должен был изгоняться за пределы полиса именно из-за своей популярности. Этим путем были изгнаны весьма благонадежные государственные деятели, такие как Аристид⁴⁾ и особенно Фемистокл⁵⁾. Нелепостью было бы объяснять изгнание Аристида тем, что он встал поперек дороги Фемистоклу, или тем, что его прозвище «Справедливый» вызывало ревность у его сограждан. Дело обстояло совершенно иначе: это прозвище свидетельствовало о том, что Аристид был популярным, даже очень популярным, и функция

---

⁴⁾ Аристид (ок. 530–467 до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец периода Греко-персидских войн (500–449 до н. э.). — *Прим. перев.*

⁵⁾ Фемистокл (524–459 до н. э.) — афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец периода Греко-персидских войн. — *Прим. перев.*

остракизма заключалась именно в том, чтобы подавить в зародыше популистского диктатора. Только это было причиной его изгнания, равно как и причиной изгнания Фемистокла.

Сам Перикл, по-видимому, четко себе представлял, что афинская демократия не была народовластием и что народовластие вообще не может существовать. Об этом он говорил в своей возвышенной речи, о которой можно прочесть у Фукидида: «Несмотря на то что только некоторые из немногих создают политику, тем не менее мы все способны судить о ней и выносить ей приговор»⁶⁾. А это означает: не все мы можем управлять и командовать, но все мы можем судить правительство, выступая в роли присяжных.

Именно таким и должен быть, по моему мнению, день выборов. Не днем, когда утверждается законно новое правительство, а днем, когда судят старое правительство. Днем, когда правительство должно держать ответ.

* * *

Теперь мне хотелось бы вкратце показать, что различие, на котором я здесь акцентирую внимание, различие между демократией как народовластием и демократией как народным судом, имеет также и практические последствия.

Это различие никоим образом не является только словесным. Оно очевидно из того, что идея народовластия ведет к поддержке пропорционального народного представительства. Любое коллек-

---

⁶⁾ См. также с. 93.

тивное мнение, любая партия, включая даже самые малые партии, должны быть представлены; таким образом, народное представительство есть своеобразное зеркало народа и вместе с ним реализуется, по возможности, идея народного правительства. Я где-то вычитал даже ужасное предложение: ввести для каждого гражданина и каждой гражданки прямое голосование нажатием на электрическую кнопку по каждому обсуждаемому народным представительством пункту. Кроме того, утверждается, что с точки зрения демократии как народного правительства необходимо охотно приветствовать гражданские инициативы.

Совершенно иначе обстоит дело, если принять отстаиваемую мной точку зрения на демократию как народный суд. Наличие множества партий я рассматриваю как неудачу, равно как и вытекающее из него пропорциональное избирательное право, поскольку присутствие множества партий ведет к коалиционному правительству, в котором никто не несет ответственность перед народом как судебной палатой; в таком случае во всем неизбежен компромисс. Кроме того, весьма сомнительной становится возможность отправить в отставку правительство, поскольку, чтобы продлить свое правление, оно нуждается только в небольшом новом коалиционном партнере. Когда партий немного, правительства скорее являются правительствами большинства и их ответственность ясна и понятна. И я не вижу никакого смысла в том, чтобы пытаться пропорционально отражать мнения населения в народном представительстве, а тем более в правительстве. Это приводит к безответственности правительства, поскольку зеркало не может быть ответственным в отношении своего оригинала.

Но, по-видимому, самым сильным аргументом против теории народовластия является то, что она содействует иррациональной идеологии, суевериям — авторитетным релятивистским суждениям о народе (или большинстве), который не может быть неправ и поступать неправильно. Эта идеология безнравственна и должна быть отвергнута. От Фукидида мы узнаем, что афинская демократия (которой я во многом восхищаюсь) также принимала преступные решения. По решению афинской демократии было совершено нападение (хотя и не без предупреждения) на нейтральный островной город Мелос, все мужчины были убиты, а все женщины и дети были проданы на больших невольничьих рынках в рабство⁷⁾. Афинская демократия была способна на это.

А свободно избранный немецкий парламент Веймарской республики оказался способен сделать Гитлера диктатором совершенно законным путем, на основе закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству. Хотя в Германии Гитлер никогда не одерживал победу на свободных выборах, тем не менее он праздновал неслыханную победу в Австрии после ее насильственного присоединения⁸⁾.

Мы все можем ошибаться, это касается и народа или любой другой группы людей. И если я говорю, что народ может отправить правительство в отставку, то только потому, что я не знаю *лучшего* метода избежать тирании. Точно так же и демократия как народ-

---

⁷⁾ См. также с. 86.

⁸⁾ На состоявшемся 10 апреля 1938 г. плебисците об аншлюсе 99,75 % австрийцев, по официальным данным, проголосовали за «воссоединение Австрии с Германией и... список нашего фюрера Адольфа Гитлера». — *Прим. перев.*

ный суд, которую я отстаиваю, является, скорее всего, небезошибочной. Относительно нее Уинстон Черчилль высказался иронически: «Демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех иных форм правления»⁹⁾.

А теперь я обобщу свои рассуждения: различие между двумя идеями, демократией как народовластием и демократией как народным судом (или, другими словами, инструментом, позволяющим избежать правительства, которое нельзя сместить, стало быть, тирании), никоим образом не является чисто словесным, но, напротив, имеет важные практические следствия. Это касается также и Швейцарии. Тем не менее в преподавании, в народных школах и гимназиях, насколько мне известно, еще очень часто обращаются к пагубной и идеологической теории народовластия, вместо того чтобы апеллировать к более умеренной и реалистической теории избегания невыносимой и нестерпимой с нравственной точки зрения диктатуры.

* * *

Теперь мне хотелось бы вернуться к началу. Будущее широко обозримо, мы можем на него влиять. Поэтому на нас возлагается большая ответственность, а мы знаем, что ничего не знаем. Что нам следует сделать, чтобы помочь? Можем ли мы что-то сделать, чтобы предотвратить страшные события, подобные происходящим ныне на Востоке? Имею ли я в виду национализм, расизм, жертвы

---

⁹⁾ См. также с. 7, 124.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Пол Пота ¹⁰⁾ в Камбодже, жертвы аятоллы ¹¹⁾ в Иране, жертвы русских в Афганистане, новые жертвы в Китае? Что мы можем сделать, чтобы предотвратить эти непостижимые для нас события? Можем ли мы вообще что-то сделать, что-то предотвратить?

Мой ответ на этот вопрос — да. Я думаю, что мы можем многое сделать.

Когда я говорю «мы», то имею в виду интеллектуалов, то есть людей, интересующихся идеями. Стало быть, в особенности людей читающих и, может быть, также пишущих.

Почему я считаю, что мы, интеллектуалы, можем помочь?

Просто потому, что мы, интеллектуалы, тысячелетиями приносили ужасные бедствия. Массовые убийства во имя какой-то идеи, учения или теории — это наше дело, наше изобретение, изобретение интеллектуалов. Если бы мы прекратили натравливать людей друг на друга — часто с лучшими намерениями, — то одним этим уже многое было бы достигнуто. Никто не может сказать, что это для нас невозможно.

Самая важная из десяти заповедей гласит: не убий! В ней содержится почти вся этика. То, как, например, Шопенгауэр формулировал этику, есть лишь развитие этой важнейшей заповеди. Этика Шопенгауэра проста, непосредственна, ясна. Он говорит: никому не вреди и никого не оскорбляй, но помогай всем, как только можешь.

---

¹⁰⁾ Пол Пот (настоящее имя Салот Сар; 1925–1998) — камбоджийский политический деятель, премьер-министр Кампучии в 1976–1979 гг., лидер движения красных кхмеров. — *Прим. перев.*

¹¹⁾ Аятолла Хомейни (1902–1989) — иранский политический деятель, лидер исламской революции 1979 г., высший руководитель Ирана с 1979 по 1989 г. — *Прим. перев.*

Но что произошло, когда Моисей первый раз спустился с горы Синай с каменными скрижалями, прежде чем он смог возвестить о десяти заповедях? Он открыл пагубную ересь, ересь о золотом тельце. Тогда он забыл о заповеди «Не убий!» и воззвал:

...кто Господень, — ко мне... так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое... и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего... и пало в тот день из народа около трех тысяч человек ¹²⁾.

Возможно, таково было начало. Достоверно известно лишь, что эта история нашла свое продолжение на Святой земле, а позже и здесь, на Западе; здесь, в частности, христианство в дальнейшем стало государственной религией. Это была ужасающая история религиозных гонений, гонений ради правочерности. Позже — а именно в XVII и XVIII вв. — появились еще и другие идеологические причины, по которым можно было оправдать гонения, жестокость и террор: национальность, раса, класс; политические или религиозные инакомыслия или ереси.

В идее правочерности и инакомыслия коренятся мелкие пороки; те пороки, к которым особенно мы, интеллектуалы, склонны: надменность, нетерпимость, всезнание, интеллектуальное тщеславие. Это мелкие пороки — не такие большие, как жестокость. Но и жестокость не чужда нам, интеллектуалам. Некоторые допускают жестокость. Вспомним хотя бы нацистских врачей, убивавших стариков и больных уже задолго до Освенцима в ходе так называемого «окончательного решения» еврейского вопроса.

---

¹²⁾ Исх. 32:26–28.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Снова и снова были и появляются среди нас, интеллектуалов, те, кто из малодушия, высокомерия, честолюбия совершает дурные поступки. Мы, имеющие некоторые особые обязательства перед теми, кто не смог учиться, — изменники духа, как определил это великий французский просветитель Жюльен Бенда (Julien Benda)¹³. Как показал Бенда, мы изобрели и пропагандируем национализм, мы все участвуем в каких-то глупых модных мероприятиях, мы хотим удивлять, мы говорим на непонятном, но весьма выразительном, ученом, искусственном языке, который усвоили от своих гегельянских учителей и который объединяет всех гегельянцев. Это нечистый язык, нечистый немецкий язык, на котором мы состязаемся друг с другом. Это нечистый язык, на котором невозможно говорить с нами разумно и доказать нам, что очень часто мы говорим вздор и ловим рыбу в мутной воде.

Причиненное нами в прошлом несчастье ужасно. Стали ли мы с тех пор — с тех пор, как стали свободно говорить и писать, — более ответственными?

Я уже как-то писал применительно к платоновской утопии, что те, кто хотел бы установить рай на земле, всегда устанавливают лишь ад. Но многие интеллектуалы были глубоко воодушевлены адом Гитлера. Знаменитый швейцарский психолог Карл Густав Юнг открыл в преисподней Гитлера новый порыв немецкой души. При этом Юнг вовсе не боялся, поскольку тогда он проживал в Швейца-

---

¹³ Бенда Жюльен (1867–1956) — французский политический философ, общественный критик и моралист. На русский язык переведены его работы «Предательство интеллектуалов» (М.: ИРИСЭН, 2009) и «Конец вечности» (СПб.: Русский мир, 2012). — *Прим. перев.*

рии. После смерти Гитлера он забыл, о чем говорил прежде, и написал о крайне злой природе немецкой души.

Уинстон Черчилль и Франклин Делано Рузвельт своей Атлантической хартией положили начало новому миру, предпосылки для которого создали юные боевые летчики, шедшие, не считаясь ни с чем, на верную смерть и жертвовавшие собой ради нас в решающих воздушных сражениях над Великобританией в 1940 и 1941 гг. После победы над Гитлером вместо его преисподней Западная Европа живет в раю европейского мира, в самом справедливом и наилучшем мире из всех известных нам в истории миров. И если бы Сталин присоединился, то сегодня через посредство ООН мы бы установили мир не только в Европе и в Северной Атлантике, но и во всем мире, а американский план Маршалла стал бы международным планом.

Но как только было достигнуто новое благополучие и на Западе все пошло хорошо, сразу же началась большая шумиха и ругань интеллектуалов вокруг нашей дьявольской эпохи, нашего общества, нашей цивилизации, нашего окружающего мира. Начались ужасные преувеличения разрушений и загрязнений, которые совершаются якобы из-за жадности — чтобы окончательно уничтожить остатки некогда такого прекрасного мира, так быстро, как это только возможно. Правда в том, что вся жизнь всегда находится в опасности. Мы все, как я предполагаю, рано или поздно умрем. А начиная с возникновения жизни опасность всегда существовала также и для окружающего нас мира.

Благодаря естествознанию, технологиям и индустрии впервые со времени возникновения нашей Солнечной системы мы в состоя-

нии что-то сделать для окружающего мира, и все ученые-естествоиспытатели и техники направляют все свои усилия на это. Но их обвиняют в уничтожении природы. Между тем уже в течение долгого времени сохраняют свою девственную красоту чудное Цюрихское озеро, а также озеро Мичиган, на котором находится Чикаго. Жизнь вокруг этих озер была сохранена благодаря сотрудничеству науки, технологии и индустрии. Это было, пожалуй, первое такого рода достижение в истории Солнечной системы со времени возникновения жизни.

Миром не так просто править. Каждый вид животных, вид растений, вид бактерий воздействует на окружающую среду всевозможными способами. Возможно, наше воздействие самое значительное. Но всегда остается вероятность того, что какой-то новый вирус, новая вирусная эпидемия или, в равной мере, новая бактериальная эпидемия уничтожит все человечество за кратчайшее время.

Природу нелегко держать под контролем. Демократия — тоже непростое дело. Как я уже рассказывал, Черчилль утверждал, что демократия является наихудшей формой правления, за исключением всех остальных форм¹⁴⁾. Мне хотелось бы добавить к этому кое-что, о чем Черчилль высказался неясно: для правительства демократия является самой неудобной, неприятной и сомнительной формой правления, потому что правительствам постоянно угрожают отставкой. Они должны перед нами всеми нести ответственность. Они должны нас немного бояться. Это вполне нормально, но это усложняет их работу. Мы — судьи, мы — присяжные, но для нас опасность кроется в том, что мы раз за разом можем попасть под

---

¹⁴⁾ См. с. 7, 119.

соблазн какого-нибудь уверованного всеми безверия. Так называемый гегелевский дух времени, всегда представляющий постоянную угрозу, модные идеологии, которые почти всегда безмерно глупы и раз за разом выдают ложь за истину, когда истина лежит перед нашими глазами, — все это нас соблазняет как присяжных и членов жюри.

Гитлер мог, подобно мне, научиться у вдохновенных учителей тому, во что они верили всей душой: немецкий дух спасет мир¹⁵) и «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире»¹⁶). И Гитлер верил этому, вместе со многими другими несчастными юношами, вместе с миллионами отважных молодых людей, шедших на смерть в двух германских войнах во имя гегемонии в Европе, и еще со многими миллионами несчастных молодых людей, погибших от рук мужественных врагов, врагов, которые так же достойно боролись за свободу и мир, как и юные немцы — за великую Германию и установление ее господствующего положения, за кайзера, верховного главнокомандующего и за фюрера.

Сегодня мы можем и должны зреть истину. Немецкая идеология была иллюзией, как показал выдающийся и мужественный историк.

---

¹⁵) «Am deutschen Wesen soll die Welt genesen». (Приблизительный перевод: «Немецкий дух спасет мир». Это нацистский лозунг, заимствованный из поэмы Эммануэля Гейбеля (1815–1884) «Признание Германии». Строки из Гейбеля стали известны с тех пор, как их процитировал Вильгельм II в своей речи в Мюнстере в 1907 г. См.: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/smysl-zhizni/karl-gustav-yung-poslevoennyye-psichicheskie-problemyi-germanii/>) — *Прим. перев.*

¹⁶) «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt» — первые строки «Песни немцев», заглавной части государственного гимна Германии времен Третьего рейха. — *Прим. перев.*

(Я говорю о профессоре Фрице Фишере¹⁷⁾.) Она была ложью. Западная идеология, несмотря на все насмешки и часто лживые злоупотребления ею, была правдой. Запад боролся за мир, и он его достиг в Европе, которая была расшатана войнами с самого начала истории человечества. Запад установил мир почти повсюду, где Западная Европа имела реальное влияние.

Однако безответственные интеллектуалы смогли увидеть в нашем западноевропейском мире лишь зло. Они создали новую религию, которая учит, что наш мир несправедлив и обречен на гибель. Они учили этому начиная с книги Освальда Шпенглера «Закат Европы», поскольку хотели быть очень оригинальными и охотно говорили о вещах, противоречащих очевидному. И им удалось извратить не только очевидное, но и объективную истину.

Но мне не хотелось бы больше упрекать интеллектуалов. Я хочу их призвать к тому, чтобы они наконец осознали свою ответственность за человечество и истину. Наша свобода позволяет им говорить все, что заблагорассудится, а также поносить свободный мир, выставляя его как зло.

Это их право. Но ошибочно и безнравственно публично говорить неправду, даже если на это есть право. И не только безнравственно, но и безответственно оскорблять сильных мира сего, Черчилля и Рузвельта, ставших героями войны и разработавших план Маршалла, унижая их и выдавая добро за зло.

---

¹⁷⁾ Фишер Фриц (Fritz Fischer, 1908–1999) — немецкий историк, известен своими работами по анализу причин Первой мировой войны; на русском языке см., например: *Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.* М.: РОССПЭН, 2017. — *Прим. перев.*

Мне хотелось бы напомнить, что теперь и русские начинают признавать наш мир и установленное в нем согласие, и потому, по-видимому, уже нельзя считать совершенно невозможным и утопичным достижение всеобщего мира. Наш долг — приложить все усилия, чтобы из-за искажения истины о рае и аде эти возможности в дальнейшем не уменьшались.

* * *

Теперь я перехожу к последней части.

Прежде всего еще раз обобщу вышесказанное. На Западе мы живем в раю — конечно, еще не на седьмом небе, но во всяком случае на небесах. Наши небеса легко поддаются улучшению. Мы не можем больше поносить наш мир и делать его хуже. Он намного лучше всех миров, когда-либо существовавших на земле, и особенно в Европе. Правда в том, что мы рады реформам. Нигде так не рады реформам, как в США. Мы — люди доброй воли, и мы самоотвержены. Это доказали солдаты по обе стороны фронта. Благодаря этому были созданы важнейшие условия для утверждения мира на земле. Но необходимым условием для этого является также *содействие русских!* Если они примут участие в этом, тогда, по-видимому, сможет быть осуществлена мечта Черчилля и Рузвельта утвердить мир не только в Европе, но и во всем мире.

Однако сейчас дело обстоит так, будто русские хотят содействовать этому — впервые со времен Второй мировой войны! Сахаров, великий и мужественный одиночка, говорил, что мы не должны слишком доверять властному диктатору Горбачёву. Сахаров также говорил, что Советский Союз, по-видимому, близок к своему распаду. Но мы не можем желать этого распада. Он привел бы к неизмеримым страданиям в самом Советском Союзе и стал бы большой

Часть 2. Мысли об истории и политике

угрозой для мира. Возможно, он бы привел к военной диктатуре — к диктатуре самых больших (хотя, по-видимому, не самых лучших) армии, флота и авиации, которые когда-либо существовали на земле. И это разрушило бы всякую надежду на мир.

Джордж Сорос, хорошо знающий Россию (хотя, вероятно, и не так хорошо, как Сахаров), проанализировал все эти опасения в своей важной статье, опубликованной в «The New York Review of Books»¹⁸⁾. Но он верит, что Россия ищет честного сотрудничества с Западом. Русские знают лучше, чем мы, где рай, а где ад.

Чтобы это сотрудничество стало возможным, нам следует самим осознать, чего мы достигли и как нам аргументировать достигнутое на основе свободы. Только тогда мы сможем спросить себя, как мы этого достигли, а если русские готовы сократить свою армию, предложить им свою помощь. Конечно, *со всеми мерами предосторожности*.

Такие возможности у нас есть. Они требуют от нас, интеллектуалов, распознать наконец объективную истину и впредь не подменять рай адом, как мы это делали в прежние времена.

Мы должны знать, что ничего не знаем — или почти ничего. И мы должны знать, что Горбачёв, пожалуй, находится в таком же положении. И чтобы сделать хоть один шаг навстречу миру, нам следует отказаться от идеологий, в частности от столь опасной для мира идеологии одностороннего разоружения. Мы должны на ощупь — подобно жукам — критически и *со всей скромностью* искать объективную истину. Мы больше не можем пытаться играть роль всезнающих пророков. А это значит: *мы должны себя изменить*.

---

¹⁸⁾ См.: Soros G. The Gorbachev Prospect // The New York Review of Books. June 1, 1989. V. 36. № 9. — Прим. перев.

6

Вся жизнь — решение проблем

Доклад, прочитанный в Бад-Хомбурге в 1991 г.

I

Я почти так же стар, как автомобили. Конечно, я не настолько стар, как их изобретение (это было в 1886 г.), но, насколько я помню, я родился на год раньше, чем кайзер Вильгельм II приобрел свой первый автомобиль.

Моя первая автомобильная поездка к замку Альтенберг вблизи Грайфенштайна на Дунае была совершена на «мерседесе», принадлежавшем владельцу замка, другу моего отца. Прежде мы всегда выезжали в экипаже с четырьмя лошадьми, но в этот раз сели в «мерседес», который, как мне сказали, был лучшим немецким автомобилем и первой моделью этой марки, завезенной в Австрию. Должно быть, это произошло примерно в 1907 или 1908 г.

Свой первый автомобиль я приобрел и стал ездить на нем в 1936 г. в Лондоне. Я ездил на нем в Кембридж, и когда я выходил

Часть 2. Мысли об истории и политике

из машины, разумеется, с правой стороны, то замечал, что заднее колесо вместе с осью заметно выступало из-под кузова. В моем воспоминании это выглядит так, будто бы виднелось почти 30 см от оси; видимо, в этом воспоминании запечатлелось мое тогдашнее удивление! Это был спортивный автомобиль марки «Standard», который уже давно не выпускают, — очевидно, это правильно!

Такой опыт является своего рода необратимым преимуществом человека преклонного возраста. Другое преимущество состоит в том, что, в отличие от своих юных современников, я считал наш мир и людей удивительными. Хотя, конечно, я знаю, что существует также и много плохого, но все же я уверен, что наш мир — наилучший из всех когда-либо существовавших в истории. Когда я так говорю, слушатели обычно считают меня старым глупцом. Это, может быть, и соответствует действительности, но я готов в предстоящих дискуссиях защитить свой тезис от каждого, а также развить мысль о том, что повсеместные вопли по поводу злого мира, в котором мы живем, — что можно назвать господствующей религией нашего времени — противоречат всем фактам. Мой основной тезис состоит в том, что мы стали жить лучше не только с экономической, но и с моральной точки зрения. Только я один готов сознаться в том, что мы стали намного глупее: мы некритически относимся к тому, во что именно теперь стало модно верить. К сожалению, это никогда не будет воспринято с радостью, и тем более нельзя надеяться на то, что этому обязательно поверят.

Возможно, причина всего этого коренится в ужасных ошибках, допущенных нами как воспитателями, а поскольку воспитание

и образование можно причислить к технологиям, то эти ошибки являются технологическими. Но самое скверное то, что мы не учимся на этих ошибках. И здесь я перехожу к сути дела.

Корректировка ошибок — это важнейший метод технологии и вообще жизни. В биологической эволюции он является, как мне представляется, единственным методом прогресса. Справедливо говорят о методе проб и ошибок, но при этом недооценивают важность заблуждений или ошибок — ошибочный опыт.

Биологическое развитие полно ошибок, а их корректировка осуществляется медленно. Мы можем, пожалуй, оправдывать свои ошибки тем, что с их помощью мы лишь подражаем любимой нами зеленой природе. В своей корректировке ошибок мы обычно действуем проворнее, чем зеленая природа, так как некоторые из нас сознательно учатся на ошибках. Так делают, например, все ученые, технологи, техники, а если они этого не делают, то должны будут это делать, поскольку именно в этом заключается их профессиональная компетенция.

Жизнь, то есть организмы, начиная с одноклеточных, делает удивительные изобретения. Новые изобретения, мутации, пожалуй, чаще бывают плохими, ошибочными попытками, чем попытками удачными, и они выбраковываются. Мы можем признать некоторые свои идеи неудачными до того, как их подвергнут усиленной критике, а другие выбраковываются посредством критики до их вовлечения в процесс производства. Именно в сознательной критике, в самокритике, в критике со стороны друзей и недругов, в среде коллег и посторонних лиц, как представляется, и заключается наше возможное превосходство над природой. В методе проб и ошибок,

Часть 2. Мысли об истории и политике

в критически подобранном эксперименте природа до сих пор далеко превосходила нас. А многие ее изобретения, например преобразование солнечной энергии в энергию химическую, и притом в легко аккумулируемой форме, мы до сих пор тщетно пытались подделать. Но все же в обозримом будущем, пожалуй, нам удастся этого достичь.

Вся жизнь — решение проблем. Все организмы — изобретатели и техники, более или менее хорошие, более или менее удачливые в решении технических проблем. Именно так обстоит дело у животных, например у пауков. Изобретенная человеком техника, будь то канализация, средства поставки воды и питания или средства складирования, решает человеческие проблемы, но то же самое делают, например, уже и пчелы.

Поэтому враждебное отношение к технике, что мы часто наблюдаем со стороны зеленых, бессмысленно, ведь это, по сути, вражда против жизни — чего, к сожалению, зеленые не понимают. Но критика техники, конечно, не бессмысленна, а действительно необходима. На это в той или иной форме каждый человек способен, и такая критика приветствуется. А так как критика относится к профессиональной компетенции техников, то именно ею долгое время они сами специально и занимались.

Но тем не менее иногда случается так, что проблему видят в первую очередь неспециалисты. Это происходит, по-видимому, потому, что изобретатель по праву пытается найти применение своему изобретению. В своем рвении он, видимо, упускает из виду, что применение его изобретения также может иметь нежелательные последствия. Так, оказалось, что определенные изобретения в области химии, очень успешно применявшиеся против moskitov и других

насекомых, имели весьма нежелательный результат: их использование привело к тому, что певчие птицы вымерли от голода. Об этом сообщила американская исследовательница природы Рэйчел Карсон (Rachel Carson) в своей примечательной книге «Silent Spring»¹⁾. Эта книга вызвала, само собой разумеется, приступ гнева, прежде всего в Америке, а затем и в Германии, где возникли направленные против техники и науки (и против Америки) политическое движение и основанная на нем политическая партия зеленых.

Важно то, что слишком мало указывают на допущенные нами ошибки. Понятно, что эти ошибки преувеличиваются, но, по-видимому, необходимо к этому прислушаться. Однако не только глупо, но и безответственно в погоне за сенсацией нападать на науку и технику как целое, несмотря на то что только с их помощью можно осуществить необходимую корректировку ошибок.

Несуразностью следует считать то, что некоторые в погоне за сенсацией заходят так далеко, что утверждают, будто мы скатываемся в бездну и, возможно, необходим диктатор для нашего спасения (случай с Гитлером еще довольно свеж в нашей памяти).

Совершенно верно, что определенные проблемы, например проблема загрязнения воздуха, могут нуждаться в специальном законодательстве для своего решения. Имеются также идеологические сторонники так называемого «свободного рынка» (которому мы, конечно, очень обязаны), считающие, что такие законы, которые ограничивают свободу рынка, являются рискованными шагами на пути к рабству.

---

¹⁾ Карсон Рэйчел (Рахиль) Луиз (1907–1964) — американский биолог, общественный деятель в сфере охраны природы, писательница. Перевод ее книги на русский язык: Карсон Р. Безмолвная весна. М.: Прогресс, 1965. — *Прим. перев.*

Но это опять-таки идеологический вздор. Уже в моей изданной 49 лет назад на английском языке книге «Открытое общество и его враги» показано, что свободный рынок может существовать только в рамках созданного и гарантируемого государством определенного правового порядка. К последнему относится, например, то, что запрещены вооруженные идеологизированные армии, что подразумевает определенное ограничение на торговлю оружием — стало быть, видимо, ограничение свободного рынка и личной свободы. Однако ясно, что это ограничение, накладываемое государством, предпочтительнее ограничений, накладываемых лидерами бандитских группировок, которые можно с уверенностью ожидать там, где отсутствует ограничение со стороны государства.

Поэтому, подобно тому как мы ограничиваем рынок оружия в пользу всеобщей свободы граждан, мы должны ограничивать практику содержания диких животных и бойцовых собак и т. п. Границы любой свободы всегда трудно определимы и представляют собой соответствующую проблему опыта. Очевидно, что законодательство должно запретить применение отравляющих веществ в производственном процессе, и очевидно, что граница между отравляющими веществами и умеренными формами загрязнения воздуха, связанными с выхлопными газами автомобилей, неопределенна и проблематична: она зависит, между прочим, и от плотности движения.

Таким образом, мы должны в любом случае заменить идеологический принцип свободного рынка другим — принципом, ограничивающим свободу только там, где это необходимо по настоятельным причинам. А это значит, что во многих случаях мнения о том, где должна проходить граница, не совпадают.

Эта ситуация встречается всюду, где свобода играет постоянную роль. Потому никоим образом нельзя сказать, что она появляется только вместе с проблемами окружающего мира и проблемами индустриализации или что она особенно характерна для этих случаев.

На самом деле все наши действия имеют непреднамеренные следствия. Некоторые из них, видимо, можно предвидеть, в случае если прикладываются большие усилия или затрачены значительные средства на это. Но оставшиеся все равно нельзя предвидеть.

Примером тому может служить проведенный Отто Ганом (Otto Hahn) и Фрицем Штрассманом (Fritz Strassmann)²⁾ эксперимент, приведший, как обнаружилось позже, к расщеплению урана, которое никак нельзя было предвидеть в качестве его следствия. Они ничего подобного не ожидали, и им даже не пришла в голову мысль наблюдать это и истолковать соответствующим образом непонятный результат.

Интерпретация представляла собой совершенно новую идею, которую развили в дискуссии на коллективной лыжной прогулке в Швеции находившаяся в отпуске сотрудница Гана Лиза Мейтнер (Lise Meitner)³⁾ и ее племянник, мой друг Отто Роберт Фриш (Otto Robert Frisch)⁴⁾. Эта совершенно новая идея, пожалуй, едва ли

---

²⁾ Ган Отто (1879–1968) — немецкий химик, ученый-новатор в области радиохимии, открывший ядерную изомерию (уран Z) и расщепление урана, лауреат Нобелевской премии по химии (1944). Штрассман Фриц (1902–1980) — немецкий химик и физик, один из первооткрывателей деления ядра. — *Прим. перев.*

³⁾ Мейтнер Лиза (1878–1968) — австрийский физик и радиохимик; проводила исследования в области ядерной физики, ядерной химии и радиохимии. — *Прим. перев.*

⁴⁾ Фриш Отто Роберт (1904–1979) — английский физик-ядерщик австрийского происхождения, член Лондонского королевского общества. — *Прим. перев.*

пришла бы им на ум, если бы экспериментатор Фриш незадолго до этого не стал сотрудником теоретика Нильса Бора, рассказавшего ему о своей новой капельной модели атомного ядра, в рамках которой деление ядра понимается по аналогии с распадом огромной капли.

Знание об этой новой интуитивной и чисто метафорической побочной идее сыграло некоторую роль в правильной интерпретации эксперимента Гана и Штрассмана, которая для обоих была совершенно недоступной — равно как и результат эксперимента был для них совершенно неожиданным.

На этом я завершаю первую часть своих рассуждений — защиту от нападок на технику — с примечанием, что все мы допускаем ошибки, но практически все упреки, которые зеленые обрушивают на технику, приводят к взрывоопасной ситуации среди населения. Однако об этой значительной проблеме зеленые говорят мало — очевидно, потому, что их нападки на технику потерпели бы крах, если бы они готовы были серьезно заняться этой проблемой.

II

Вторая часть посвящена не отражению нападок, а восхвалению техники как фактора культуры.

Для этой цели мне хотелось бы провести различие между двумя классами изобретений. Первый — это изобретения, содействующие росту существующей индустрии. Лучший пример таких изоб-

ретений — паровая машина Джеймса Уатта⁵⁾, применение которой превратило некоторые промышленные отрасли в мощную индустрию. Такого рода изобретения можно отнести к усовершенствованным средствам производства.

Ко второму классу принадлежат все величайшие культурные изобретения, берущие свое начало от изобретения человеческого языка: различные системы письменности, рукописные книги, открытие первого книжного рынка в Афинах (около 500 г. до н. э.), книгопечатание, копировальная машина, печатная машина, компьютер и т. п. Удивительно и мало кому известно, что первая копировальная машина была изобретена тем же самым человеком, который изобрел паровую машину, — Джеймсом Уаттом.

Она основывалась на очень простой идее. Может быть, из своей юности вы еще помните так называемую промокательную бумагу, или промокашку, ставшую излишней благодаря экспериментам с быстросохнущими чернилами. Идея Уатта состояла, по сути, в соединении многократно увлажняемых чернил с промокательной бумагой, впитывающей их. А чтобы уйти от зеркального отражения написанного, проявляющегося на листе промокашки, он использовал специально изготовленную тонкую промокательную бумагу, способную впитывать чернила так, что на обратной стороне бумаги они четко отпечатывались.

Датой выдачи патента, включавшего изобретение двух видов бумаги и состава чернил, был 1780 год! Это изобретение — самый ранний из всех известных нам проектов копировальной машины —

---

⁵⁾ Уатт Джеймс (1736–1819) — шотландский инженер, изобретатель-механик. — Прим. перев.

было забыто, если его вообще можно считать известным для своего времени. Оно работает еще и сегодня. Хотя возможно получение только очень небольшого числа оттисков, это изобретение могло бы представлять большую ценность, например, для писателей. В свое время меня очень беспокоил шум печатной машинки, к которому нужно было привыкать, и поскольку я часто теряю рукописи, то мог бы особенно подчеркнуть необходимость копировальной машины для писателя. Здесь мы имеем пример незамеченного изобретения, имеющего огромное потенциальное значение — культурное значение, сравнимое со значением книгопечатания.

Другим изобретением, в течение долгого времени сохранявшим важность почти исключительно с культурной точки зрения, является фотография. Долгое время она отвечала только личной потребности в портрете. Она не просто следовала личным желаниям заказчика — вспомним египетские мумии, — но и удовлетворяла, насколько это возможно, потребность живо помнить семью и друзей.

Однако с культурной точки зрения важнее всего этого оказалась личная потребность, которая произвела неслыханную революцию в сфере коммуникации: революцию Джорджа Стефенсона⁶⁾ и еще более важную революцию Генри Форда⁷⁾. (Я знаю, что он не был

---

⁶⁾ Стефенсон Джордж (1781–1848) — английский изобретатель, инженер-механик; приобрел всемирную известность благодаря изобретенному им паровозу. — *Прим. перев.*

⁷⁾ Форд Генри (1863–1947) — американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей; прославился лозунгом «Автомобиль для всех». — *Прим. перев.*

изобретателем, но он был Фордом — человеком, осуществившим революцию сначала в Америке, а затем во всем мире.)

По самым первым железным дорогам двигались, можно сказать, моторизованные почтовые кареты для одной персоны с багажом — не грузовые экипажи, а персональные вагоны. Они соответствовали персональной потребности в путешествиях — в основном для того, чтобы видаться со своими родственниками и друзьями. То же самое относится и к автомобилям, например к революционной модели Т, которая произвела переворот в США и не просто сделала возможным, но прямо-таки подарила американским людям новый образ жизни. Эта революция была духовной революцией. Она значительно расширила кругозор и привела к некоторому новому духовному состоянию, более революционному, чем можно было бы ожидать от конкретного изменения в образе жизни. На самом деле это было всеобщее освобождение от бессознательных оков. В романе Синклера Льюиса это наполовину сознательное освобождение именуется *«вольным воздухом»* (*«Free Air»*)⁸⁾.

С моральной точки зрения, возможно, еще более важным событием было великое освобождение от домашнего рабства, называемого также домашней работой, которое стало возможным большей частью благодаря механизации домашнего хозяйства. Неслыханная революция и освобождение, которое впервые испытали за это время все женщины, за исключением самых богатых, сегодня странным образом почему-то почти забыты, хотя это было освобождение

---

⁸⁾ Льюис Синклер (1885–1951) — американский писатель, первый в США лауреат Нобелевской премии по литературе (1930). Книга *«На вольном воздухе»* (*«Free Air»*), написанная в жанре дорожного романа, впервые увидела свет в 1919 г. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

от душераздирающего рабства. Кто сегодня знает, каково это, когда нужно носить воду, когда ты должна приносить уголь для топки, когда надо стирать белье руками, когда еще нет керосиновых ламп с фитилем? Когда впоследствии был введен газ — сперва только убогое освещение посредством горелки в форме бабочки, а затем и чудесная газокалильная сетка Ауэра ⁹⁾, — это было формой чисто культурного развития.

Примерно с 1913 г. началось, пусть и очень медленно, освобождение людей — или, вернее, освобождение женщин — благодаря использованию кухонных газовых горелок, а примерно с 1922 г. газовая плита стала серьезным конкурентом кухонной плите, работавшей на угле. Даже центральное отопление еще долго работало на угле или коксе.

Изнуряющая работа по дому с необходимостью сокращала продолжительность жизни, полностью замалчивалось страдание от этой работы, на смену которому сегодня пришли жизненные радости. Этим женщины обязаны технике, а также, впрочем, и тем, кто проповедует враждебность по отношению к ней.

---

⁹⁾ Ауэр фон Вельсбах, Карл (1858–1929) — австрийский химик, исследователь редкоземельных элементов, изобретатель газокалильной сетки, многократно усиливающей светимость газового пламени. — *Прим. перев.*

7

Против цинизма в интерпретации истории

Доклад, прочитанный в университете Айхштетта в мае 1991 г.

I

За свою долгую жизнь я никогда так не скучал, как на лекциях, особенно на школьных уроках, которые производили впечатление крайне болезненной умственной отсталости. Впечатление от занятий по таким предметам, как история и география, в частности, было почти убийственным.

Поэтому, видимо, простительно, когда некоторые учителя истории пытаются приправить свое преподавание долей цинизма. И понятно, хотя явно непростительно, когда они заходят так далеко, что возводят циничное понимание истории в моду.

Циничное понимание истории состоит в утверждении, что в истории — как и вообще в жизни — всегда господствует одна только

Часть 2. Мысли об истории и политике

алчность, правящая корыстью, жадностью к деньгам, золоту, нефти, власти. Так было всегда, говорят циники, и так, пожалуй, будет всегда; так обстоит дело при деспотии и при демократии — точно так же и никак иначе — только при демократии лицемерие, чего доброго, еще больше усугубляется. Я считаю это учение не только ошибочным, но и безответственным. Видимо, в его пользу говорит некая заложенная в нем убедительность. Я считаю неотложной задачей оспорить эту его убедительность, ибо для нас важно, как мы мыслим себя и нашу историю; это важно для наших решений, для наших действий. Этим и объясняется выбор мною данной темы.

Среди трех самых модных исторических концепций, о которых мне хочется здесь упомянуть, циничная интерпретация истории является самой новой. На сегодняшний день она представляет собой прямую наследницу марксистской интерпретации истории, а та, в свою очередь, вошла в большую моду после краха националистической и расистской интерпретации истории.

Националистическая и расистская интерпретация истории стала своей в Германии в период между наполеоновскими войнами и крахом гитлеровской империи. Поскольку она стала очень модной еще до Гитлера, то возникла духовная атмосфера, мировоззрение, без которых Гитлер был бы невозможен. И этим мировоззрением мы обязаны отчасти Наполеону и Гегелю. Согласно этой интерпретации, история была борьбой наций или рас за господство. Борьба рассматривалась как тотальное разрушительное противостояние. Согласно этой теории истории, поражение гитлеровской империи должно было бы означать окончательное уничтожение немецкого народа. Известно, что Гитлер в конце предпринимал огромные

7. Против цинизма в интерпретации истории

усилия для практического осуществления этого теоретически предсказанного тотального уничтожения немецкого народа. Несмотря на это, предсказание, к счастью, не сбылось.

Всякая серьезно воспринимаемая теория ставится под сомнение из-за неисполнения предсказания. И что-то подобное произошло в данном случае с вошедшей в большую моду националистической интерпретацией истории. Это, пожалуй, содействовало тому, что вслед за гегелевской и националистической интерпретацией истории самой модной стала ее марксистская интерпретация — и не только в бывшей Восточной Германии. А поскольку эта марксистская концепция потерпела интеллектуальный крах, приведший не так давно к победе третьей и ныне самой модной цинической концепции, то мне следует в первую очередь на некоторое время остановиться на марксистском понимании истории. Это желательно сделать еще и потому, что борьба против марксистской интерпретации истории сыграла важную роль в моей жизни.

Марксистская интерпретация истории известна под названиями «материалистическое понимание истории» или «исторический материализм» — оба названия восходят к Марксу и Энгельсу. Она представляет собой некоторое истолкование на новый лад гегелевской философии истории: история здесь рассматривается более не как история борьбы рас, а как история классовой борьбы. И она ставит перед собой одну-единственную цель: пытается доказать — научно доказать, — что социализм (или коммунизм — в слова сейчас вдаваться не будем) *должен* победить с исторической необходимостью.

Это доказательство впервые приводится на последних трех страницах книги Маркса «Нищета философии», вышедшей в свет первоначально на французском языке под названием «*Misère de la Philosophie*» (1847). Оно сводится к следующему.

История есть история борьбы классов. В наше время (Маркс писал книгу в 1847 г.) речь идет о борьбе между буржуазией, эксплуататорами, ставшими начиная со времен Французской революции господствующим классом, и пролетариатом, классом производителей, ставшим эксплуатируемым. Эта борьба может завершиться только победой производителей, так как если они классово сознательны и организованы, то они останавливают производство. «Все колеса стоят неподвижно, если этого хочет твоя сильная рука»¹⁾. Это значит, что производители держат в своих руках материальную (экономическую) мощь, хотя они этого еще не осознают. Кроме того, они составляют подавляющее большинство. Следовательно, необходимо добиться своего освобождения, одержать победу в так называемой «социальной революции». Она должна завершиться ликвидацией буржуазии, процессом, который приведет к диктатуре победоносного пролетариата.

Тем самым осуществляется переход к обществу, состоящему лишь из одного класса и являющемуся потому бесклассовым обществом производителей. В нем, следовательно, больше не существует господствующего класса, а потому — как только ликвидируется буржуазия — и никаких угнетателей и угнетаемых. С переходом

---

¹⁾ «Alle Räder stehen still, wenn dein starker Arm es will» — слова из гимна Всеобщего германского рабочего союза, политической организации немецких рабочих, существовавшей в 1863–1875 гг., участниками которой были К. Маркс и Ф. Энгельс.

к бесклассовому обществу наступает долгожданный мир на земле, ибо все войны могут быть только классовыми войнами²⁾.

В этом и состоит вкратце научное доказательство того, что переход к социализму должен произойти с «исторической необходимостью».

Уже сам Маркс в том же 1847 г. на предпоследней странице той же книги «Нищета философии» выдвинул возражение: не может ли случиться так, что после исчезновения старого классового общества мы придем к господству нового класса, который установит новую политическую власть? На этот вопрос, имеющий, очевидно, решающее значение, он ответил одним-единственным словом: «Нет»³⁾. Он, вероятно, полагал, что класс производителей не поддастся расколу. Маркс не предвидел, что, как и в ходе Французской революции, исчезновение старого общества приведет к расколу между новым правящим классом бонапартистских диктаторов, поддерживаемых своей бюрократией, своей полицией и своими пособниками-палачами, с одной стороны, и *всеми остальными людьми* — с другой.

Притязание марксизма на научную доказуемость предсказания о неизбежной социальной революции и неизбежном переходе к социализму — столь же неизбежном, как солнечное затмение, выводимое из законов ньютоновской небесной механики, — это притязание таит в себе ужасную моральную опасность. Нечто подобное я сам

---

²⁾ См.: Маркс К. Нищета философии. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2018. С. 118–120. Разбор доказательства Маркса см. также на с. 188–189 настоящего издания. — Прим. перев.

³⁾ Там же. С. 120.

Часть 2. Мысли об истории и политике

пережил зимой 1918–1919 гг., после окончания Первой мировой войны, когда мне было шестнадцать с половиной лет. Если молодой человек попадает на доказательство исторической необходимости социализма и верит в него, то он считает себя глубоко нравственно обязанным содействовать этому; даже тогда, когда он видит, так же как и я, что коммунисты часто лгут и прибегают к неприемлемым с нравственной точки зрения средствам. Ведь если социализм *должен* наступить, то в таком случае очевидно, что в действительности *преступно* бороться против перехода к социализму. Да, долг каждого — содействовать наступлению социализма — чтобы все, что должно прийти, встречало как можно меньше сопротивления. Человеку как отдельной личности нет смысла противостоять этому, стало быть, следует выступать вместе с движением, с партией и лояльно поддерживать их; даже в том случае, если это означает, что нужно поддерживать или по меньшей мере молча мириться с вещами, к которым с нравственной точки зрения испытываешь отвращение. Это механизм, который с необходимостью ведет к личному разложению. Все больше и больше затягивают интеллектуальные хитрости, увертки и ложь. А если люди выходят за определенные рамки, то в таком случае, очевидно, они готовы на все. Это путь к политическому терроризму, к разрушению.

Я сам спасался бегством от этого механизма в течение примерно восьми недель. Незадолго до своего семнадцатилетия я навсегда отрекся от марксизма и осудил его. Под впечатлением смерти нескольких молодых товарищей, расстрелянных полицейскими во время демонстрации, я задался вопросом: «Знаешь ли ты, что это так называемое научное доказательство действительно верно?

Ты его действительно подверг критической проверке? Можешь ли ты поручиться за то, что другие молодые люди подтвердят, что они поставили свою жизнь на карту?»

Я понял, что единственно честным ответом на эти вопросы было однозначное «нет». Я действительно не подверг критической проверке марксистское доказательство. Я действительно отчасти полагался на согласие других, которые, в свою очередь, полагались на остальных, и среди них на меня: уверенность, зиждущаяся на взаимности, ведущей к банкротству всех партнеров, а именно — к интеллектуальному банкротству, в котором все партнеры вновь взаимно соблазняются — пожалуй, бессознательно — лживостью. Это состояние знакомо мне самому, и, очевидно, лучше всего оно понятно партийным вождям.

Как я полагаю, все зависит от марксистского доказательства перехода к бесклассовому обществу. Но это доказательство потерпело крах как раз на том пункте, где уже Маркс усмотрел возможные контраргументы и опровержения. Очевидно, что имеются партийные вожди, закладывающие посредством партии основу «нового класса» и этим рушащие надежду Маркса, — тот господствующий «новый класс», который лжет своим будущим подданным и не доверяет им, но требует от них доверия к себе. Еще до своей победы и до установления диктатуры партийные вожди были властителями, которые любого, кто ставил неприятные вопросы, исключали из партии. (Они еще не могли уничтожать таких людей.) Это был их метод держать ответ. Это обеспечивало партийную дисциплину.

Мне выпало огромное и незаслуженное счастье все это увидеть в свое время. В семнадцать лет я навсегда отвернулся от марксизма.

Что, пожалуй, стало бы со мной, если бы я длительное время следовал ему? Даже такой мужественный и решительный диссидент, как Сахаров, достаточно долго находился во власти марксистского доказательства, пользуясь которым, сначала Сталин (руками своего палача Берии), а позже Хрущёв стремились заполучить в свои руки самое чудовищное оружие массового уничтожения, которое когда-либо было изобретено: даже в своем легком варианте «Царь-бомба» Сахарова по мощи превосходила «бомбу, сброшенную на Хиросиму, в несколько тысяч раз»⁴⁾.

Я сам позже встречал крупных естествоиспытателей, веривших в марксовское доказательство и принадлежавших к коммунистической партии. Я горжусь тем, что смог повстречать одного из величайших людей такого рода. Это был великий биолог Дж. Б. С. Холдейн (J. B. S. Haldane)⁵⁾.

По случаю смерти Сталина Сахаров оправдывал его преступления как гуманную деятельность, потому что (как он думал) с человеческой точки зрения решающе важным было прибегнуть к подобным действиям с целью избежать социальной революции. Но, к счастью, я очень быстро понял, что ради собственных идеалов можно жертвовать только собой, а не другими.

Несмотря на то что цель и задача марксовского доказательства заключалась в том, чтобы утвердить неизбежность перехода

---

⁴⁾ Цитата по книге: *Sacharow A. Mein Leben. München—Zürich: Piper, 1991. S. 251.*

⁵⁾ Холдейн Джон Бёрдон Сандерсон (1892–1964) — английский биолог, популяризатор и философ науки; один из основоположников современной популяционной, математической, молекулярной и биохимической генетики, а также синтетической теории эволюции. — *Прим. перев.*

7. Против цинизма в интерпретации истории

к социализму и установления прочного мира на земле, в марксистской концепции истории имеются и другие черты, которые, пожалуй, можно назвать вульгарно марксистскими. Обобщу это вкратце: все люди, кроме тех, кто борется за социализм, преследуют только свою собственную выгоду и больше ничего. В случае если они не согласны с этим, они, скорее всего, являются обманщиками и лицемерами. Да, они искусные преступники, так как если они пытаются препятствовать наступлению социализма, то они виновны во всех человеческих жертвах, в которых нуждается революция. Ведь это сопротивление безудержной революции, вынужденной действовать насильственным путем. В этом проявляется алчность преступников, вынуждающих революционеров проливать кровь.

Теперь я перехожу к третьей, самой модной интерпретации истории.

Ясно, что если из марксистской теории следует наступление социализма, то от нее приходят прямо к цинической интерпретации истории. Для этого нет нужды в новой идее. Весьма пессимистичной является идея о том, что это всегда было так и, видимо, всегда так и будет: в обществе очевидного изобилия все еще основную роль играют голод, изгнания, войны и нищета, поскольку власти придерживающиеся, золотопромышленники, нефтепромышленники и военные промышленники господствуют в социальном мире.

Марксизм, а потому и цинизм учат тому, что хуже всего обстоит дело, конечно, в самой богатой из всех стран, в США. Таким путем зарождается антиамериканизм в других, особенно близлежащих, странах.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Этим я завершаю свой краткий обзор сегодняшнего, самого современного циничного понимания истории и его двух самых влиятельных и опасных предшественников. А теперь я перехожу, разворачиваясь строго на 360 градусов, к пояснению некоторых своих собственных взглядов.

Насколько строг этот разворот, вы увидите из моего следующего высказывания, которое в известной мере можно использовать в качестве заглавия второй половины моего выступления. Это заглавие таково: *Я — оптимист.*

Я — оптимист, который ничего не знает о будущем и который потому не делает никаких прогнозов. Я утверждаю, что мы должны провести некую строгую демаркационную линию между современностью, которую мы можем и должны оценить, и будущим, которое далеко обозримо и может зависеть от нас. Потому наш моральный долг — смотреть в лицо будущему совершенно иначе, чем если бы оно было продлением прошлого и настоящего. Обозримое будущее содержит необозримые и с моральной точки зрения совершенно разные возможности. Поэтому наша основная установка строится не на вопросе «Что произойдет?», а на вопросе: «Что нам следует делать, чтобы, где это возможно, мир стал немного лучше? И что если мы знаем, что даже когда мы действительно в состоянии что-то улучшить, будущие поколения могут снова все испортить?»

Таким образом, вторая половина моего доклада содержит, в свою очередь, две части: *во-первых, мой оптимизм в отношении современности, и во-вторых, мою активность в отношении будущего.*

К сказанному можно добавить: именно во время моего первого посещения Соединенных Штатов в 1950 г. я снова стал оптимистом.

7. Против цинизма в интерпретации истории

С тех пор я еще 20 или, может быть, 25 раз побывал в Америке, и мое впечатление еще больше усилилось. То первое посещение навсегда вывело меня из депрессии, возникшей из-за все нарастающего влияния марксизма в послевоенной Европе. Книга «Открытое общество и его враги», которую я начал писать в 1938 г. после вступления Гитлера в Австрию, вышла в свет в конце 1945 г. Но, несмотря на хорошие отзывы и хорошие продажи, она не смогла повлиять на победное шествие марксизма.

Мне следует теперь более подробно пояснить основные пункты своего оптимизма.

1. Я еще раз повторю: мой оптимизм касается исключительно современности, а не будущего. Я не считаю, что существует что-то вроде закона прогресса. Этого не было никогда ни в науке, ни в технике. Прогресс никогда нельзя характеризовать как правдоподобный.
2. Я утверждаю, что мы на Западе живем сегодня в наилучшем социальном мире, который когда-либо существовал — даже несмотря на изменничество большинства интеллектуалов, пропагандирующих новую религию, пессимистическую религию, согласно которой мы живем в некой моральной преисподней и погибаем от физической и моральной нечистоплотности.
3. Я не только утверждаю, что эта пессимистическая религия является явной ложью, но и заявляю, что никогда раньше не существовало общества, которое бы с такой радостью, как наше, воспринимало реформы — чтобы тотчас предупреждать некоторые важнейшие затруднения.

4. Это благосклонное восприятие реформ представляет собой результат новой этической жертвенности, готовности на жертвы, проявившейся уже в обеих мировых войнах с обеих сторон. Еще в Семилетнюю войну Фридрих II должен был заставлять своих людей смотреть в лицо смерти. Известны его слова: «Парни, вы что, хотите жить вечно?»⁶⁾ Очевидно, что подобный призыв зиждется на этических ценностях: долг и отечество в Германии, отечество, свобода и мир на Западе и с обеих сторон — дух товарищества.

Как я уже отмечал, на своем собственном опыте я убедился в том, что сила коммунизма заключается в его моральном кодексе. Аналогичным образом обстоит дело и с движением за мир. Более того, я также считаю, что некоторые террористы изначально следовали определенному этическому воззванию, которое они, однако же, смешали с внутренней ложью, о которой я упоминал ранее.

Бертран Рассел, с которым я был очень тесно связан многие годы до тех пор, пока он на старости лет не попал под влияние одного секретаря-коммуниста, писал, что проблема нашего времени состоит в том, что интеллектуально мы развиваемся быстро, а морально — медленно и что когда мы открыли ядерную физику, мы своевременно не воплотили в жизнь необходимые моральные принципы. Другими словами, согласно Расселу, мы умны, но с моральной точки зрения — дурны. Расселовскую точку зрения разделяют многие, в том числе и многие циники. Моя мысль как раз противоположна. Я считаю, что мы добры и глупы. Мы с легкостью поддаемся

---

⁶⁾ Согласно некоторым утверждениям, с такими словами Фридрих обратился к солдатам, дрогнувшим в проигранной им битве под Колином в 1757 г. — *Прим. перев.*

7. Против цинизма в интерпретации истории

влиянию теорий, апеллирующих прямо или косвенно к нашей морали, и мы недостаточно критически противостоям этим теориям. Интеллектуально мы не равны им, и мы становимся их жертвами по собственной воле и из-за своей готовности на жертву.

Мне хотелось бы следующим образом обобщить позитивные стороны своего оптимизма: мы живем в удивительно красивом мире, и мы создали здесь, в западном мире, наилучшую социальную систему, существовавшую когда-либо до сих пор. И мы стараемся постоянно ее улучшать, реформировать, как можно скорее упрощать. Многие реформы, предлагаемые нам как перспективные, к сожалению, терпят неудачу, поскольку, как известно, последствия нашей социально-политической деятельности часто оказываются совершенно иными, чем мы задумывали и могли бы предвидеть. Несмотря на это, мы достигли значительно большего, чем многие из нас ожидали (например, я сам).

Я обобщаю: господствующая сегодня идеология, согласно которой с моральной точки зрения мы живем в мире, полном зла, является очевидной ложью. Ее распространение обескураживает многих молодых людей и делает их несчастными — в их возрасте, очевидно, вовсе не следует жить без опоры на надежду. Как я уже кратко определил, я не являюсь оптимистом в отношении будущего, так как будущее необозримо. Не существует исторического закона прогресса. Что будет завтра, мы не знаем. Имеются миллиарды возможностей, хороших и плохих, которые никто не может предвидеть. Я отвергаю пророческое целеполагание трех интерпретаций истории и утверждаю, что по моральным соображениям мы *ничего* не можем поставить на их место. Было бы неверно также

пытаться выводить из истории — на основании того, что мы заключаем из современных тенденций, — то, что случится завтра. Сравнение истории с рекой, течение которой должно быть по меньшей мере частично предсказуемо, напоминает, по сути, попытку построить теорию из некоторой картины, метафоры.

Единственно верным будет рассматривать прошлое совершенно иначе, чем будущее. Факты прошлого мы должны оценивать с исторической и моральной точек зрения, чтобы научиться тому, что возможно и что правильно с этической точки зрения. Мы вовсе не должны пытаться высматривать в прошлом направления и тенденции для предсказания будущего, поскольку будущее необозримо. Все может случиться. В эту самую минуту Советский Союз располагает тысячами сверхмощных бомб Сахарова, и непременно найдется немало страдающих манией величия безумцев, желающих их применить. Завтра человечество *может* быть уничтожено. Но есть и большая надежда: существует бесчисленное множество возможностей для будущего, которое значительно лучше, чем настоящее.

К сожалению, такой взгляд на будущее, видимо, нелегко понять, и есть много интеллектуалов, которые просто не могут принять эту демаркационную линию между прошлым и настоящим, с одной стороны, и будущим — с другой; интеллектуалов, которых марксизм научил требовать от разумного человека умения устанавливать некий указатель в будущее. Мне нередко дают понять, что в моем оптимизме тоже должен содержаться некий, по меньшей мере *скрытый*, указатель, ибо не может быть оптимизма в отношении настоящего у человека, не являющегося оптимистом и в отношении будущего.

7. Против цинизма в интерпретации истории

Но я утверждаю: *все, что может дать мой оптимизм в отношении настоящего для будущего — это надежда*. Он может дать нам надежду и стимул. Поскольку нам удастся добиться некоторых улучшений теперь, аналогичный успех оказывается вполне возможным в будущем. Например, с освобождением домашних работников в 20-е гг. на Западе почти не осталось рабства. По крайней мере в этом смысле Запад свободен, и мы можем гордиться этим.

Что касается будущего, то мы, таким образом, не пытаемся пророчествовать, а пытаемся только действовать этически правильно и ответственно. Но это обязывает нас учиться правильно видеть настоящее, а не смотреть на него через розовые очки определенной идеологии. Мы можем учиться на настоящем, учиться на *реальности*, учиться тому, чего можно достичь. Если мы рассматриваем реальность через очки одного из трех идеологических взглядов на историю, то мы не выполняем свою обязанность учиться.

Будущее открыто, и мы ответственны за него; мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы сделать будущее еще лучше, чем настоящее. Но эта ответственность предполагает свободу. В условиях деспотии мы являемся невольниками. *А невольники не полностью ответственны за то, что они делают*. Отсюда я могу теперь перейти к своему последнему основному тезису.

Он гласит: политическая свобода — *свобода от деспотии* — это важнейшая из всех политических ценностей. И мы должны быть всегда готовы бороться за политическую свободу. Свободу всегда можно потерять. Мы не можем сидеть сложа руки, полагая, что свобода гарантирована.

Я утверждаю, что в условиях деспотии все люди подвергаются опасности предать человечество и тем самым самым потерять свою

человечность, дегуманизироваться. Даже такой человек, как Андрей Сахаров (доказавший в конце жизни своим достойным восхищения поведением, что он мужественно сопротивлялся против деспотии), даже такой человек по молодости лет мог вести себя как садистский преступник. Как я уже отмечал, Сахаров не только успешно содействовал тому, что худший палач Сталина, садист Берия, получил в свои запачканные кровью руки самое ужасное оружие массового уничтожения, но и разработал еще более ужасный практический план по применению этого оружия с использованием сил русского флота⁷⁾. Один из высокопоставленных офицеров отверг этот план, поскольку он противоречил его военной морали. Сахаров говорил, что ему было стыдно за этот план. Все это случилось потому, что он был введен в заблуждение гнусной и безумной марксистской идеологией и потому, что он верил в миссию великого гуманиста Сталина (таковым он тогда его считал). Вот так в атмосфере деспотии Сахаров время от времени становился прямо-таки безумным чудовищем; время от времени, но все же это был достаточно долгий срок для того, чтобы подготовить величайшее из всех мыслимых бедствие и чтобы над каждым живым организмом висел дамоклов меч.

Деспотия лишает нас нашей гуманности, ибо она снимает с нас нашу человеческую ответственность. Кто в условиях деспотии хочет следовать своей совести, тот приходит к неразрешимым конфликтам, например неразрешимому противоречию между обязанностями

---

⁷⁾ Сахаров был одним из авторов идеи создания гигантской торпеды, запускаемой с подводной лодки и несущей термоядерный заряд огромной разрушительной силы к берегам США. — *Прим. перев.*

в отношении своих родственников и долгом защищать преследуемого — во всяком случае не участвовать в преследовании. Такой человек должен иметь большое мужество, чтобы не смешивать соблюдаемые перед самим собой обязанности с ошибочно взятым на себя так называемым долгом в отношении своих деспотов, тем долгом, который Сахаров обещал исполнить перед Хрущёвым и на который он ссылался — подобно тому, как это делали немецкие военные преступники.

Как деспотия ведет к неисполнению человеческого долга и человеческой ответственности и деморализует людей, пытающихся их исполнить, мы видим на незабываемом примере «Белой розы», дружеского кружка мюнхенских студентов и некоторых их преподавателей, которые зимой 1942–1943 гг. приняли участие в сопротивлении против Гитлера, разбрасывая листовки. Брат и сестра Ганс и Софи Шолль вместе с Кристофом Пробстом были казнены 22 февраля 1943 г.; Александр Шморель и профессор Курт Хубер — 13 июля 1943 г.; Вилли Граф — 12 октября 1943 г. Гансу Шоллю было 24 года, Софи — 21 год. Остальные студенты были того же возраста. Некоторые их боевые товарищи, соратники живы еще и сегодня.

Герои, которые могут быть образцом для нас, редко встречаются в нашем поколении. Эти люди были героями: они шли на почти безнадежную для себя борьбу в надежде, что другие поддержат их в этой борьбе. И они являются образцом: они боролись за свободу и ответственность для себя и для всего человечества. Чудовищное и бесчеловечное могущество деспотии заставило их замолчать. Мы не можем их забывать. Мы должны о них говорить и действовать ради них.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Политическая свобода является предпосылкой нашей личной ответственности, нашей человечности: любая попытка сделать шаг навстречу лучшему миру должна направляться *основной ценностью свободы*.

Я нахожу трагичным тот факт, что Европа почти всегда обращала внимание только на неудачный пример Французской революции (во всяком случае неудачным он был до установления Пятой республики Шарлем де Голлем), в то время как величественный пример Американской революции — по крайней мере на школьных занятиях — едва ли принимается к сведению и почти всегда неправильно толкуется. Америка же доказала, что идея личной свободы, которую первым пытался осуществить Солон в Афинах и которую продумывал Иммануил Кант, не является утопической мечтой. Американский пример показал, что определенная форма правления, основанная на свободе, не только возможна, но и может успешно преодолевать самые большие трудности. Форма правления, основанная прежде всего на свободе, *позволяет избежать деспотии* — не в последнюю очередь также и деспотии большинства народа — посредством разделения и распределения власти и взаимного контроля разделенных властей. Эта идея инспирировала все другие демократические установления, в том числе и демократическую конституцию Германии.

Однако Америка прошла трудный путь. Она идет по этому пути начиная с революции 1763 г., и несмотря на свои большие достижения, она еще не прошла его до конца. Борьба за свободу продолжается.

Великая идея личной свободы всех людей, инспирировавшая Американскую революцию, прямо противостоит американскому

институту рабства, унаследованному от предреволюционной эпохи, в частности от испанцев, и глубоко укоренившемся в южных штатах более чем 100 лет назад. США разделились на две половины, когда Юг начал превентивную войну против Севера. Это была, пожалуй, самая ужасная из всех войн, случившихся к тому времени, к тому же это была гражданская война, в которой противостояли друг другу друзья и члены семьи. Многим казалось, что американский путь к свободе оказался таким же неудачным, как и французский. Но с большими жертвами с обеих сторон (600 000 погибших, среди них был и президент Авраам Линкольн) наступление Юга было успешно отбито, и в конце концов была одержана победа. Рабы были освобождены, но осталась нерешенной одна чрезвычайно трудная проблема, а именно — интеграция потомков бывших негров-рабов, преодоление просуществовавшего сотни лет варварского социального института, который не мог быть так легко забыт из-за различия в цвете кожи.

Я еще не встречал немецкого исторического труда, в котором эта ситуация мало-мальски правильно бы описывалась или оценивалась.

Я получил самое большое впечатление в своей жизни, когда между 1950 и 1989 гг. смог стать свидетелем того, как различные правительства США предпринимали усилия, чтобы помочь бывшим рабам стать полноценными гражданами. Мне хотелось бы упомянуть только об одном эпизоде. В 1956 г. я находился в качестве гостя в университете г. Атланта, в центре бывших южных штатов. В университете тогда обучались только чернокожие студенты, а белые профессора были в меньшинстве. Однажды я спросил президента

университета, одного из выдающихся ученых (чернокожего), как и когда было основано это прекрасное, большое и благополучное учреждение. К своему удивлению, я услышал, что этот университет для чернокожих, в центре южных штатов, был открыт спустя шесть лет после окончания Гражданской войны благодаря объединению нескольких «черных» колледжей (Negro Colleges) — мне кажется, их было восемь, — которые представляли различные христианские церкви и в которых вместе работали белые и чернокожие священники и преподаватели.

Мне хотелось бы предложить вам поразмышлять над этой историей и сравнить ее со словами из Энциклопедического словаря Мейера⁸⁾, сообщающего об окончании Гражданской войны следующее: «Рабство же как причина войны извело лишь некоторое мнимое решение». В любом случае слова «мнимое решение» кажутся мне совершенно неудачными, как и многие другие в данной статье, и я задаюсь вопросом, какое истинное решение мог бы предложить автор. История с университетом в Атланте во всяком случае произвела на меня сильное впечатление, равно как и другие пережитые мной подобные моменты.

Я бывал во многих странах, но нигде мне не дышалось таким вольным воздухом, как в США. И нигде я не находил так много идеализма, сочетающегося с толерантностью и желанием помочь и научить, нигде не видел столь деятельного и практического идеализма и столь высокой готовности оказать помощь. Мне и позже

---

⁸⁾ Энциклопедический словарь Мейера — одна из главных немецких энциклопедий, существовавшая под различными названиями и выходившая в виде различных изданий с 1839 по 1984 г. — *Прим. перев.*

7. Против цинизма в интерпретации истории

доводилось бывать в американских университетах, в которых интеграция чернокожих была абсолютно успешной, так что, как представляется, цвет кожи вообще больше не играет никакой роли.

Я говорю обо всем этом, вполне осознавая, что, возможно, к этому неохотно будут прислушиваться. Когда я три года назад на одном из конгрессов в Ганновере в докладе защищал Америку, поскольку в других докладах на нее нападали, это вызвало шум и протестные крики, сопровождавшиеся свистом. Я воспринял это как знак того, что моим слушателям было скучно. И я был счастлив, так как смог внушить себе мысль — или убедить себя — заступиться за свободу и толерантность.

8

«Войны ведутся ради мира»

Интервью журналу «Der Spiegel», апрель 1992 г. (№ 13). Опубликовано с любезного разрешения издательства «SPIEGEL-Verlag».

«Шпигель»: Господин Поппер! С крахом советского коммунизма сбылось пророчество, которое Вы сделали уже полвека назад. Является ли это победой критического рационализма над врагами открытого общества?

Поппер: Я не делал никакого такого пророчества, ибо придерживаюсь точки зрения, что никаких пророчеств не следует делать. Я считаю совершенно несостоятельной позицию некоторых интеллектуалов, согласно которой следует оценивать ту или иную точку зрения в соответствии с тем, дает ли она хорошие предсказания.

Представители философии истории в Германии, начиная по меньшей мере с Гегеля, всегда полагали, что она должна быть в каком-то смысле пророческой. Я считаю это мнение ошибочным. История нас учит, но она завершается сегодня и в данный момент. В отно-

шении будущего у нас должна быть совершенно иная точка зрения, отличная от той, согласно которой следует делать выводы из истории и прокладывать исторические пути в будущее.

«Шпигель»: Хорошо, пусть это не было пророчеством, но все же Вы по меньшей мере ожидали победу либеральной демократии над деспотией.

Поппер: Наша точка зрения на будущее должна быть такова: мы теперь ответственны за то, что случится в будущем. Нам дано прошлое. Теперь нам с ним делать нечего, хотя мы также несем ответственность за прошлое в некотором ином смысле, а именно: мы несем ответственность за то, что мы сделали. А за будущее мы уже теперь ответственны с моральной точки зрения, и мы должны делать добро, сняв очки идеологии — даже тогда, когда перспективы для этого не совсем благоприятны. Добро в самом решительном смысле этого слова меньше всего является насильственным, поскольку оно минимизирует страдание, бесполезное страдание.

«Шпигель»: Уже во времена Ленина левые коммунисты жаловались на то, что утверждение в России в качестве государственной идеологии диктатуры одной партии мало что общего имеет с первоначальными теориями Карла Маркса, который делал ставку на революцию пролетариев на промышленном Западе.

Поппер: По этому поводу можно сказать следующее: коммунистическое безумие заключается, по сути, в том (и это обнаруживалось уже у Маркса), что так называемый капиталистический мир рассматривается как исчадие ада. Того, что Маркс называл капитализмом, в мире никогда не существовало, не было даже ничего подобного этому.

Часть 2. Мысли об истории и политике

«Шпигель»: Извините, но ведь манчестерский либерализм¹⁾ с его убогими условиями работы действительно имел место.

Поппер: Верно, что те времена были ужасно трудными для рабочих, да и для остальных людей. Маркс интересовался прежде всего рабочими. Однако с чисто исторической точки зрения с тех пор условия постоянно улучшались, в то время как Маркс утверждал, что они постоянно ухудшаются и должны постоянно ухудшаться.

«Шпигель»: Вы имеете в виду его теорию абсолютного обнищания?

Поппер: Да, и поскольку теория обнищания не оправдалась, то идею обнищания перенесли на колонии, на то, что сегодня именуют третьим миром...

«Шпигель»: ...то есть возникла так называемая теория империализма.

Поппер: Это типичная для интеллектуалов формула, и, несомненно, это абсолютная бессмыслица. Ведь индустриализация не может нести обнищание, это совершенно ясно. И жизнь колоний также значительно улучшилась.

Стало быть, чем был так называемый капитализм? Он был индустриализацией и массовым производством. Массовое производство означает, что производится очень много товаров, и потому достаток значительно возрастает. Ведь многие продукты реализуются

---

¹⁾ Представители манчестерской школы, сформировавшейся в XIX в., не рекомендовали государству регулировать продолжительность рабочего дня и вмешиваться в фабричные дела. — *Прим. перев.*

на больших рынках и потому нуждаются во многих покупателях. Маркс сравнивал капитализм с адом. Но на земле не существует подобного капитализма, точно так же как на ней нет дантова ада. *Lasciate ogni speranza* — «оставьте всякую надежду»²⁾ — одна из идей дантова ада, которую Маркс сознательно применил к капитализму. Если капитализм с необходимостью приводит к обнищанию, тогда единственно возможным выходом является переворот — социальная революция.

Я отношусь к нашему современному обществу очень критически. В нем можно многое улучшить. Однако наш либеральный общественный строй является наилучшим и самым справедливым из всех когда-либо существовавших на земле. Он возникает из известного Марксу строя путем эволюции.

«Шнигель»: Вообще осталось ли что-нибудь от заложенного в марксовой критике капитализма этического призыва к разоблачителям социальной несправедливости? В конце концов, пропасть между бедными и богатыми в целом как раз не уменьшилась.

Поппер: Этический призыв существовал в различных формах начиная со Средних веков. Среди христианских мыслителей, равно как и среди мыслителей Просвещения, этический призыв был самым существенным. А противниками этого этического призыва были в основном романтики.

«Шнигель»: Говоря о просветителях, Вы, вероятно, подразумеваете преимущественно кантовский призыв к всемирному распро-

---

²⁾ «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (итал. *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*) — концовка надписи над воротами ада в «Божественной комедии» Данте. — Прим. перев.

странению справедливого гражданского устройства как высшей задаче рода человеческого, а главой романтиков для Вас в таком случае является Гегель?

Поппер: Совершенно верно. Контраргумент романтиков был примерно таков: без войны и власти нет ничего (это гегелевское толкование исторического опыта). Если осуществить эту идею, применив военный опыт прошлого к будущему, то фактически мы потеряем всякую надежду: наше оружие стало разрушительным. Вместо стального лязга и кровавых битв, которые еще так волновали воображение наших романтических предков, появилось всеразрушающее атомное оружие.

«Шпигель»: Что же вызвало крах Восточной Европы — экономическое истощение из-за гонки вооружений, интеллектуальное истощение, сомнение в собственной миссии?

Поппер: Здесь многое сошлось: и то, что Венгрия открыла границы для перебежчиков из Восточной Германии; и то, что советское политбюро передало свои полномочия Горбачёву, попытавшемуся начать некоторые реформы. Однако экономическая реформа вообще ничего не дала. Экономике нельзя реформировать сверху. К этому привело интеллектуальное опустошение. От марксизма осталась одна лишь пустая болтовня и одна-единственная содержательная формула: «Долой капитализм!» — несуществующий адский капитализм. Хрущёв пытался воплотить ее в жизнь.

«Шпигель»: Вы имеете в виду игру в покер с установкой советских ядерных ракет в 1962 г. на Кубе Фиделя Кастро?

Поппер: Хрущёв планировал разрушительное нападение на США. Он отступил только тогда, когда американцы были уже готовы атаковать. Физик-ядерщик Андрей Сахаров в своей книге «Моя жизнь» («Mein Leben») писал, что даже «при искусственном занижении мощности» его сверхмощное изделие, как он это называл, превосходило во много тысяч раз бомбу, сброшенную на Хиросиму³⁾. Тридцать шесть из таких взрывных зарядов уже были доставлены на Кубу. Даже если заменить «много» только на «три», то получится 108 тысяч хиросимских бомб. Только попытайтесь представить себе это. Уходя в отставку, в своей прощальной речи Горбачёв сказал, что таких бомб осталось всего около 30 тысяч.

Карибский кризис ясно показал, на что был способен марксизм в своем целеполагании: он пытался насильственным путем посредством ядерного оружия уничтожить капитализм. Об этом никогда не следует забывать. В результате этого нападения погибла бы не только Америка, в атомных бомбардировках погиб бы весь мир — хотя это и длилось бы несколько страшных лет.

«Шнигель»: Чем мир обязан перестроечному реформатору Горбачёву, который теперь стал жертвой собственных реформ?

Поппер: Очень многим. Горбачёв начал с того, что совершенно иначе, чем предшествующие советские руководители, стал относиться к Америке. Он стал чаще туда ездить, он охотно позволял там себя приветствовать. Затем он выдвинул любопытную и немарксистскую установку: я хочу сделать Россию нормальным государством. Это было сближение с нашей идеей правового государства.

---

³⁾ См. с. 148.

Горбачёв хотел нормализовать Россию: этой совершенно новой идеей мы обязаны ему. А то, что Россия до этого не была нормальным государством, яснее всего видно из автобиографии Сахарова⁴⁾.

«Шпигель»: Крах советского коммунизма и конец биполярности не сделали мир безопасным. По всему миру нам приходится сталкиваться с возвращением к националистическим демонам, распространением ядерного оружия и ростом нищеты. Можно ли их называть новыми врагами либеральной демократии?

Поппер: Наша первая цель сегодня — установить мир. Этого очень трудно добиться в таком мире, как наш, где существуют Саддам Хусейн и подобные ему диктаторы. В таком положении нам нельзя бояться вести войны ради мира. В сложившихся обстоятельствах это неизбежно. Это печально, но мы должны это делать, если хотим спасти наш мир. Решительность здесь имеет ключевое значение.

«Шпигель»: Вести войну, чтобы остановить дальнейшее распространение оружия массового уничтожения?

Поппер: Сейчас нет ничего важнее, чем предотвратить распространение этих безумных бомб, которыми уже стали торговать на черном рынке. Еще не сошедшие с ума государства цивилизованного мира должны содействовать этому. Напомню еще раз: одна-единственная бомба Сахарова по своей разрушительной силе соответствует многим тысячам бомб, сброшенных на Хиросиму. А это значит, что взрыв одной-единственной бомбы в любом густонаселенном государстве приведет к миллионам жертв, не считая жертв

---

⁴⁾ См. примечание на с. 148.

от радиации, число которых будет расти впоследствии в течение многих лет. К этим вещам нельзя привыкнуть. Здесь следует договариваться.

«Шпигель»: Стало быть, американцам следует снова принять меры против Саддама ⁵⁾, если есть свидетельства того, что он добивается создания бомбы?

Поппер: Не только против Саддама. Для таких случаев в цивилизованном мире должна существовать некая оперативная ударная группа. Пацифистский образ действий в обычном смысле был бы безумием. Ради мира мы должны вести войны. И, разумеется, в наименее жестокой форме. Поскольку применение бомбы само по себе связано с насилием, оно должно быть предотвращено с помощью силы.

«Шпигель»: Тут Ваши слова звучат уже почти в унисон со стратегией Пентагона, который стремится к установлению нового мирового порядка под знаком *Rex Americana* ⁶⁾, одновременно держащего под угрозой экономическую конкуренцию со стороны Японии и Европы.

Поппер: Я считаю преступным так говорить: необходимость предотвращения ядерной войны не следует связывать с экономическими вопросами. Нам следует предпринять все усилия для

---

⁵⁾ В январе–феврале 1991 г., более чем за год до записи интервью, США и их союзниками была проведена операция «Буря в пустыне», в ходе которой были разгромлены иракские войска, вторгшиеся в Кувейт. — *Прим. перев.*

⁶⁾ *Rex Americana* (лат. «американский мир») — условное обозначение системы социально-политической стабильности, сложившейся в западных странах после завершения Второй мировой войны. — *Прим. перев.*

активного участия в этом *Pax Americana*, чтобы превратить его в *Pax civilitatis*⁷⁾. В этом состоит неотвратимость современной ситуации. Речь здесь идет не о мелочах, а о выживании человечества.

«Шпигель»: Без большой поддержки Запада был бы невозможен августовский путч в Москве и его последующее поражение, на что сразу же посетовал Горбачёв во время своего визита в Германию. Запад должен был оказывать бóльшую помощь именно Борису Ельцину, чтобы предотвратить скатывание России в еще более ужасную деспотию?

Поппер: Я считаю, мы должны были оказать помощь. У Горбачёва нет никаких причин жаловаться. Мы многим ему обязаны, но он продолжал и дальше вооружаться. А одно из условий нашей поддержки состоит в том, что русские должны вместе с нами, цивилизованными государствами, участвовать в реальном контроле над этим страшным оружием. Русским военным следовало бы принять хоть какое-то участие в этой игре.

«Шпигель»: По Вашему убеждению, мы живем в наилучшем и самом справедливом из всех обществ, существовавших когда-либо. Для устранения массового голода в странах третьего мира или борьбы с разрушением окружающей среды либеральная демократия все же не предложила никаких убедительных решений.

Поппер: Мы более чем способны прокормить весь мир. Экономическая проблема решена: это зависит от техники, а не от экономистов.

---

⁷⁾ «Цивилизованный мир» (лат.). — Прим. перев.

«Шпигель»: Но тем не менее Вы вряд ли будете возражать против того, что во многих странах третьего мира существует массовая нищета?

Поппер: Не буду. Но это объясняется в основном политической недалекостью правящих кругов в некоторых голодающих странах. Мы слишком быстро и просто освободили эти страны. Они еще не правовые государства. То же самое случилось бы, если бы мы предоставили какому-нибудь детскому саду возможность существовать самому по себе.

«Шпигель»: Являются ли сегодня экономические конфликты продолжением войны другими средствами? Европа и США опасаются, что они проиграют войну чипов против Японии.

Поппер: Все эти проблемы не столь серьезны, и их не следует обсуждать. О чем стоит говорить, так это о том, что я называю циничным пониманием истории: интеллектуалы хотят умничать, вместо того чтобы помогать. Японцы действительно цивилизованные. С ними можно говорить. Но все же приходится постоянно сталкиваться с глупостью — разумеется, как у нас, так и в Японии.

«Шпигель»: Под глупостью Вы в данном случае подразумеваете стратегию экономического завоевания?

Поппер: Да. Япония сталкивается с большой проблемой, проблемой перенаселенности. Но об этом можно поговорить и позже. К сожалению, еще встречаются журналисты, ошибочно понимающие эти явления и гоняющиеся за одними лишь сенсациями. Нам уже достаточно сенсаций.

Часть 2. Мысли об истории и политике

«Шпигель»: Но все же это не только изобретение журналистов. Нынешняя кампания в США под лозунгом «Не покупай японских товаров!» свидетельствует о некотором обостряющемся чувстве конфронтации.

Поппер: Эта конфронтация бессмысленна. Все это неважно. В настоящий момент Япония не является империалистической. Хотя она располагает промышленностью и может в любое время создать собственное оружие массового уничтожения, японцы все-таки хорошо знают, чего это может стоить.

По моему мнению, теоретическая политэкономия пришла к некоторому интеллектуальному застою, застряла в современных проблемах. Но все проблемы разрешимы. Ни один миллионер до сих пор не умер от богатства. И если сравнивать с миром предвоенного времени, то в Германии теперь все миллионеры.

«Шпигель»: Но в целом очевидно, что чрезмерная эксплуатация природных ресурсов содействует и отравлению нашей планеты. Пример тому — озоновые дыры.

Поппер: Все-таки природа этих явлений еще неизвестна. Озоновые дыры могут существовать уже миллионы лет. Возможно, они никак не связаны с чем-либо современным.

«Шпигель»: Именитые ученые смотрят на это иначе. Они весьма охотно верят в некоторую связь между увеличением концентрации хлора и разрушением озонового слоя.

Поппер: Именитые ученые не всегда правы. Я не утверждаю, что они ошибаются, а утверждаю только то, что мы часто знаем меньше, чем полагаем.

«Шпигель»: Здесь мы затронули темы, по которым Вы охотно спорите с зелеными и подчас довольно грубо нападаете на них. Почему Вы, собственно, это делаете?

Поппер: Из-за их сумасшедшей враждебности к естественным наукам и технике. В движении зеленых содержится определенное антирационалистическое ядро. Это приводит к результатам, прямо противоположным тем, которые они якобы хотят получить. Кроме того, они сами жаждут власти и обладают точно таким же лицемерием, как приписываемое ими своим противникам.

В основе уничтожения окружающей среды лежит демографический взрыв, проблему которого нам следует решать этически. В этот мир имеют право приходить действительно только желанные дети.

«Шпигель»: Вы хотите этого достичь посредством государственных предписаний, как в Китае?

Поппер: Не только путем государственных предписаний, но и посредством воспитания. Нежеланные дети подвержены опасности, а именно — опасности моральной. Люди, которые не желают детей, должны иметь соответствующие средства, чтоб они не появлялись. Теперь такие средства существуют, я имею в виду медикаментозный аборт.

«Шпигель»: Здесь Вы противопоставляете себя католической церкви и папе римскому.

Поппер: Церковь и папа идут на уступки, особенно когда сталкиваются с по-настоящему убедительными этическими мотивами. Я имею в виду такие мотивы, как изнасилование, рождение детей,

зараженных СПИДом, или детей, появляющихся на свет в голодающих странах и не имеющих никаких шансов на жизнь. Преступно не помогать таким детям, имея возможность помочь, предотвратив их рождение. Здесь церковь должна и будет идти на уступки, это только вопрос времени.

«Шпигель»: Господин Поппер, теперь мы охотно поговорим о некоторых вопросах, касающихся Германии. К изменению баланса сил в Европе имеет отношение и создание объединенной, сильной Германии. Имеются ли причины для беспокойства соседних стран?

Поппер: Конечно, имеются. Современная ситуация в Германии — с политической и моральной точки зрения — намного лучше, чем можно было бы ожидать. Это говорит в пользу фундаментального человеческого разума. Однако никто не знает, что принесет с собой будущее. Существует парадокс в благополучии человечества: благополучие человечества зиждется на его подлинной бдительности в отношении множества опасностей, но вместе с тем благополучие подрывает бдительность. Свободу легко принимать как нечто само собой разумеющееся. Но это означает, что люди снова окажутся жертвой диктатора. В Австрии это уже более или менее вырисовывается.

«Шпигель»: Все-таки об этом едва ли можно говорить. В данном случае Вы, видимо, имеете в виду правого радикала из АПС Йорга Хайдера (Jörg Haider)?⁸⁾

---

⁸⁾ Хайдер Йорг (1950–2008) — праворадикальный австрийский политик, националист, многолетний лидер ультраправой Австрийской партии свободы (АПС). — *Прим. перев.*

Поппер: Да, там есть вдохновленные Хайдером молодые люди. Это связано с недостатками их воспитания. Идеал Хайдера — это Гитлер. Он охотно бы осуществил то, что хотел сделать Гитлер.

«Шпигель»: Однако сейчас он положительно этого не заявляет.

Поппер: Он говорит об этом достаточно ясно, чтобы можно было уловить настроение на слух. Он говорит это для тех, кто хочет его услышать.

«Шпигель»: Германия в течение 60 лет испытала на себе две тоталитарные системы. Сегодня речь идет о преодолении элементов неправового государства СЕПГ и Штази⁹⁾. Как можно определить их политическую вину, можем ли мы на Западе быть их моральными судьями?

Поппер: Мы наверняка можем быть моральными судьями над руководящей верхушкой бывшей ГДР, над их чувством личной ответственности. Тот факт, что теперь намереваются предать суду Хонеккера¹⁰⁾, имеет, я полагаю, большую важность.

«Шпигель»: Стало быть, Вы не за широкое преодоление прошлого в чистилище открытого суда, а за рассмотрение отдельных характерных дел?

---

⁹⁾ Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) — социалистическая марксистско-ленинская партия, существовавшая в Германии в 1946–1990 гг. Штази (Stasi) — неофициальное название Министерства государственной безопасности ГДР (сокращение от немецкого названия ведомства, Ministerium für Staatssicherheit). — *Прим. перев.*

¹⁰⁾ Хонеккер Эрих (1912–1994) — немецкий государственный и политический деятель левого толка, на протяжении 18 лет (1971–1989) генеральный секретарь центрального комитета СЕПГ. — *Прим. перев.*

Поппер: Очень важно, чтобы мы свели месть и другие подобные гнусности к минимуму относительно того, что уже было совершено.

«Шпигель»: И обошлись без ханжества.

Поппер: Да, без ханжества. Суд должен действовать с необычайной предусмотрительностью. Процесс следует ограничить преступлениями бывших руководителей, самое большее 150 человек. Необходимо остановиться на этом числе, идти дальше попросту нельзя — в том числе и потому, что в противном случае эти проблемы будут опошляться¹¹⁾.

«Шпигель»: А попутчиков режима Вы хотите исключить из этого числа, чтобы люди, которые не были героями и приспособлялись к тоталитарному обществу, могли теперь вести в целом нормальную жизнь?

Поппер: Верно. Попутчикам нельзя и не следует причинять слишком много вреда. Большей частью они испытывают страх: ведь метод терроризма состоит именно в том, чтобы вселять страх. Разумеется, где-то есть место и для героизма: каждый может проявить его там, где нас вынуждают активно участвовать в подлостях и злых делах. Именно в таком случае следует быть героем и оказывать сопротивление.

«Шпигель»: Неоконсервативный философ Фрэнсис Фукуяма, модный ныне в Америке, связывает окончание идеологического конфликта и всеобъемлющее распространение либеральной демократии

---

¹¹⁾ Суд над Хонеккером и другими бывшими руководителями ГДР начался в Берлине в мае 1992 г. В январе 1993 г. производство в отношении Хонеккера было прекращено в связи с его неизлечимой болезнью. — *Прим. перев.*

с наступлением «конца истории»¹²⁾. С победой демократии как будто достигается и конечная точка идеологической эволюции человечества.

Поппер: Это всего-навсего слова, глупые громкие слова. Не существует никакого философского чуда. Впрочем, Маркс тоже говорил, что с «социальной революцией» придет конец истории, поскольку она есть только история классово-борьбы.

«Шпигель»: У Фукуямы явно просвечивает то, что Вы не очень цените — Гегель с его теорией исторического процесса, который через определенную последовательность противоречий в итоге достигает своей цели с осуществлением свободы на земле.

Поппер: Конечно. Гегель сказал бы «да» этой идее, так как в истории он видел историю власти. Большей частью это так и было. Наши книги по истории никогда не были работами, в которых духовное развитие человечества рассматривалось бы в качестве основной темы, но всегда были работами по истории власти.

Безусловно, нам нужен конец истории, а именно конец истории власти. Это стало необходимо из-за оружия. Это всегда было необходимо с моральной точки зрения, а теперь становится жизненно необходимым из-за появления избытка оружия.

«Шпигель»: Вы сами писали еще до Хиросимы, что в один день человек исчезнет с лица земли.

Поппер: А почему бы и нет? Существуют непредвиденные опасности. Так как все мы смертны, вероятно, когда-то умрет также

---

¹²⁾ Фукуяма Фрэнсис (род. 1952) — американский философ, политолог, политический экономист и писатель японского происхождения. Его книга «Конец истории и последний человек» («The End of History and the Last Man») впервые опубликована в 1992 г. и неоднократно выходила в русском переводе. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

и все человечество; возможно, нам предстоит погибнуть в один день с Солнечной системой. Но говорить или думать об этих вещах не имеет никакого смысла. Вероятнее всего, как я предсказывал (если Вам близко это слово) уже задолго до СПИДа, нас погубит какой-нибудь микроб. Это может случиться очень скоро. В любое время. Но до того, как это случится, может пройти еще и много тысяч лет.

«Шпигель»: Стало быть (повторим еще раз), не существует никакого закона прогресса, никакой логической конечной точки?

Поппер: Всего это нет. Что действительно существует, так это наша колоссальная ответственность. Мы не можем позволить себе быть жестокими. Например, просто недопустимо позволить прийти в этот мир детям, инфицированным СПИДом. И для церкви первой жизненной установкой также должно считаться правило: никакой жестокости.

«Шпигель»: Господин Поппер, Вам теперь почти 90 лет, и Вы всегда называете себя закоренелым оптимистом. Но эта беседа тем не менее содержала некоторые очень пессимистичные нотки — это результат нового накопленного на закате жизни опыта?

Поппер: Оптимизм — это долг. Необходимо концентрироваться на вещах, которые следует сделать и за которые надо нести ответственность. Все, что я говорил в этой беседе, имело целью донести до Вас и других людей призыв оставаться бдительными. Мы должны жить для того, чтобы у наших внуков и внучек все по возможности обстояло еще лучше, чем у нас, — и не только с экономической точки зрения.

«Шпигель»: Господин Поппер, мы благодарим Вас за эту беседу.

9

Мысли о крахе коммунизма: попытка понять прошлое и обрисовать будущее

*Доклад, прочитанный 6 марта 1992 г. в Севилье в рамках
Экспо-1992. Перевод с английского выполнен Инге Лейпольд
(Inge Leipold).*

Как можно заключить, вероятно, уже из самого названия моего доклада, я являюсь противником марксизма. Тема моих рассуждений — нападки марксизма на нашу западную цивилизацию. Начало этих нападков ознаменовано революцией Ленина и Троцкого в октябре 1917 г., окончательное поражение которой все мы, собравшиеся здесь, пережили как очевидцы.

Вероятно, лишь немногие из нас пребывают в достаточно преклонном возрасте, чтобы лично помнить, как начались все наши проблемы. Но я отношусь к тем еще живущим людям, которые очень точно помнят день — 28 июня 1914 г., — когда австрийский

Часть 2. Мысли об истории и политике

эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараеве. Еще и сегодня мне слышится голос мальчишки, продавца газет, громко объявлявшего: «Убийца — серб!» Я еще живо помню начало Первой мировой войны 28 июля 1914 г. (это был мой двенадцатый день рождения). Я узнал об этом из письма своего отца, а также из большого плаката с воззванием императора Франца Иосифа «К моему народу!» («An Meine Völker!»). Я помню тот день в 1916 г., когда мне стало ясно, что Австрия и Германия проиграют затеянную ими войну. Я помню те дни в марте 1917 г., когда в России свершилась демократическая революция. Я помню путч Ленина против правительства Керенского и начало Гражданской войны в России, а также Брест-Литовский мирный договор между Германией и Россией, заключенный Лениным и Троцким в марте 1918 г., и крах Германской и Австрийской империй в октябре 1918 г., приведший к окончанию войны. Эти события относятся к самым значительным из тех, которые я могу теперь вспомнить, и они, как мне теперь ясно, подтолкнули все человечество к черте полного уничтожения.

В весьма кратком докладе я вынужден прибегнуть к чрезмерному упрощению: я должен нарисовать свою картину истории большими мазками и яркими красками.

Перед Первой мировой войной индустриализация в Западной Европе, Германии и Северной Америке могла бы привести сразу же к созданию подлинно либерального общества. Фактически для этих регионов были характерны свобода и высокий экономический подъем, открытые границы, упразднение заграничных паспортов, снижение уровня преступности и насилия, высокий образовательный стандарт, а также высокая заработная плата и рост благосостояния.

А благодаря технологическому прогрессу произошло даже некоторое облегчение невыносимого прежде тяжелого ручного труда. Первая мировая война, развязанная Германией и Австрией, уничтожила все это и показала, что больше нельзя было полагаться на прежние формы правления, допустившие замысел войны. С теми же самыми проблемами мы сталкиваемся еще и сегодня.

Разрушение мощи трех проигравших держав — Германии, Австрии и Турции — в конце Первой мировой войны было осуществлено извне. Однако можно говорить и о внутренних факторах, приведших, главным образом в Австрии, к кровавым восстаниям, не в последнюю очередь под влиянием Русской революции. Два государства, одержавшие победу, Франция и Италия, также пережили глубокие потрясения. Только Великобритания и США следовали в дальнейшем предложенному ими перед войной курсу либеральных реформ, хотя это и стало возможным лишь после подавления всеобщей забастовки в Англии, которая, отчасти под влиянием России, могла бы перерасти в революцию.

Пример обеих англоязычных стран оказывал, несомненно, стабилизирующее воздействие, несмотря на великий биржевой крах и мировой экономический кризис. Несмотря на безработицу и угрозу со стороны Гитлера, Англия в 1935 г. была самым благополучным индустриальным государством в Европе, которое я видел за всю свою жизнь. Каждый рабочий, каждый кондуктор автобуса, каждый водитель такси и каждый полицейский были настоящими джентльменами. Но победа марксизма в России и огромные денежные траты коммунистов на пропаганду и организацию мировой революции привели повсюду на Западе к радикальной политической

Часть 2. Мысли об истории и политике

поляризации между левыми и правыми. Эта поляризация открыла путь фашизму — прежде всего в Италии во главе с Муссолини, чья политика уже вскоре была взята на вооружение фашистскими движениями в других европейских странах, особенно в Германии и Австрии, — а в некоторых регионах она привела к гражданской войне, весьма односторонней гражданской войне, ибо она велась прежде всего террористами правого толка.

Таким образом, сложилась следующая ситуация. Восток, в особенности Советский Союз, находился под диктаторским правлением безжалостного марксизма, основанного на могущественной идеологии и неисчерпаемом арсенале лжи. Запад находился под постоянной угрозой потенциального (а иногда и реального) насилия со стороны мощных левых сил, формировавшихся под воздействием марксистских партий, пропаганды, ослепления успехами России и надеждами на будущее социалистическое общество. Это порождало реальное ответное насилие со стороны правых и тем самым играло на руку фашистам. Германия, Австрия и южная часть Европы стали жертвами фашизма ввиду углубившейся поляризации между левыми и правыми. Эта поляризация достигла своей наивысшей точки в чудовищной Гражданской войне в Испании, которая не в последнюю очередь явилась для Советов и нацистской Германии своеобразным экспериментом по ведению современной войны.

В самих Франции и Великобритании возникли фашистские партии. Но, несмотря на это, здесь и в маленьких северных странах утвердилась демократия.

В сложившейся обстановке, предшествовавшей войне Гитлера против Запада, почти все интеллектуалы заявляли, что демократия

есть лишь переходная фаза в истории человечества, и предсказывали ее близкий конец. Неслучайно я начал свою книгу «Открытое общество и его враги» с нападок как раз на таких людей и на пагубную моду делать исторические предсказания.

Затем Гитлер развязал Вторую мировую войну — и проиграл ее благодаря одному человеку — Уинстону Черчиллю. Ему мы обязаны укреплением коалиции между западными демократиями и Россией, которая одержала окончательную победу над Гитлером и его союзниками. Однако одним из последствий победы было то, что после войны левые силы стали крепче, чем прежде, в период поляризации левых и правых. И хотя благодаря поражению Гитлера и Муссолини фашизм был побежден повсюду, это спровоцировало начало еще более грозной холодной войны между Востоком и Западом. При этом благодаря твердому кулаку коммунистической диктатуры Восток скрепился еще прочнее, чем прежде, в то время как западные демократии по-прежнему были расколоты и ослаблены. В этих странах левых подстрекали и поддерживали Советы, которые вели пропаганду на Среднем Востоке, да и по всему миру против так называемых капиталистических стран Запада.

Несмотря на все это, свободные демократии, открытые западные общества одержали победу. Это не они потерпели крах от необъятных внутренних противоречий: в этих обществах такие противоречия всегда открыто обсуждались. Крах потерпела в высшей степени закрытая и абсолютно цельная коммунистическая диктатура Восточной Германии, увлекшая за собой железный кулак монолитной советской империи.

Дамы и господа, попытайтесь, пожалуйста, уяснить себе, какое чудовищное внутреннее напряжение выдержали демократии.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Я уверяю Вас, это была самая страшная нагрузка, которую когда-либо пришлось выдержать какой-либо политической властной группировке. А эта властная группировка ставила вопрос о крайне шатком союзе демократических наций. Каждая из них по отдельности была внутренне разобщенной и подвергалась угрозе — а иногда даже нападениям — со стороны могущественных внешних сил, которые обостряли и без того сложные внутренние противоречия. Каждая отдельно взятая нация решала свои собственные большие проблемы, которые не смогли бы понять даже ее ближайшие союзники. Каждая была «домом», который «разделился сам в себе» (Мк. 3:25), и «домом», которому угрожают чудовищные силы извне. Но эти «дома», открытые общества, могли и сумели устоять; они действительно были открытыми обществами.

А закрытая, абсолютно непроницаемая и скованная железными цепями структура рухнула сама по себе и распалась на отдельные части.

Таким образом, открытые общества одержали победу, а советская империя рухнула. К счастью, это не потребовало ни единого выстрела с восточной или западной стороны — по меньшей мере до сего дня. К несчастью, произошло (и происходит) кровопролитие внутри государств наших прежних врагов. И несмотря на то что мы сами оказались втянутыми в экономический кризис, которым по меньшей мере отчасти обязаны им, мы теперь помогаем им в борьбе с их нищетой, которую повлек за собой марксизм.

Моя теория в отношении больших и значимых событий, которые мы наблюдаем с 1989 г. и которые еще далеки от своего завершения,

моя теория смертельной болезни марксизма может быть выражена, по сути, следующей краткой формулой:

Марксизм умер из-за марксизма.

Или, выражаясь точнее, сила и мощь марксизма иссякли из-за неплототворности марксистской теории. Марксистская теория, марксистская идеология, возможно, была весьма разумна, но она противоречила историческим фактам и общественной жизни: это была в высшей степени ошибочная и дерзкая теория. А многие ее ошибки, многочисленные ее теоретические заблуждения прикрывали бесчисленной незначительной и значительной ложью. Поддерживаемая жестокой исполнительной властью и силой ложь уже вскоре превратилась в интеллектуальную ходячую монету правящего диктаторским способом коммунистического класса в России и честолобивого класса стремящихся к власти диктаторов вне России. Этот универсум лжи затягивался в интеллектуальную черную дыру. Как вы знаете, черная дыра обладает бесконечной силой все поглощать, уничтожать, превращая в ничто. Различие между истиной и ложью размывается. Духовная пустота в конце концов торжествует. Следовательно, марксизм умер из-за марксизма — и фактически умер уже давно. Однако я опасаюсь, что миллионы марксистов на Востоке и Западе тем не менее придерживаются его, так же как они делали это до сих пор, что бы ни случилось в реальном мире: факты можно игнорировать или искажать.

Этим я завершаю вводную часть моего доклада — обширный и очень грубо набросанный исторический экскурс. Следующая часть подразделяется на две подчасти. В первой предлагается краткое

Часть 2. Мысли об истории и политике

изложение и критика марксизма; вторая представляет собой попытку показать, как можно было бы использовать новую ситуацию для улучшения нашей жизни посредством определенной *политической реформы* — реформы наших демократий. При этом я имею в виду не столько изменение наших институтов, сколько изменение нашей точки зрения.

Возможно, однако, что вводная часть оказалась весьма абстрактной; поэтому мне кажется логичным дополнить ее своеобразной автобиографической справкой, вместо того чтобы продолжать в том же самом возвышенном стиле, который, возможно, утомит вас еще до того, как я перейду к своему краткому изложению марксистской теории и ее критическому опровержению. Я попытаюсь сделать доклад более живым, рассказав одну историю из моей ранней молодости: как я стал марксистом — или был очень близок к этому — и как так получилось, что я превратился на всю оставшуюся жизнь в противника марксизма. Это случилось незадолго до моего семнадцатилетия, 28 июля 1919 г.

Мои родители были убежденными пацифистами еще до Первой мировой войны. Мой отец был либералом, очень образованным человеком, адвокатом, испытывавшим влияние Иммануила Канта, Вильгельма фон Гумбольдта и Джона Стюарта Милля. Во время войны, когда мне было четырнадцать или пятнадцать лет, мне впервые пришла в голову интересная идея в связи с проблемой политической свободы. Я прогуливался в Вене около памятника Гутенбергу и вдохновенно размышлял о мире и демократии, как вдруг внезапно меня осенила мысль, что демократия никогда в действительности не может быть стабильной. Если на мгновение бросить на нее

взгляд, то она кажется стабильной; ее начинают рассматривать как нечто само собой разумеющееся, и тем самым свобода оказывается в опасности. Люди больше не озабочены этим, и они предаются покою, так как не могут себе представить, что означало бы потерять свободу: может быть, терроризм, а может быть, даже войну.

Несмотря на этот мгновенный взгляд, коммунистическая партия привлекала меня, поскольку она претендовала на то, чтобы быть партией свободы в то время, когда в марте 1918 г. заключался Брест-Литовский мирный договор. И хотя в те дни перед завершением Первой мировой войны много говорилось о мире, никто, кроме коммунистов, не был готов принести для этого политическую жертву. Именно такая возможность была предоставлена Троцкому в Брест-Литовске, это было его обращение ко всему миру. Я с удовольствием слушал его обращение, хотя большевикам я не доверял: об их фанатизме и их привычке лгать я много слышал от своего русского друга. Но в тот момент меня подкупило их выступление в защиту пацифизма.

После крушения Германской и Австрийской империй я предпочел — по разным причинам — больше не посещать школу, но подготовиться к вступительным экзаменам в университет. А спустя некоторое время я решил проверить, что собой представляет коммунистическая партия. Должно быть, приблизительно в апреле 1919 г. я обратился в центральные партийные органы и предложил свои услуги в качестве рассыльного. Я пока еще плохо разбирался в марксистской теории, и хотя я был еще слишком молод, чтобы вступить в партию, высшие партийные функционеры сами принимали меня с распростертыми объятиями и предлагали мне выполнять

Часть 2. Мысли об истории и политике

всевозможные поручения. Примечательно, что я часто бывал у них на открытых заседаниях, на которых узнавал очень много об их способе мышления. Лишь с трудом я ускользнул от *марксистской идеологической западни* (как я назвал это значительно позже). Я был в восторге от того, что держался своего морального долга; и это едва не предопределило мою судьбу.

Теперь мне хотелось бы описать эту идеологическую западню, а затем обрисовать и те обстоятельства, при которых я ускользнул от нее: решающими здесь оказались моральный шок, произведший на меня ужасающее впечатление, и чудовищное моральное отвращение.

Марксистская теория, или марксистская идеология, содержит много аспектов, но среди них есть один важнейший. *Речь идет об определенной теории истории*, которая якобы способна предсказывать с абсолютной и научной достоверностью (хотя и в грубых чертах) будущее человечества. Точнее говоря, она утверждает, что может предсказывать социальные революции с такой же точностью, как ньютоновская астрономия способна предсказывать солнечные и лунные затмения. Маркс основывал свою теорию на следующем фундаментальном выводе: *«История всех прежних обществ есть история борьбы классов»*.

В конце своей книги «Нищета философии» в 1847 г. Маркс впервые заявил, что классовая борьба должна найти свое завершение в социальной революции, которая приведет к построению бесклассового, или коммунистического, общества. Его аргументация была очень лаконичной. Поскольку рабочий класс («пролетариат») является единственным по-прежнему угнетаемым классом, и к тому же

единственным производящим классом, и более того — классом, к которому принадлежит абсолютное большинство, он должен с необходимостью одержать победу. Его революционная победа должна, однако, привести к устранению всех остальных классов и, следовательно, к созданию общества, в котором существует лишь *один* класс. Но одноклассовое общество есть общество бесклассовое — общество, в котором нет ни господствующего, ни угнетаемого классов. Поэтому речь идет о коммунистическом обществе, как это провозгласили год спустя Маркс и Энгельс в своем «Коммунистическом манифесте».

А так как история есть история борьбы классов, то это означает конец истории. Больше не будет никаких войн, никакой борьбы, никакого насилия, никакого угнетения. Власть государства исчерпает себя. Или, говоря языком религии, на земле установится рай ¹⁾.

В противоположность этому существовавшее тогда общество, названное Марксом «капиталистическим», согласно его учению, было обществом, в котором тотально господствовали одни лишь капиталисты, — то есть в буквальном смысле диктатурой одного класса. В своем фундаментальном труде «Капитал» — три его тома составляют в общей сложности 1748 страниц — Маркс показал, что, согласно закону *концентрации капитала*, число капиталистов постоянно убывает, а число рабочих, напротив, должно возрасть. Согласно другому подобному закону, а именно закону *возрастающего обнищания*, положение рабочих постоянно будет ухудшаться. Они будут постоянно беднеть, а капиталисты, напротив, постоянно богатеть.

---

¹⁾ Маркс К. Нищета философии. С. 118–120. См. также с. 144–145 настоящего издания. — Прим. перев.

Невыносимое обнищание рабочих превратит их в радикальных революционеров, осознающих свои революционные классовые интересы. Рабочие всех стран объединятся, и социальная революция одержит победу. Капитализм вместе с самими капиталистами будет уничтожен, *ликвидирован*, и на земле восторжествует мир.

Между тем марксово предсказание дальнейшего хода истории оказалось неправдоподобным, и западные марксисты перестали следовать этой точке зрения, хотя они по-прежнему проповедуют теорию о том, что мы живем в бесчеловечном, морально прогнившем «капиталистическом» мире. В голодные годы Первой мировой войны и еще худшие времена, последовавшие за ней, марксизм, разумеется, по-прежнему вызывал доверие, и еще долгое время спустя выдающиеся физики и биологи признавали себя его сторонниками. Эйнштейн не был марксистом: он осознавал, что любые теории, включая его собственные, обычно далеки от самодостаточности. Но он точно симпатизировал марксизму и даже восхищался им. А некоторые ведущие британские ученые, такие как Дж. Б. С. Холдейн и Дж. Д. Бернал (J. D. Bernal)²⁾, были членами коммунистической партии. В марксистской теории их привлекал тот факт, что она притязала на статус исторической науки. Бернал незадолго до смерти Сталина заявлял, что он является величайшим из живущих ученых и вообще одним из величайших ученых всех времен. Приведу только один пример, чтобы показать, насколько серьезным было это притязание на статус науки. Речь идет о книге

---

²⁾ Бернал Джон Десмонд (1901–1971) — английский физик и социолог науки, общественный деятель. — *Прим. перев.*

Александра Вайсберга (Alexander Weißberg)³⁾, ныне уже покойного венского физика, которого я довольно хорошо знал до того, как в 1931 г. он уехал в Россию, вдохновленный Сталиным. В 1936 г. в ходе «большого террора» его заключили в тюрьму. Его пытали множество раз и содержали в тюрьме в ужасных условиях до заключения пакта Гитлера—Сталина⁴⁾ в 1939 г., когда Сталин выдал Гитлеру его и других коммунистов из Германии и Австрии — несомненно, самая грязная сделка всех времен. Вместе со всеми остальными он был помещен в гитлеровский концентрационный лагерь, откуда сбежал несколько раз, и каждый раз его ловили, пока наконец в 1945 г. его не освободили русские войска. В своей чрезвычайно интересной книге Вайсберг рассказывает о пережитом им в сталинских застенках, но в заключение все же намекает на то, что он по-прежнему верит в марксистскую теорию истории. В 1946 г. я повстречался с ним в Лондоне. Я полагал, что в то время он уже излечился, но жестоко ошибался. Когда его книга вышла в Германии в 1951 г. и спустя несколько лет после этого, когда я повстречал его в последний раз, он все еще верил в марксистскую теорию истории, хотя и допускал, что она нуждается в некоторой корректировке. Разумеется, я пытался его наставить на путь истинный, но сомневался, что мне удастся сделать то, чего не смогли сделать даже сталинские тюрьмы.

---

³⁾ Вайсберг Александр (1901–1964) — польско-австрийский физик, эмигрировавший в СССР в 1931 г., автор книги «Россия в горниле чисток» («Rußland im Schmelztiegel der Säuberungen», Frankfurt am Main, 1951). — *Прим. перев.*

⁴⁾ В русскоязычной литературе это соглашение более известно как пакт Молотова—Риббентропа. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Мне хотелось бы назвать еще троих убежденных сторонников марксизма, которые одновременно были великими учеными. Прежде всего известную супружескую пару — ученых-естествоиспытателей Жолио-Кюри. Ирен, дочь мадам Кюри, и ее муж, Фредерик Жолио, получившие вместе Нобелевскую премию по химии в 1935 г., оба были участниками Сопротивления и французского Комиссариата по атомной энергии. Но оба были также вплоть до своей смерти активными членами коммунистической партии.

Далее следует указать на Андрея Сахарова, отца русской водородной бомбы. Я был и остаюсь большим поклонником Сахарова, великого диссидента. В честь его шестидесятилетия я выступил с речью в Нью-Йорке, в которой заступился за него и обратился к русскому правительству с просьбой выпустить его на свободу. Однако из книги его воспоминаний («Моя жизнь») я узнал, к своему удивлению, насколько он в возрасте сорока лет был еще глубоко убежден в правоте официальной коммунистической доктрины⁵⁾. Когда Сталин умер, Сахаров, как он сообщает, оплакивал кончину этого великого друга человечества. Он верил в то, что революция неизбежна и жестокости, совершенные этим великим другом человечества, непременно канут в прошлое. По меньшей мере до 1961 г., когда ему было сорок лет, его глубокие убеждения оставались прежними. Позже он вынужден был принципиально изменить свой способ мышления.

Между тем под марксистской западней я понимаю не только так называемую научную теорию, ведущую к марксистскому историческому предсказанию. Я имею в виду скорее моральные оковы,

---

⁵⁾ См. также с. 148, 167.

которыми верящий в это предсказание человек связан с партией. Я живо помню эти моральные оковы, которые вместе с предсказанием создают пресловутую западню.

С самого начала я был в некоторой мере скептически настроен в отношении рая, который должен был установиться после революции. Безусловно, мне не нравилось тогдашнее общество в Австрии, в котором царили голод, бедность, безработица и скачущая инфляция, а также валютные спекулянты, воспользовавшиеся создавшимся положением. Однако меня беспокоило явное намерение партии пробудить в своих сторонниках убийственный, как мне подсказывало чутье, инстинкт «классового врага». Мне объясняли, что это необходимо и в любом случае не мыслится так уж серьезно; что в революции единственно важной считается победа, поскольку в условиях капитализма каждый день погибало бы больше рабочих, чем в ходе всей революции. Я неохотно мирился с этим, и все же меня не покидало чувство, что за свое доверие приходится платить слишком высокую моральную цену. К тому же была еще и ложь со стороны партийной верхушки. Они однозначно утверждали в один день одно, на следующий день прямо противоположное, а на третий день снова нечто совершенно иное. Например, сначала они отвергали красный террор, а вскоре после этого заявили, что он необходим. Когда я им возражал, то слышал в ответ, что эти противоречия необходимы и их нельзя подвергать критике, а единодушие в партии имеет решающее значение для успеха революции. Кстати, могло быть и так, что ошибки допускались, но недопустимо было их клеймить: лояльность в отношении линии партии должна быть абсолютной. Ведь лишь партийная дисциплина может

Часть 2. Мысли об истории и политике

привести к скорой победе. И хотя я неохотно соглашался с этим, все же у меня было ощущение, что ради партии меня просят пожертвовать, по сути, своей личной неприкосновенностью.

А затем наступила катастрофа: в один из дней июня 1919 г. полиция стреляла в молодых безоружных товарищей, вышедших на поддержанную партией демонстрацию, некоторые были убиты (восемь человек, если мне не изменяет память). Я возмущался действиями полиции, а также и самим собой, так как я не только принимал участие в демонстрации, но и согласился с поддержкой ее со стороны партии. Возможно, мне даже придали храбрости другие. Вероятно, некоторые из них были среди убитых. Из-за чего они были убиты? Я чувствовал себя ответственным за них и пришел к следующему выводу: да, я имел право поставить свою собственную жизнь на карту ради моих идеалов, но все же у меня не было никакого права подталкивать других к тому, чтобы они рисковали своими жизнями ради моих идеалов — и менее всего ради такой теории, как марксизм, в истинности которой *можно* было сомневаться.

Я спросил себя: действительно ли я всерьез и критически полемизировал с марксистской теорией? Глубоко удрученный, я был вынужден признаться самому себе, что ответом будет «нет».

Однако когда я пришел в штаб-квартиру партии, то столкнулся там с совершенно иной точкой зрения: революция нуждается в таких жертвах, они неизбежны. К тому же это означало некоторый прогресс, поскольку вызывало еще большую ярость у рабочих по отношению к полиции и содействовало осознанию ее в качестве классового врага...

Больше я никогда там не появлялся: я спасся от марксистской западни.

Однако после этого я начал вырабатывать чрезвычайно критическое отношение к марксизму.

По различным соображениям — прежде всего потому, что я никоим образом не хотел поддерживать фашизм, — я впервые открыто высказал эту позицию спустя 26 лет в своей книге «Открытое общество и его враги». К этому времени я пришел и к некоторым другим результатам: я разработал критерий, посредством которого можно было решить, обладает или нет та или иная теория статусом науки — такой науки, как, например, ньютоновская астрономия.

Мне хотелось бы перечислить многие пункты, в которых марксова теория истории ошибочна, но я стеснен рамками своего доклада. В моей книге об открытом обществе проведен детальный анализ и критика марксистского предсказания. Здесь же мне хотелось бы лишь обратить внимание на самое очевидное: «капитализма» в марксовом смысле больше не существует. Известное Марксу общество испытало на себе великие, даже грандиозные революции. Характерный для прежних времен невыносимо тяжелый и изнурительный физический труд, которым были вынуждены заниматься миллионы мужчин и еще больше женщин, исчез в наших западных обществах. Он еще стоит перед моими глазами. И тот, кто сам это не пережил, не может себе представить, какое радикальное изменение произошло: фактически произошла революция, которой мы обязаны столь часто осуждаемому технологическому прогрессу.

Рассматриваемый результат в целом прямо противоположен тому, что предсказывал Маркс. У рабочих дела обстоят не так уж плохо,

Часть 2. Мысли об истории и политике

и многие абсолютно довольны своей жизнью в западных демократиях. Конечно, левая пропаганда — как красная, так и зеленая — по-прежнему укрепляет веру в бесчеловечность нашего мира, веру в то, что у нас дела обстоят плохо, и тем самым, к сожалению, создает ощущение, будто у нас действительно все плохо, поскольку наше здоровье зависит отчасти от того, что мы думаем. Рассматриваемое с точки зрения историка, наше открытое общество есть все-таки наилучшее и самое справедливое общество из всех существовавших когда-либо на земле.

Совершенно очевидно, что речь больше не идет об обществе, которое Маркс когда-то назвал «капиталистическим»; и нет никаких оснований вводить самих себя в заблуждение, именуя его так.

Но я могу сказать и больше.

«Капитализма» в историческом смысле, в котором Маркс применял это понятие, *никогда* не существовало в этом мире: никогда не существовало общества с некоторой внутренней тенденцией развития, подобной марксову *закону возрастающего обнищания* или скрытой диктатуре капиталистов. Все это было и остается абсолютной иллюзией. Я согласен, что жизнь к началу эпохи индустриализации была ужасно трудной. Тем не менее индустриализация означала также рост производительности труда, а последний, в свою очередь, означал массовое производство. Очевидно, что массовое производство в конце концов нашло свой путь к массам населения. Марксово понимание истории вместе с его предсказанием является не только ошибочным — оно просто невозможно: нельзя производить массовый продукт для небольшого, постоянно сокращающегося числа богатых капиталистов.

Итак, марксов капитализм есть, несомненно, невозможный интеллектуальный конструкт, иллюзия.

Но с целью уничтожить то, что было иллюзией, Советский Союз накопил немыслимый арсенал оружия, включая и большие запасы ядерного оружия. Их общий объем в перерасчете соответствует примерно 50 миллионам или даже более бомб, сброшенных на Хиросиму. И все это для того, чтобы уничтожить иллюзорный ад за его так называемую бесчеловечность. Наша действительность, конечно, не была раем, но она была значительно ближе к раю, чем коммунистическая действительность.

Итак, я второй раз прихожу к тому же выводу — но на этот раз с другой стороны, со стороны логического анализа и критики марксистской идеологии.

Мы никогда больше не должны допускать, чтобы такие идеологии захватывали нас в свои сети.

Теперь я обращаюсь к последней части своего доклада. Какой урок мы можем извлечь из прошлого для будущего? И что мы можем посоветовать нашим политикам?

Во-первых, мы должны избавиться от нелепой привычки полагать, будто какой-то умный человек может предсказывать *будущие* события. Кажется, почти все верят в то, что ум сам по себе позволяет делать истинные предсказания. И почти все верят в то, что рациональная программа будущего должна исходить из истинного предсказания.

Все рассматривают историю человечества как бурный поток, проносящийся перед нашими глазами. Мы видим, как он устремляется из прошлого; и если наш взгляд верен, мы должны быть в состоянии предсказать по меньшей мере общее направление его будущего течения.

Часть 2. Мысли об истории и политике

Многим людям, видимо, это кажется убедительным. Но это в корне ошибочно — ошибочно даже с моральной точки зрения. Вместо этой точки зрения следовало бы представить принципиально иной способ видения истории. Я предлагаю следующий.

История завершается сегодняшним днем. Мы можем извлекать из нее уроки. Тем не менее будущее никогда не является продолжением прошлого, его экстраполяцией. Будущее еще не существует. Наша огромная ответственность заключается именно в том, что мы влияем на будущее, мы можем сделать все от нас зависящее, чтобы оно стало лучше.

Для этой цели мы должны воспользоваться уроками прошлого; и один из важнейших таких уроков состоит в том, что мы должны научиться быть скромными.

Итак, что я предлагаю сделать?

Как мы видели, прошлое отягощено определенной поляризацией между левыми и правыми, оказавшейся по большому счету результатом веры в несуществующий капиталистический ад, который необходимо разрушить ради человечества, даже если при этом человечество погибнет. В известной мере это едва не случилось, но теперь мы можем надеяться на то, что эта безумная иллюзия не будет больше иметь никакого влияния (хотя я опасаюсь, что пройдет еще очень много времени, прежде чем она действительно полностью исчезнет).

Я предлагаю предпринять огромные усилия, чтобы разоружиться не только извне, в наших международных отношениях, но и изнутри: это означает, что нам следует попытаться заниматься политикой без поляризации на левых и правых.

Я полагаю, что достичь этого будет очень трудно. Но я уверен, что это осуществимо.

Но не существуют ли всегда левые и правые партии? Может быть; но до Ленина не было этой сумасшедшей поляризации, этой ненависти и фанатизма, подкрепленных еще и «научной» достоверностью. Уинстон Черчилль мог переходить в парламенте из одного лагеря в другой. Это вызывало волну негодования и даже длительную личную неприязнь. Возможно, это создавало ощущение предательства. Но все это разворачивалось на совершенно ином уровне, чем нынешняя поляризация между левыми и правыми. Ведь даже добропорядочные коммунисты всегда подвержены опасности быть обвиненными в предательстве партии и — если им случилось жить в Советском Союзе — арестованными или казненными. Это различие, вероятно, лучше всего можно описать следующим образом.

Для обычных граждан такие вещи, как шпионаж и, хуже всего, слежка за друзьями, по-прежнему являются чем-то ужасным и трудно представимым. Тем не менее многие добропорядочные коммунисты обвинялись именно в таких преступлениях, по крайней мере во времена Сталина (если обвинения вообще выдвигались). Отсюда понятно, какую атмосферу создает поляризация между левыми и правыми в своей крайней форме. В открытом обществе определенно существует возможность избавиться от этого.

Что нам следует поставить на место поляризации между левыми и правыми? Или, лучше сказать, какую программу мы можем противопоставить поляризации между левыми и правыми с надеждой устранить последнюю?

Часть 2. Мысли об истории и политике

Я предлагаю, чтобы одна из партий — как я надеюсь, одна из главных партий — провозгласила:

Мы можем теперь сломать идеологические военные механизмы и принять более или менее общезначимую гуманитарную программу, отвечающую примерно следующему. (Обратите внимание на то, что даже если наши программы будут целиком и полностью согласованы, должно существовать по меньшей мере две партии; тем самым оппозиция сможет контролировать порядочность и административную компетентность партии большинства.) Мы предлагаем следующую программу и готовы ее обсуждать и совершенствовать:

1. *Больше свободы, контроль ответственностью.* Мы надеемся добиться предельно широкой личной свободы; а это возможно все-таки лишь в цивилизованном обществе — то есть в обществе, которое гарантирует ненасильственную жизнь. Фактически это отличительный признак цивилизованного общества: оно всегда пытается решать свои проблемы мирным, ненасильственным путем.

2. *Мир во всем мире.* Поскольку теперь атомная бомба и ядерные боеголовки уже изобретены, все цивилизованные общества должны взаимодействовать, чтобы обеспечить мир и сдержать дальнейшее распространение атомного и водородного оружия. Фактически это наш высший долг, так как в противном случае цивилизация и человечество в целом будут уничтожены. (Эту простую истину назовут чертой западного идеологического империализма. Такое утверждение может звучать очень красиво, но оно совершенно неуместно.)

3. *Борьба с бедностью.* Благодаря технологиям мир — по крайней мере потенциально — достаточно богат, чтобы ликвидировать бедность. И он достаточно богат, чтобы свести безработицу к допустимому минимуму. Экономисты должны понять, что осуществить это очень трудно, но необходимо. Довольно неожиданно (около 1965 г.) они отошли от идеи считать это своей первоочередной задачей, как было раньше: проблема, по-видимому, перестала быть актуальной. Многие политэкономисты доказывали, что эта проблема неразрешима. И все же, вопреки всему, имеется не одно доказательство возможности ее решения с очень большой вероятностью, даже если при этом будет очень трудно избежать некоторого вмешательства в свободную рыночную экономику. Но ведь мы постоянно вмешиваемся в свободный рынок, вероятно, намного больше, чем это необходимо. Решение этой проблемы является безотлагательным, и возмутительно, что она стала неактуальной. Если экономисты не могут представить лучших методов, мы должны прибегнуть к простым и скромным общественным трудовым мероприятиям. К ним можно отнести, в частности, частно-государственные социальные проекты, такие как дорожное строительство, строительство школ, подготовка педагогических кадров и тому подобное. Во время роста безработицы следовало бы интенсифицировать эти мероприятия в рамках проведения антициклической политики.

4. *Борьба с демографическим взрывом.* С изобретением противозачаточных средств, дополняющих иные методы контроля за рождаемостью, биохимические технологии достигли определенного уровня, с высот которого представляется возможным вести широкую просветительскую работу, направленную на контроль численности

Часть 2. Мысли об истории и политике

населения. Тезис о том, что это отвечает западной империалистической политике, открытые общества могут опровергнуть тем фактом, что они сами также заботятся о снижении уровня рождаемости (в их случае и без того уже низкого).

Этот пункт является безотлагательным и должен стоять первым на повестке дня всех партий с соответствующей гуманистической программой, поскольку все так называемые глобальные проблемы могут быть сведены в конечном счете к демографическому взрыву; достаточно задуматься лишь на миг, чтобы каждый убедился в этом. Например, вполне правдоподобной видится ситуация, при которой в связи с ростом общего объема потребления энергии необходимо будет вводить ограничения по объему потребления на душу населения. И если пока этого не происходит, то тем насущнее становится борьба с причинами демографического взрыва, которые совершенно явно связаны с бедностью и безграмотностью. Кроме того, из соображений гуманности мы должны стремиться к рождению только желанных детей, ибо если на свет появляется нежеланный ребенок, это жестоко и чаще всего ведет к психическому, а также и физическому насилию.

5. *Воспитание ненасилия.* Я убежден в том (хотя, конечно, я могу и заблуждаться), что насилие в последнее время возросло. В любом случае это предположение можно проверить. С моей точки зрения, следовало бы проанализировать, воспитываем мы или нет у наших детей терпимость к насилию. Если да, тогда нужно срочно действовать, ибо всякая точка зрения, основанная на допущении насилия, однозначно представляет собой угрозу для нашей цивилизации. Но действительно ли мы в полной мере заботимся о том, чтобы предоставлять нашим детям все, в чем они нуждаются? Этот

вопрос имеет самое большое значение, поскольку в юном возрасте наши дети почти полностью находятся в наших руках, и нашу ответственность за них вовсе не следует недооценивать.

Очевидно, что этот вопрос связан с некоторыми из вышеупомянутых, например с вопросом демографического взрыва. Я думаю, что мы должны привить нашим детям если не добродетель ненасилия, то по крайней мере ту истину, что жестокость — это самое большое из всех зол. Я не говорю «излишняя жестокость», ибо жестокость не только никогда не нужна, но и вообще недозволительна. Это подразумевает также и душевную жестокость, в которой мы часто бываем виноваты по недомыслию, то есть по глупости, по инерции или из-за эгоизма.

Я боюсь, ныне вышло из моды обсуждать такого рода воспитательные проблемы; ведь теперь модно делать то, что нравится кому-то, даже если это является непристойным с точки зрения общепринятой морали, а общепризнанную мораль часто называют лицемерной. На это я отвечаю словами, которые говорил нам Кант: «Имейте мужество пользоваться своим собственным разумом!»⁶⁾ Я, пожалуй, хотел бы высказаться даже еще скромнее: имейте мужество не считаться с модой, и с каждым днем вы будете все больше осознавать свою ответственность. Пожалуй, это лучший вклад, который вы можете внести в свободу.

6. Мой шестой и последний пункт — *обуздание и ограничение бюрократии*. Хотя об этом можно было бы много говорить, я не стану этим здесь заниматься.

---

⁶⁾ Этими словами Кант передал известнейший латинский девиз эпохи Просвещения — *sapere aude* (букв. «дерзай знать»), встречающийся еще в «Посланиях» Горация. — *Прим. перев.*

10

О необходимости мира

*Благодарственная речь по случаю награждения медалью мира
имени Отто Гана 17 декабря 1993 г. в Берлине.*

Я благодарен всем, и особенно куратору Германского общества ООН, за торжественное чествование, которого меня здесь сегодня удостоили. Меня глубоко тронула эта торжественная церемония, связанная с именем Отто Гана.

Еще за 20 лет до открытия им деления урана Отто Ган был для меня героем, одним из тех великих исследователей радиохимии и атомной теории, которые открывали новые радиоактивные элементы, новые атомы и новые формы радиации. Но они создали также и новые теории, выдвинули новые гипотезы о важнейших законах природы, описывающие и объясняющие определенные физические связи; связи, существующие между различными видами радиации и между преобразованиями излучающих атомов.

Еще в 1918 г., когда мне было шестнадцать лет, Отто Ган считался таким же великим ученым, как Пьер и Мария Кюри, Эрнест

Резерфорд, Уильям Рэмси¹⁾ и теоретики Макс Планк, Альберт Эйнштейн и Нильс Бор. Об этих великих исследователях атома, физиках и радиохимиках, я впервые услышал в Физическом институте на Больцмангассе в Вене, в частности от моего покойного друга Франца Урбаха (Franz Urbach), работавшего в венском Институте исследования радия у Стефана Мейера (Stefan Meyer)²⁾. Некоторое время спустя я много прочитал об Отто Гане в учебнике под названием «Атомная теория» («Atomtheorie»), принадлежавшем моему учителю Артуру Гаазу (Arthur Haas)³⁾, крупному, хотя и почти забытому сегодня исследователю атома. Первое издание этой книги появилось в 1924 г.; у меня же было второе издание 1929 г. Я нашел свой совершенно зачитанный экземпляр — моя память меня не подвела: там кратко (на с. 183) сообщается об открытии радия и полония супружеской парой Кюри и открытии протактиния Отто Ганом и Лизой Мейтнер.

Вот таким образом имя Отто Гана связано с моими ранними воспоминаниями времен героической эпохи фундаментальных атомных открытий. С тем же самым периодом между двумя мировыми войнами связаны также мои личные воспоминания об Эрнесте Резерфорде, Нильсе Боре, Отто Роберте Фрише и Лизе Мейтнер. Но с Отто Ганом я никогда не встречался.

---

¹⁾ Рэмси Уильям (1852–1916) — шотландский химик, лауреат Нобелевской премии по химии за 1904 г. — *Прим. перев.*

²⁾ Мейер Стефан (1872–1949) — австрийский физик, автор трудов по радиоактивности и ядерной физике. — *Прим. перев.*

³⁾ Гааз Артур Эрих (1884–1941) — австрийский физик-теоретик; в 1910 г. предложил модель атома, в которой впервые попытался связать квантовый характер излучения со структурой атома (модель Гааза). — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

После окончания Второй мировой войны Фриш рассказывал мне об отчаянии, испытанном Ганом, когда он услышал о разрушении Хиросимы. Ган прежде всего чувствовал свою частичную ответственность за произошедшее, когда эта ужасная новость дошла до него и других немецких исследователей атома, которые были тогда интернированы в Англию. Ган был глубоко потрясен. Позже Фриш также рассказывал мне о просветительской работе Гана по ядерному оружию, о его аргументах против ядерного вооружения Германии и аргументах в пользу абсолютной необходимости мира.

Я восхищался Отто Ганом как исследователем и человеком с ранней юности. И спустя 75 лет я продолжаю им восхищаться. Теперь мне выпала огромная честь, связанная с его именем, — награждение медалью мира имени Отто Гана. Но это связано не только с именем Отто Гана, значащим для меня очень много. На протяжении всей моей жизни, в особенности со дня начала Первой мировой войны — дня, который мне очень хорошо запомнился, проблема сохранения мира волновала меня как предмет личной ответственности.

Я очень благодарен вам всем за то, что меня удостоили медали мира. Мне также хотелось бы поблагодарить всех, кто сюда пришел, чтобы решительно высказаться за безусловную необходимость мира и усиление роли ООН.

Я уже говорил о пантеоне исследователей, в частности изучавших атом физиков и радиохимиков, таких как Отто Ган, о которых я впервые услышал в 1918 г. в Физическом институте в Вене. Но еще задолго до этого случилось нечто, что сначала побудило меня к восхищению этими исследователями, а позднее содействовало моему интересу к Лиге наций, предшественнице ООН. На Рождество

1908 г. моя старшая сестра Дора получила в подарок книгу, которая безмерно меня заинтересовала, а год спустя она мне ее подарила, поскольку не вполне разделяла мои увлечения и интересы. Это была книга норвежца Фритьофа Нансена⁴⁾, который после окончания Первой мировой войны стал соучредителем Лиги наций и который был самой важной и активной фигурой в Лиге наций вплоть до своей смерти в 1930 г. Столь захватившая меня в семилетнем возрасте книга называлась «Ночью и в холод. Норвежская полярная экспедиция 1893–1896» («In Nacht und Eis. Die norwegische Polarexpedition 1893–1896»)⁵⁾. Это была, таким образом, книга о более чем трехлетней экспедиции, состоявшейся 100 лет назад и начавшейся на судне «Фрам» («Fram») — судне, построенном Нансеном, чтобы подняться надо льдом, вместо того чтобы быть раздавленным им. Почти 35 месяцев судно было скованно полярными льдами и, в соответствии с планом Нансена, дрейфовало поперек полярных течений от Новосибирских островов до Шпицбергена.

Ни одна книга не повлияла на меня в детстве так, как эта. Она вызвала у меня интерес к открытиям, и не только к географическим открытиям, но и к теоретическим. Будучи еще ребенком, благодаря книге Нансена я открыл для себя значение смелых, рискованных теорий, даже рискованных гипотез, поскольку планы экспедиции Нансена строились на теоретических рассуждениях и смелых идеях.

---

⁴⁾ Нансен Фритьоф Ведель-Ярлсберг (1861–1930) — норвежский полярный исследователь, ученый — доктор зоологии, основатель новой науки — физической океанографии, лауреат Нобелевской премии мира за 1922 г. — *Прим. перев.*

⁵⁾ Книга известна в различных русских переводах, например: Нансен Ф. Во мраке ночи и во льдах. Путешествие Норвежской экспедиции на корабле «Фрам» к Северному полюсу. В 2 т. СПб.: Издательство О. Н. Поповой, 1901. — *Прим. перев.*

Часть 2. Мысли об истории и политике

Как сообщает Нансен, его идеи подвергались строгой критике, прежде всего специалистами, его предшественниками в полярных исследованиях. Эти специалисты нападали на блистательный план Нансена как фантастический и самоубийственный и предсказывали, что «Фрам», как и предыдущие суда, будет раздавлен льдами. Однако Нансен защищал свои планы строго рациональным образом. Его экспедиция, длившаяся три долгие полярные зимы, стала экспериментальной проверкой его рискованных, но основательно продуманных теорий.

Таким образом, уже в детстве мне стала понятной точка зрения, согласно которой исследование, включая научное и теоретическое исследование, состоит в выдвижении смелых гипотез с целью их экспериментальной проверки. Это была точка зрения Нансена, которому я благодарен. Возможно, это несколько романтическая точка зрения: она подразумевает, что подлинная наука складывается из открытий, а не из гарантированных на все времена результатов. Сообразно с этим в своей важнейшей части подлинная наука заключается прежде всего в постоянно возобновляющихся открытиях. Другими словами — не в так называемых строго установленных фактах, а в сомнительных, ненадежных *гипотезах*. Поэтому исследователь также иногда должен идти на риск, подвергаящий высшему испытанию его интеллектуальную ответственность.

Уже Чарлз Дарвин обращал внимание на то, что без гипотез нельзя экспериментировать. Но Нансен идет еще дальше. Он говорит, что даже самая абсурдная гипотеза лучше, чем никакая, и упоминает в качестве примера три древние северные легенды,

три предания — гипотезы о свободном ото льдов проходе на судне в Японию и Китай:

- 1) с севера Азии, северо-восточный проход;
- 2) с севера Северной Америки, северо-западный проход;
- 3) свободный ото льдов полярный маршрут, прокладываемый прямой путь через Северный полюс.

Во введении к своей книге Нансен пишет об этих трех гипотезах: «Эти теории, хотя и были столь абсурдными, все же внесли большой вклад во благо человечества, поскольку они содействовали значительному расширению наших знаний о Земле... Никакая работа не является бесполезной для подготовки исследования; даже в том случае, если оно начинается с явно ошибочных предположений»⁶⁾.

Когда я в детстве постоянно с большим интересом читал эту книгу, я никак не подозревал, насколько продолжительным будет ее влияние на меня. Я осознал это впервые только сейчас — и удивился. Теперь мне ясно также и то, что я обязан влиянию Нансена своим интересом к атомной физике и почитанием физиков-ядерщиков и радиохимиков, таких как Отто Ган.

Еще месяц назад я наметил описать в данной благодарственной речи обоих своих героев: Гана и Нансена. Но я совсем не знал, что Ган и Нансен были дружны. В прошлом месяце Дитрих Ган, внук Отто, подарил мне книгу о своем дедушке, первоначально

---

⁶⁾ Я привожу цитату по изданию: *Nansen F. Furthest North*. L.: Constable & Co., 1897. P. 7. Это соответствует с. 5 в немецком издании «*In Nacht und Eis*» (Leipzig: F. A. Brockhaus, 1898).

составленную Вальтером Герлахом⁷⁾, но включающую важнейшие дополнения Дитриха. Моя ассистентка совершенно случайно открыла книгу на странице 142 и прочитала мне: «Впоследствии между Ганом и Фритьофом Нансеном завязалась оживленная научная переписка по геологическим вопросам. Ган, между прочим, подтвердил теорию дрейфа континентов Вегенера».

Вы не можете себе представить мое удивление! Ведь я ничего об этом не знал, когда начинал писать свою благодарственную речь, повествуя о двух героях, Отто Гане и Фритьофе Нансене, которые оба занимались наукой и проблемой мира.

Ссылка на Альфреда Вегенера⁸⁾ в цитате из книги Дитриха Гана была для меня также крайне интересной, поскольку Вегенер тоже был одним из героев-исследователей моего детства и, подобно Гану, он поставил на карту свою жизнь для проверки своих теорий. Он умер в 1930 г. (в том же самом году, что и Нансен) в 50-летнем возрасте во время своей третьей экспедиции в Гренландию, в центре ледникового гренландского плато.

В этой благодарственной речи мне хотелось упомянуть Нансена по двум причинам:

- 1) потому, что он пробудил мой интерес к научному исследованию;
- 2) потому, что он в качестве верховного комиссара Международного Красного Креста и Лиги наций очень много сделал для сохранения мира после 1918 г.

---

⁷⁾ Герлах Вальтер (1889–1979) — немецкий физик, один из соавторов опыта Штерна—Герлаха, который подтвердил наличие спина у атомов. — *Прим. перев.*

⁸⁾ Вегенер Альфред Лотар (1880–1930) — немецкий геофизик и метеоролог, создатель теории дрейфа материков. — *Прим. перев.*

Его огромная деятельность не совсем еще позабыта. После завершения Первой мировой войны он разработал нансеновский паспорт, введенный в оборот 5 июля 1922 г. Это был заграничный документ для не имеющих гражданства эмигрантов, который постепенно признали в общей сложности 52 государства; сначала он выдавался эмигрантам из России, а вскоре его стали выдавать и другим эмигрантам со всего мира.

Другим, почти забытым делом Нансена была организованная в огромном масштабе помощь голодающей Советской России. Это была первая международная гуманитарная акция такого рода, она продолжалась с 1921 до 1923 г. Она была организована при его содействии Лигой наций в Женеве — предшественницей ООН. Нансен просил Ленина разрешить в сложившейся трудной ситуации доставить жизненно необходимые средства и медикаменты голодающим и больным людям и распределить их между ними. Ленин, вероятно, прежде всего опасался шпионажа и огласки тогдашнего страшного положения дел в Советском Союзе. Но после завершения этой акции в 1923 г. Ленин сам говорил, что организованная Нансеном для России помощь спасла жизни трех миллионов людей. Согласно другим источникам (которые я не смог проверить), было спасено семь миллионов человеческих жизней.

К своему удивлению, я обнаружил, что эта образцовая и важная для Объединенных Наций акция была очень быстро позабыта. Вот почему я здесь о ней упоминаю. Всякий раз, когда я во время холодной войны встречал людей, которые, как я полагал, должны были бы знать что-то о нансеновской помощи России — в частности, некоторых действующих дипломатов, — я спрашивал их об этом. Но никто

об этом даже не слышал. Мне кажется, будет правильно вспомнить об этом событии, обращаясь к предыстории ООН. Для нас крайне важно извлекать уроки из истории, для нас также важно извлекать уроки из искажения и забвения истории. Я предполагаю, что нансеновская помощь была так быстро позабыта потому, что упоминание о ней было бы неприятным как для России, так и для левых интеллектуалов в западных странах.

Я не знаком с перепиской Гана и Нансена, которую они вели после Первой мировой войны. Но, по-видимому, несмотря на их общие геофизические интересы, они касались также и деятельности Нансена в пользу мира. Нансен умер в 1930 г. Помнил ли Ган о нем, когда он после 1945 г., после завершения Второй мировой войны, начал свою деятельность за мир и против атомного оружия? Я думаю, что нет. Причина обращения Гана к деятельности в поддержку мира была, пожалуй, очень проста: об атомном оружии он знал значительно больше, чем остальные граждане, и потому он считал своим долгом обсуждать этот столь судьбоносный для человечества вопрос. Он мог просвещать, он должен был делиться своим знанием.

Делиться своим знанием для чего? Для того чтобы сбылось древнейшее желание людей. *Et in terra pax* — и на земле мир. Именно эти слова мы читаем в Новом Завете⁹⁾. Их же мы слышим в Торжественной мессе Бетховена, в ее удивительных звуках. Ради этой цели

---

⁹⁾ *Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis* (лат.) — «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» — начало латинского богослужебного гимна «*Gloria in excelsis Deo*» и православного Великого славословия, восходит к евангельскому сюжету поклонения пастухов (Лк. 2:14). — Прим. перев.

после Первой мировой войны была создана Лига наций, о необходимости которой писал уже Иммануил Кант, величайший из всех философов, в своей книге «К вечному миру» (1795)¹⁰⁾. Ради этого после Второй мировой войны была создана ООН — с большой надеждой установить мир во всем мире. На это же незадолго до своей смерти указывал Отто Ган, размышляя об атомном оружии: он писал о «необходимости установления всеобщего мира».

Мир необходим. Возможно, нам придется еще долго бороться за него и защищать его. Мы должны готовиться к этому, как и к тому, что Объединенные Нации и мы сами будем допускать ошибки. Но быть оптимистами — это наш долг.

Прежде чем завершить, я хотел бы еще раз пояснить этот тезис: «оптимизм — это долг».

Будущее открыто. Его нельзя заранее определить. Поэтому его никто не может предсказать — разве только случайно. Возможности, заложенные в будущем, как хорошие, так и плохие, необозримы. Когда я говорю, что «оптимизм — это долг», это означает не только то, что будущее открыто, но и то, что мы все вместе определяем его своими делами: мы все несем ответственность за то, что случится.

Долг каждого из нас — не делать дурные предсказания, а заниматься теми делами, которые позволяют сделать наше будущее лучше.

---

¹⁰⁾ См. с. 143 в части I.

Именной указатель

- Анаксагор** 83
Аристарх Самосский 6
Аристид 115
Аристотель 6
Ауэр фон Вельсбах, Карл 140
аятолла Хомейни 120
- Барт, Карл** 57, 58
Бенда, Жюльен 122
Берия, Лаврентий Павлович 148, 156
Бернал, Джон Десмонд 190
Бетховен, Людвиг ван 212
Бор, Нильс 136, 205
- Вайсберг, Александр** 191
Вебер, Макс 107
Вегенер, Альфред 210
Вильгельм II 108, 129
- Гааз, Артур** 205
Галилей, Галилео 5, 6, 26
- Ган, Дитрих** 209, 210
Ган, Отто 135, 136, 204–206, 209, 210, 212, 213
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 16, 19, 55, 60–62, 142, 162, 166, 177
Гераклит 62, 63
Герлах, Вальтер 210
Геродот 83
Гиллель 22
Гиппий 83
Гитлер, Адольф 17, 71, 89, 90, 98, 108, 113, 114, 118, 122, 123, 125, 133, 142, 151, 157, 175, 181–183, 191
Гоббс, Томас 96–98
Голль, Шарль де 158
Гомер 81, 82, 84
Гораций 203
Горбачёв, Михаил Сергеевич 127, 128, 166–168, 170
Гофмансталь, Гуго фон 17

- Граф, Вилли 157
 Гумбольдт, Вильгельм фон 96, 99, 186
 Гутенберг, Иоганн 83, 84, 186
- Д**
 Дарвин, Чарлз 208
 Декарт, Рене 18
 Демокрит 32
 Диодот 87
- Е**
 Ельцин, Борис Николаевич 170
 епископ Брэдфорд 30
- Ж**
 Жолио-Кюри, Ирен 192
 Жолио-Кюри, Фредерик 192
- К**
 Кант, Иммануил 10, 16, 19, 22, 24, 28, 30, 96–101, 107, 158, 186, 203, 213
 Карсон, Рэйчел (Рахиль) 133
 Кастро, Фидель 166
 Келлог, Фрэнк Биллингс 10
 Кеплер, Иоганн 5–7
 Керенский, Александр Фёдорович 180
 Коперник, Николай 6
 Ксенофонт 111, 112
 Кьеркегор, Сёрен 58, 61, 62
 Кюри, Пьер 204, 205
- Л**
 Лейпольд, Инге 179
- Ленин, Владимир Ильич 89, 98, 163, 179, 180, 199, 211
 Лессинг, Теодор 67
 Линкольн, Авраам 159
 Локк, Джон 21
 Льюис, Синклер 139
- М**
 Макмюррей, Джон 51, 59, 60
 Маркиз Поза 23
 Маркс, Карл 73, 89, 112, 113, 143–145, 147, 163–165, 177, 188, 189, 195, 196
 Мейер, Стефан 205
 Мейтнер, Лиза 135, 205
 Милль, Джон Стюарт 96, 99, 101, 186
 Моисей 121
 Муссолини, Бенито 89, 98, 182, 183
 Мью, Мелитта 4
- Н**
 Нансен, Фритъоф 207–212
 Наполеон I 142
 Никсон, Ричард 92
 Ницше, Фридрих 17
 Ньютон, Исаак 5, 6, 46
- П**
 Перикл 85, 93, 94, 115, 116
 Песталоцци, Иоганн Генрих 14, 16, 19
 Писистрат 81–83

Часть 2. Мысли об истории и политике

Планк, Макс 205
Платон 48, 65, 73, 88, 89, 111, 112
Пол Пот 120
Понтий Пилат 57
Пробст, Кристоф 157
Птолемей, Клавдий 6

Рассел, Бертран 20, 152
Резерфорд, Эрнест 205
Рузвельт, Франклин Делано 123,
126, 127
Рэмси, Уильям 205

Саддам Хусейн 168, 169
Сахаров, Андрей Дмитриевич 127,
128, 148, 154, 156, 157, 167,
168, 192
Склодовская-Кюри, Мария 192,
204, 205
Сократ 64, 86, 111
Солон 158
Сорос, Джордж 128
Спиноза, Бенедикт 23
Сталин, Иосиф Виссарионович 30,
98, 123, 148, 156, 190–192,
199
Стефенсон, Джордж 138

Тойнби, Арнольд Джозеф 22
Троцкий, Лев Давидович 179, 180,
187

Уатт, Джеймс 137
Урбах, Франц 205
Уэллс, Герберт Джордж 20

Фалес Милетский 6, 24–27
Фемистокл 85, 115, 116
Филипп II 23
Фихте, Иоганн Готлиб 16, 19
Фишер, Герберт Альберт Лоренс
9, 10
Фишер, Фриц 126
Форд, Генри 138, 139
Франц Иосиф 180
Франц Фердинанд 180
Фридрих II 152
Фриш, Отто Роберт 135, 136, 205,
206
Фукидид 83, 86, 87, 93, 94, 115,
116, 118
Фукуяма, Фрэнсис 176, 177

Хайден, Конрад 17
Хайдер, Йорг 174, 175
Холдейн, Джон 148, 190
Хонеккер, Эрих 175, 176
Хрущёв, Никита Сергеевич 148,
157, 166, 167
Хубер, Курт 157

Цезарь Гай Юлий 44
Цинсер, Ганс 53

Цицерон 81

Черчилль, Уинстон 7, 15, 74, 119,
123, 124, 126, 127, 183, 199

Шеллинг, Фридрих Вильгельм
Йозеф фон 16, 19

Шиллер, Фридрих 23

Шморель, Александр 157

Шоль, Ганс 157

Шоль, Софи 157

Шопенгауэр, Артур 19, 38, 62, 120

Шпенглер, Освальд 126

Штадлер, Клаус 4

Штрассман, Фриц 135, 136

Эддингтон, Артур Стэнли 35

Эйнштейн, Альберт 46, 190, 205

Энгельс, Фридрих 143, 144, 189

Юнг, Карл Густав 122

Предметный указатель

Аборт медикаментозный 173

Августа эпоха 10

августовский путч 1991 года 170

Австрия 14, 15, 44, 118, 129, 151,
174, 180–182, 187, 191, 193

авторитет 17

альтруизм 63, 65

американский мир 169, 170

Англия 13–15, 28, 30, 84, 99, 108,
181, 206

антиамериканизм 149

аристократия 13, 14, 32, 65, 72, 88

астрология 7

астрономия 6, 188, 195

Атлантическая хартия 123

атомная бомба 200

— теория 204, 205

— физика 209

Афганистан 120

Афины 81–87, 89, 137, 158

Бадеиная теория (сознания) 36

безработица 181, 193, 201

Белые Розы 157

биологические структуры 5

биология 5, 41

биржевой крах (банкротство) 181

Бог, божественное 55

бомба Сахарова (советская
водородная бомба) 148, 154,
168, 192

бомбардировка Хиросимы 148,
167, 168, 177, 197, 206

борьба с бедностью 14, 201

Брест-Литовский мирный договор
180, 187

будущее 3, 51, 110, 119, 150, 151,
153–155, 163, 166, 174, 179,
188, 197, 198, 213

буржуазия 13, 14, 144

бюрократия 72, 107, 145, 203

— военная 107

— гражданская 107

Великобритания 15, 72, 73, 77,
123, 181, 182
Венгрия 166
вера (предположение) 32
— религиозная 22
внешняя политика 106
возникновение жизни 123
война 166
— чипов 171
воспитание 13, 130, 173
Восточная Германия 143, 166, 175,
183
всеобщая история 54
вспомогательная гипотеза 47
выработка мнений (открытая) 21,
24
высказывания 39

Гармония, гармоническое 5, 15
Германия 71, 99, 118, 125, 133,
142, 143, 152, 158, 162, 166,
170, 172, 174, 175, 180–183,
187, 191, 206
гипотеза 208
голосование 72, 92
гонка вооружений 8, 166
государственная власть 91, 95, 96
государственные органы 100, 104
государство благополучия 101, 105
— правовое 10, 98, 100, 167, 171

готовность помочь 30, 160
гравитации теория ньютоновская
46
— — эйнштейновская 46
Гражданская война в Испании 182
— — в России 180
— — в США 159, 160
греческие философы 25
гуманизм 84

Движение за мир 108, 152
двухпартийная система 78, 79
деление ядер 135, 136
— — урана 204
Делосский морской союз 85
демографический взрыв 173,
201–203
демократия 7, 8, 13, 28, 29, 31–33,
71–73, 75, 76, 78, 79, 81, 84,
86–88, 90–92, 108, 113, 114,
116–119, 124, 142, 177, 182,
183, 186, 196
— афинская 83–86, 90, 91, 93,
114–116, 118
— либеральная 163, 168, 170, 176
— теория демократии 3, 71, 78
—, — — 71, 113
деспотизм 98
деспотия 142, 155–158, 163, 170

Часть 2. Мысли об истории и политике

диктатура 7, 72, 89–91, 96, 108,
113–115, 119, 128, 144, 147,
163, 183, 189, 196

дискуссия критическая 18, 19, 23,
25

догма, догматическое 7, 55

достоверность 24, 188, 199

достоинство (личности) 22, 30, 98

драматург 17, 84

дуализм 68, 69

дух времени 17, 125

Ересь 121

естествознание 4, 5, 27, 35, 39, 71,
84, 123

Жестокость 108, 121, 178, 192, 203

Закон концентрации капитала
189

— о предоставлении
чрезвычайных полномочий
правительству 91, 113, 118

закон(ы) всеобщий(е) 39

— исторический(е) 43

— прогресса 151

— психологический(е) 44

— социологический(е) 44

— универсальный(е) 39

защита страны 105, 106

зеленые 132, 133, 136, 173, 196

Идеализм 31, 160

— немецкий 16

идеологии 79, 80, 118, 125, 126,
128, 153, 155, 156, 163, 182,
185, 188, 197

избирательное право 73

издатель 82

изобретения 131, 132, 136–138

индивидуализм 13, 62, 65

индустриализация 135, 164, 180,
196

институты демократические 69

интеллектуалы 16, 19, 20, 27, 111,
120–123, 126, 128, 151, 154,
162, 164, 171, 182, 212

— как пророки 19, 128

интерпретация историцистская
50, 51

— историческая 46, 47, 50, 51, 57,
149, 153

— — гегелевская 143

— — марксистская 142, 143, 149

— — националистическая 142, 143

— — расистская 142

ионийская школа

(натурфилософии) 24–26

Иран 120

исключения метод 41

Испания 182
 истина объективная 126, 128
 —, поиск истины 79
 историография 3, 34
 историцизм 51, 55, 59–61, 68, 69
 — теистический 55
 историческая концепция 46, 47,
 142
 история конец истории 177, 189
 —, марксова теория истории 188,
 191, 195
 — политической власти 45, 53, 66,
 67, 70, 177
 — человечества 6, 49, 51–54, 126,
 183, 197
 Италия 181, 182

Камбоджа 120

капельная модель атомного ядра
 136
 капитализм 163–167, 190, 193,
 195–197
 квазитеории 45, 47
 кеплеровские законы 5
 Китай 114, 120, 173, 209
 классовая борьба 143, 144, 177,
 188, 189
 книжный рынок 81–85, 137

коалиция, коалиционное
 правительство 7, 76, 77, 117,
 183
 коллективизм 63, 65
 коммунизм 143, 152
 — советский 30, 162, 168
 коммунизма крах 3, 162, 168, 179
 коммуникация 138
 конкуренция 78, 169
 концентрационный лагерь 191
 Коринф 82
 космология 71
 критика техники 132
 Куба 166, 167

Лига наций 8, 206, 207, 210, 211,
 213

литература 82, 84, 85, 139
 логика 21

Малодушие 32, 122

марксизм 60, 71, 145–147, 149,
 151, 154, 166, 167, 179, 181,
 182, 184–186, 190, 192, 194,
 195
 массовое производство 164, 196
 медаль мира имени Отто Гана
 204, 206
 Международный Красный Крест
 210

Часть 2. Мысли об истории и политике

- Мелос 86, 118
метод проб и ошибок 131
миллевский принцип 102, 103, 105
мини-государство 99, 100, 105–107
мир (как противоположность войне) 127
— во всем мире (всеобщий мир) 127, 200, 213
— необходимость мира 3, 204, 206, 213
мировая война 8, 152, 205
— — Вторая 8, 10, 15, 114, 127, 183, 206, 212, 213
— — Первая 10, 146, 180, 181, 186, 187, 190, 206, 207, 211–213
мировой экономический кризис 181, 184
Митилена 87
молодежь 108, 109
монархия 72, 88
мораль 65
—, моральная обязанность 74
—, — проблема 87
моральный футуризм 56, 60
мутации (изменчивость) 131
нансеновский паспорт 211
народная инициатива 94
народовластие 72, 75, 76, 78, 87, 88, 91, 95, 113–116, 118, 119
настоящее 51, 150, 154, 155
наука 124
— историческая 42, 190
— обобщающая 41–43
— общая 41
— современная 26
национализм 119, 122
недобросовестность 17
неплодотворность (марксистской теории) 185
Новый Завет 10, 55, 212
Обнищания теория (марксова) 164, 189, 196
образец 64, 157
общество бесклассовое 144, 145, 147, 188, 189
— классовое 145
— либеральное 165, 180
— открытое 48, 66, 67, 79, 162, 183, 184, 195, 196, 199, 202
— цивилизованное 10, 101, 200
объективность 49
одноклеточные организмы (простейшие) 131
озоновая дыра 172

окружающий мир 123
 — —, проблема окружающего
 мира 124
 — —, уничтожение окружающего
 мира 123
 олигархия 88
 оппозиция 79, 200
 опровержение 36, 147, 186
 оптимизм, оптимист 29, 107, 109,
 150, 151, 153–155, 178, 213
 Организация Объединенных
 Наций 8, 10, 123, 204, 206,
 211–213
 организм 131, 132, 156
 оружие 8, 10, 166–168, 170, 177,
 197, 200, 206, 212, 213
 — массового уничтожения 148,
 156, 168, 172
 —, торговля оружием 134, 168
 освобождение женщин 139, 140
 остракизм 115, 116
 ответственность 3, 7, 8, 11, 60, 68,
 69, 72, 76, 77, 91, 95, 105,
 107, 110, 111, 115, 117, 119,
 124, 126, 155–158, 163, 178,
 198, 200, 203, 206, 208, 213
 — чувство ответственности 175
 отравляющее вещество (ядовитый
 газ) 134
 ошибка 35

—, корректировка ошибок 131
 — технологические 131

Пакт Гитлера—Сталина
 (Молотова—Риббентропа)
 191

парадокс 174
 партийная дисциплина 147
 партийное правительство 75
 партийность 147
 патернализм 99, 101, 106, 107
 пацифизм 187
 пифагорейцы 25
 план Маршалла 123, 126
 планет движение 5
 платоники 112
 платоновская диалектика 111
 плюрализм 25, 79
 позитивизм 20
 политика 34, 71, 116
 политэкономия 172
 полоний 205
 Польша 43, 108
 поляризация между левыми
 и правыми 182, 183, 198, 199
 полярное исследование 207, 208
 право 56
 правоверность 121
 правопорядок 134
 предрассудок 6, 7

Часть 2. Мысли об истории и политике

- предсказание 39–42, 143, 145, 154,
162, 183, 190, 192, 193,
195–197, 213
- принцип законности 113
- причина 21, 40, 42
- проблема, решение проблемы 3,
129, 132
- проверка 41
- экспериментальная 208
- прогноз 36, 150
- прогресс 9, 10, 47, 49, 69, 131, 151,
153, 178, 194
- научный 36
- технологический 181, 195
- прожекторная теория (науки) 36
- пролетариат 144, 163, 188
- пропорциональная избирательная
система 73, 75–79, 117
- пророчество 20, 59, 60, 162, 163
- Просвещение 16, 17, 19, 21–23, 27,
165
- противоречие 156, 177, 193
- прошлое 3, 43, 49–51, 56, 150, 154,
163, 166, 175, 179, 192, 197,
198
- Рабочая гипотеза 37**
- рабство 32, 49, 54, 118, 133, 139,
140, 155, 159, 160
- радиация, хаотическая 204
- радий 205
- радиохимия 135, 204
- разоружение 8, 128
- расизм 119
- расщепление урана 135
- рационализм 16–19, 23, 24, 26, 27
- критический 162
- реализм 20, 69
- революция 192
- Американская 158
- в сфере коммуникации 138
- венгерская 1956 г. 32
- духовная 139
- пуританская 13
- Русская 32, 181
- социальная 144, 145, 148, 165,
177, 188, 190
- Французская 32, 144, 145, 158
- религиозные войны 22
- религия 26, 54, 55, 69, 79, 80, 90,
121, 126, 130, 151, 189
- пессимистическая 151
- Ренессанс 25, 26
- реформа 127, 152
- политическая 186
- Реформация 84
- романтики 16, 165, 166
- Россия 30, 44, 128, 163, 167, 168,
170, 180–183, 185, 191, 211,
212

Самокритика 18, 19, 78, 109, 131
 самоосвобождение 14, 16, 19
 самосознание 84
 свобода 12, 95
 —, злоупотребление свободой 95
 — личная 134
 — мысли 23
 —, ограничение свободы 96
 — ответственности 110
 — политическая 24, 155
 — религиозная 23
 — совести 23
 свободный рынок 133, 134, 201
 Семилетняя война 152
 скульптор 84
 следствие 40, 135
 смена (ропуск) правительства 28,
 75
 смысл (истории) 52
 Советский Союз 127, 154, 182, 183,
 197, 199, 211
 современность 150, 151
 Соединенные Штаты Америки 73,
 77, 92, 108, 127, 133, 139,
 149, 150, 156, 158–160, 167,
 169, 171, 172, 176, 181
 сократики 112
 Спарта 86
 СПИД 174, 178
 Средний Восток 183

суеверие 55, 68, 69, 118

Театр 55, 82

теории конкурирующие 25
 —, построение теорий 154
 —, проверка теории 36
 —, смелость (рискованность)
 теории 207
 — физические 38
 теория государства 101, 105
 — гравитации 46
 — демократии 71
 — законности 113
 — империализма 164
 — истории 188
 — континентального сдвига 210
 — марксова 188
 — насильственной отставки
 большинства 78
 терпимость (толерантность) 79,
 98, 160, 161, 202
 — религиозная 13, 22
 терроризм 32, 95, 109, 146, 176,
 182, 187, 193
 техника 106, 132, 133, 136, 140,
 151, 170, 173
 — восхваление техники как
 фактора культуры 136
 технология 45, 123, 124, 131, 201

Часть 2. Мысли об истории и политике

тирания 28, 29, 32, 72, 81, 86, 88,
90, 114, 115, 118, 119
Тироль 12, 13
точка зрения на мир 163
традиция 25
— двухступенчатая 26
— догматическая 25
требование платоновское 111, 114
— сократовское 111
третий мир 164, 170, 171
Третий рейх 15
Турция 181

Уничтожение 10, 180
утопия 122
учение 25

Фальсификация 36, 47
фашизм 60, 182, 183, 195
Фивы 82
физика 38, 39, 41, 46, 135, 152, 205
философии открытия 48
философия 106
— истории 143, 162
формирование правительства 74,
75
формы правления 90
Франция 181, 182

Химия 132, 135, 192, 205
холодная война 183, 211
христианство 30, 55–61, 66, 121
художник 84

Церковь 59, 160, 173, 174, 178
— католическая 173
цивилизация 10, 27, 63, 123, 200,
202
— западная 179
цивилизованный мир 168–170
цикличность (теории) 45, 46
цинизм 3, 141, 149
циничное понимание истории
141, 142, 149, 150, 171

Швейцария 12–15, 28, 119, 123

Эволюция (теория) 148
эгоизм 63, 65, 203
эксперимент 36, 41, 46, 132,
135–137, 182, 208
эмансипация 139, 140
энергия 192, 202
— солнечная 132
— химическая 132
этика 62, 63, 65, 66, 120

Карл Раймунд ПОППЕР

1902–1994

Выдающийся британский философ, логик и социолог австрийского происхождения, один из классиков философии XX века. Родился в Вене, в семье видного юриста. Учился в Венском университете, где изучал математику и теоретическую физику; книги по философии читал самостоятельно. После окончания университета преподавал в гимназии, одновременно занимаясь исследованиями в области логики и философии науки. С 1937 г. стал преподавателем философии в Кентерберри-колледже (Крайстчерч, Новая Зеландия). С 1946 до середины 1970-х гг. — профессор Лондонской школы экономики и политических наук.

Карл Поппер — автор и представитель школы «критического рационализма» — попытки конструктивного теоретического преодоления логического позитивизма. Его первая опубликованная книга «Логика научного исследования» завоевала широкое признание своей критикой индуктивизма, защитой философии и выдвиганием «фальсифицируемости» как критерия науки. В 1945 г. был издан выдающийся труд, содержавший критику авторитаризма, — «Открытое общество и его враги», создавший К. Попперу репутацию всемирно известного философа. Среди классических работ К. Поппера по философии и методологии науки широкую известность получили книги «Предположения и опровержения» и «Объективное знание. Эволюционный подход» (рус. пер.: М.: URSS).

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа
URSS
 Каталог изданий
 в Интернете:
<http://URSS.ru>
 E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
 Нахимовский (многоканальный)
 проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru.
 Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

24221 ID 241261

